РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА Pl БОЛЬШИЕ КНИГИ

Исай Калашников

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

«АЗБУКА»

Русская литература. Большие книги

Исай Калашников

Жестокий век

«Азбука-Аттикус»

1978

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Калашников И. К.

Жестокий век / И. К. Калашников — «Азбука-Аттикус», 1978 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23669-1

Монументальный исторический эпос Исая Калашникова «Жестокий век» вышел в свет в 1978 году и сразу же получил признание как один из выдающихся образцов жанра. С тех пор он с неизменным успехом переиздавался несколько раз, и хотя многое было написано за эти годы о легендарных событиях того дальнего времени, произведение Калашникова по-прежнему не перестает восхищать читателей глубиной и мастерством проработки исторического материала, положенного в основу этого грандиозного и захватывающего романа. В бескрайней монгольской степи в середине XII века в знатном роду тайджиут появился на свет мальчик, имени которого суждено было железом и кровью запечатлеться в истории человечества. Рано потеряв отца, Тэмуджин преодолел множество невзгод и обрел беспримерное могущество и беспримерную славу под именем Чингисхан. Как предводитель войска, подобно неудержимой лавине сметающего все на своем пути, как правитель, в своей безудержной жажде власти стремящийся обрести власть над всем миром.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-23669-1

© Калашников И. К., 1978
© Азбука-Аттикус, 1978

Содержание

Книга первая 8
Часть первая 8
I 8
II 11
III 13
IV 16
V 20
VI 25
VII 30
VIII 33
IX 37
X 42
XI 44
Часть вторая 47
I 47
II 50
III 56
IV 60
V 64
VI 67
VII 70
VIII 74
IX 77
X 79
XI 84
XII 87
XIII 92
Часть третья 95
I 95
II 100
III 107
IV 116
V 123
VI 128
VII 134
VIII 144
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Исай Калашников
Жестокий век

© И. К. Калашников (наследники), 2023
© Оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

* * *

Исай Калашников

Жестокий век

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Книга первая
Гонимые

Небо звездное, бывало,
Поворачивалося –
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,
Все добычей поживлялися,
Мать широкая земля
Содрогалася –
Вот какая распря шла
Всеязычная.

(«Сокровенное сказание»,
монгольская хроника 1240 г.)

Часть первая

I

Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля – дэрисуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата – ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрисуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, – она была далеко отсюда, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники – олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в острословии, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник – в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юролы – благопожелания. Ее сородичи славились веселым нравом, песнями и красавицами-девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены – предела царства китайского Алтан-хана, – приезжали к ним за невестами…

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутуг – кочевье – не на день, не на два – навсегда. Ей стало так тоскливо, что, позабыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чиледу удивленно заморгал глазами, наклонился

над нею, провел ладонью по голове, ничего не сказал. Она не дала воли слезам, вытерла глаза полой халата, стала разводить огонь. Но тоска из сердца не уходила. Кончилась ее беззаботная жизнь. Теперь она должна готовить пищу, шить одежду, седлать мужу коня, править повозкой во время перекочевок…

Чиледу не досаждал ей разговорами, его широкое лицо все время было спокойно-ласковым, в узких бесхитростных глазах светилась участливая улыбка. И она была благодарна ему за эту улыбку, за молчание.

И сейчас, сидя в задке повозки спиной к Чиледу, она ощущала на затылке его взгляд. Все время казалось, что жених желает что-то сказать, но разговаривать совсем не хотелось, и она сидела не оборачиваясь.

– Оэлун, – позвал он.

Она слегка повернула голову.

– Хочешь кумыса, Оэлун?

Только теперь она почувствовала, что от зноя во рту пересохло. Молча кивнула. Чиледу налил в деревянную чашку кумыса из бурдюка, уложенного в повозку ее матерью. Кумыс был теплый и кислый, от него засвербило в носу.

– Скоро будет Онон, – сказал Чиледу, завязывая бурдюк. – У воды покормим волов и лошадь, отдохнем до вечера. Дальше поедем ночью. И прохладнее, и безопаснее.

В этот день Чиледу все время держал на коленях лук с боевой стрелой, рядом, под рукой, лежал обнаженный меч с рукояткой из рога изюбра.

– А какая тут… опасность? – без интереса, чтобы хоть что-то сказать, спросила она.

– Тут кочует худое племя. Мы, меркиты, все время в ссоре с этим племенем. Недавно воевали. Они убили нашего повелителя Тудур-билге, тяжело ранили его сына Тохто-беки.

Чиледу говорил, тревожно вглядываясь в степь. Но кругом не было ни души, только изредка перекликались в чахлой траве суслики.

Вскоре местность стала заметно ниже, а земля не такой сухой и твердой. Впереди, расплываясь в горячем дрожащем воздухе, показалась темная гряда тальниковых зарослей. Волы, почуяв воду, пошли быстрее, конь Чиледу поднял голову, запрядал ушами.

На широкой луговине, в тени кустарника, Чиледу распряг волов, стреножил лошадь. Оэлун села на берегу. На реке вспыхивали слепящие блики, волны тихо всхлипывали у затравеневшего берега. Чиледу присел рядом, притронулся рукой к ее плечу.

– Не печалься, Оэлун. У нас все будет хорошо, вот увидишь. Род мой не богат и не знатен, но я умею работать и метко стрелять. На Селенге много зверей. Я буду стараться, Оэлун, чтобы тебе жилось не хуже, чем в юрте самого знатного нойона.

Оэлун слушала молча, смотрела в воду Онона. По дну текли, не взмучивая чистой воды, и уносились вниз струйки песка. Неторопливая, раздумчивая речь Чиледу успокаивала Оэлун. Попробовала представить свою жизнь там, на берегах Селенги, в кочевьях меркитов, но из этого ничего не получилось, она видела перед собой одно и то же: юрты у светлого озера, окаймленного высокими зарослями камыша, скуднотравые степи с белыми пятнами солончаков – гуджиров, – родной нутуг олхонутов.

– Селенга такая же, как Онон? – спросила она.

– Много больше. Редкий багатур в силах перекинуть стрелу из лука с одного берега на другой.

Чиледу наломал сухих тальниковых палок, высек кресалом огонь, но тут же и угасил, опасливо оглядываясь.

– Ты боишься? – спросила Оэлун.

– Дым далеко виден, – уклончиво ответил Чиледу, нахмурился.

Она чувствовала, что ему не хочется выглядеть в ее глазах трусом, сказала:

– Обойдемся без огня.

Чиледу упрямо дернул головой:

– Нет, мы разведем огонь.

Он снова ударил кресалом по кремню.

Над огнем Чиледу растопырил походную треногу тагана, повесил на нее котелок с водой. Все это проделал ловко, быстро, без опасливых оглядок. И Оэлун подумала, что вечное синее небо послало ей хорошего жениха.

Чиледу сбросил с себя халат, сидел на траве голый по пояс, пестрая тень испятнала его смуглую кожу; блаженно улыбаясь, следил за каждым движением Оэлун.

Лошадь, щипавшая траву, неожиданно подняла голову, призывно заржала. Из-за кустов тальника донеслось ответное ржание. Чиледу вскочил, метнулся к повозке, схватил лук и меч, вернулся к огню, подняв Оэлун, толкнул в возок и задернул полог.

Страха у Оэлун не было. Она чуть отодвинула полог, выглянула наружу. На луговину выехал одинокий всадник на белоногой рыжей лошади. На нем был халат из грубой шерстяной ткани, но оружие – кривая сабля, колчан со стрелами – украшено серебром, а седло и уздечка – медными резными пластинками. Оэлун удивило, что обнаженная голова всадника была под цвет масти его лошади – рыжей. Небольшие косички, заложенные за уши, поблескивали так, будто были отлиты из меди. Она еще никогда не видела людей с рыжими волосами. И глаза у него не такие, как у всех людей, – не карие или черные, а серо-зеленые. Может быть, это и не человек? Тогда кто же? Дух добра или зла?

Не спуская настороженного взгляда с Чиледу, всадник напряженным голосом поздоровался. Чиледу ответил невнятно, его руки сжимали лук, готовые в любое мгновение натянуть тетиву.

Всадник, окинув взглядом поляну и, видимо, убедившись, что здесь больше никого нет, успокоился, насмешливо спросил:

– Чего ощетинился? Откуда такой взялся?

– Издалека, – буркнул Чиледу, опустил лук, присел к огню.

– Меркит? – спросил всадник.

– Да.

– Это сразу видно. Всякий другой пригласил бы гостя отведать пищи, освежиться кумысом – так велит обычай степняков. Древние обычаи не для вас, заносчивые меркиты?

– А разве древний обычай велит тебе, гость, приставать с расспросами? – угрюмо проговорил Чиледу. – Садись, я налью тебе кумысу.

Всадник засмеялся:

– С этого бы и начинал. Но я не буду пить твоего кумыса, меркит. Что ты делаешь здесь, так далеко от своего нутуга? Кто тебя послал сюда? Зачем? – Всадник наклонился, резко отдернул полог и заглянул в возок. – Ого!

Оэлун совсем рядом увидела его удивленные глаза, отодвинулась.

– Как тебя зовут, прекрасная девушка?

– Оэлун[1] – недружелюбно отозвалась она.

– Какое же ты облако! – В широкой улыбке блеснули его белые ровные зубы. – Ты не облако, ты грозовая тучка! А меня, красавица, зовут Есугей. – Он повернулся к Чиледу. – Если это твоя сестра, меркит, видит небо, я готов стать вашим зятем. – Удало подбоченился.

– Она моя невеста.

– Невеста?! – Улыбка медленно стекла с его лица, оно стало жестким. – Неве-е-ста… Что ж, вези ее домой. – Еще раз глянул на Оэлун. – Если твой жених когда-нибудь подымет против нас оружие, ты останешься вдовой – знай это. И ты, жених, запомни мои слова!

Он рванул повод, ускакал, ни разу не оглянувшись.

---

[1] *Оэлун* – облако.

Чиледу смотрел ему вслед, торопливо вытирал потный лоб.

Кое-как перекусив, запрягли быков. Пока собирались, Чиледу все время оглядывался, прислушивался, бормотал: «Будь ты проклят, красноголовый шакал!» Он немного успокоился, когда гряда тальников и жарко блестевшая излучина Онона остались позади.

– Ты знаешь этого человека? – спросила Оэлун.

– Я знаю его племя. Во всей степи не найдешь таких задир и забияк, как эти тайчиуты.

– Почему у него волосы и глаза не черные? У них все такие?

– Не все. Есть у них один род рыжеголовых. Они считают рыжие волосы и серые глаза знаком своего божественного происхождения. Ты слышала, как он разговаривал со мной? Это не потому только, что тайчиуты побили наше племя. Всех на свете людей эти рыжеголовые считают ниже себя. Как же, они созданы самим Небом!

Чиледу сорвал злость на быках – того и другого хлестнул плетью, и на их потных спинах легли темные полосы.

– Это как – созданы Небом?

Взглянув на нее, Чиледу смягчился.

– От стариков слышал я, что много-много лет назад у владетеля Баргуджин-Токума была дочь-красавица Баргуджин-гоа. Ее взял в жены Хорилтай-мэргэн из племени хори-туматов. У них родилась дочь Алан-гоа. Хорилтай вместе с женой и дочерью прикочевал в эти места. Алан-гоа вышла замуж за Добун-мэргэна. Добун вскоре умер, оставив молодую жену с двумя сыновьями. Тут-то и начинаются чудеса. Мужа нет, а Алан-гоа рожает одного, второго, третьего сына. «Как же так?» – спрашивают у нее. Алан-гоа рассказывает, что каждый вечер, как только стемнеет и на небе зажгутся звезды, в ее юрту через дымовое отверстие проникает луч света и превращается в светловолосого молодого человека. От него и дети. Наши старики говорят и другое. Не через дымовое отверстие, а через полог юрты, не луч света, а безродный работник Маалих проникал по ночам к Алан-гоа.

Чиледу замолчал, зорко вглядываясь в серо-желтую равнину бескрайней степи.

II

Оставив Чиледу с невестой, Есугей направился к синеющим вдали холмам. Там он собирался поохотиться на степных птиц. Но предстоящая охота – любимое занятие Есугея – мало занимала его. В мыслях он все время возвращался к внезапной встрече. И дурак же этот меркит! Расположился, как в своем родном нутуге. Надо было отобрать у него и лошадь, и быков, и невесту, а самого заставить пасти стада. Это было бы справедливо. Враг всегда остается врагом. Почему же отпустил его целым и невредимым? Может быть, как раз потому, что этот меркит такой простак и растяпа? Нет, пожалуй, нет. Такие вот харачу никогда не вызывали его жалости и сочувствия. Ни ума, ни отваги. Будь на месте этого меркита он, Есугей, разве позволил бы кому бы то ни было заглядывать в повозку? А какая невеста досталась этому простаку! В память так и врезалось ее лицо: в сумраке повозки сверкают сердитые глаза, а на густых бровях, как роса в траве, блестят капельки пота. Скорей всего из-за нее и не тронул меркита. Но правильно ли сделал? Что, интересно, сказал бы обо всем этом старый Амбахай-хан, его мудрый наставник? Вот уж чего заранее никак не угадаешь. В недавнем сражении с меркитами Есугей пробился к Тохто-беки, молодому сыну вождя врагов. Действуя копьем, а потом и саблей, он нанес Тохто несколько ран. Тот, обливаясь кровью, побежал. Есугей начал настигать его, но лошадь попала ногой в нору суслика, упала. От досады и ярости Есугей чуть не зарубил скакуна. После сражения он старался не попадаться на глаза хану. Но Амбахай сам позвал и сказал:

– Я вижу, ты очень расстроен, но причин для расстройства нет. Тохто-беки должен занять место своего отца. А битый вождь враждебного племени лучше небитого: лишний раз не захочет с нами драться.

Амбахай-хан, друг и преемник знаменитого Хабул-хана, деда Есугея, на многое смотрит совсем иначе, чем другие нойоны племени. После битвы с меркитами нойоны потребовали, чтобы Амбахай-хан, не медля и дня, двинулся на извечных врагов – племя татар. Есугей тогда думал так же, как все. Меркиты ослаблены поражением и гибелью вождя; пока они оправляются, можно всей силой обрушиться на татар.

Амбахай-хан слушал, никого не перебивал, пощипывал реденький седой ус: у него была привычка всегда пощипывать один и тот же ус, потому другой ус был много длиннее, от этого морщинистое лицо хана казалось перекошенным. Когда все выговорились, он вздохнул:

– Побеждает врага сильный, извлекает выгоду из победы мудрый. Мудро ли идти сейчас войной на татар? Они знают о поражении меркитов. И рассуждают примерно как вы, и готовятся к встрече с нами. Каков будет исход войны, одному Небу известно. Но даже если мы победим – что даст нам победа? Алтан-хана встревожит наше усиление. Он пойдет войной на нас. Нам одним не устоять. Значит, нужно думать не о войне, а о мире с татарами. Я поеду к ним сам, без воинов, и попробую угасить огонь старой вражды.

– Они убьют тебя! – сказал Есугей.

– Может быть, и убьют, – грустно улыбаясь, отозвался Амбахай-хан. – Но у нас вряд ли еще будет такой случай установить мир.

С несколькими нукерами Амбахай-хан уехал к озеру Буирнур, месту кочевья татар. Ему давно пора бы возвратиться, но нет ни его, ни вестей о нем.

Лошадь Есугея шла шагом, на ходу пощипывая траву. Солнце перевалило за полдень, но жара не спала, степь была пустынной. Есугей забыл совсем, что он едет на охоту. Мысли цеплялись одна за другую, как звенья цепи, но о чем бы он ни думал, воспоминание о девушке-облаке неясным беспокойством жило в нем. Чем дальше уезжал от тальниковых зарослей на берегу Онона, тем отчетливее становилось это беспокойство. Он уже понимал, что завидует харачу-меркиту.

Есугею давно пора было обзавестись женой. У всех его братьев, даже у младшего, есть жены, а вот ему не повезло. Отец высватал для него невесту в одном из племен, кочующих близ Великой Китайской стены. Но когда пришло время везти невесту домой, на племя напали татары, многих людей поубивали, многих, в том числе его невесту, увели с собой. Потом умер его отец, храбрый Бартан-багатур, потом начались войны, и его юрта до сих пор остается пустой. Оттого он все время пропадает на охоте. Если бы очаг его юрты разжигала такая же красавица, как невеста этого меркита…

Еще ничего не решив, он поднял поводья, круто развернул лошадь и во весь опор помчался домой.

Юрты его племени вольно раскинулись на плоской возвышенности у Онона. Табуны лошадей, пережидая жару, стояли в реке, на берегу лежали овцы. В жидкой тени от молодых березок спали пастухи, возле них сидел облезший пес, тяжело дышал, высунув розовый язык.

Есугей спешился у юрты своего брата Некун-тайджи. Стремительно откинув полог, он переступил порог. В юрте было сумрачно и прохладно. У очага, подвернув под себя ноги, сидели братья – Некун-тайджи и Даритай-отчигин. Должно быть, в выражении его лица было что-то такое, что встревожило братьев, оба молча уставились на него в ожидании. Есугей, смирив нетерпение, присел рядом с братьями, выпил чашку кумыса. Обычай не велит уважающему себя человеку уподобляться суетливой сороке. С медлительной почтительностью обратился к хозяину юрты, старшему по возрасту брату:

– Все ли благополучно у тебя?

– Вечное Небо покровительствует мне, – так же неторопливо, степенно ответил Некун-тайджи, но вдруг его лицо, толстощекое, румяное, расплылось в счастливой улыбке. – У меня, Есугей, родился сын. Я назову его Хучаром. Хорошее имя, а?

Некун-тайджи весь сиял от радости. А Даритай-отчигин, не только самый младший, но и самый маленький из братьев, коротышка с тонкими, немужскими руками, жмурил глаза: казалось, он смеется от радости, но Есугей слишком хорошо знал Отчигина – притворяется. Малый рост, слабосильность испортили его характер. Никогда от души не радуется за братьев, только так вот жмурит свои хитрые глаза.

– Хотите со мной поохотиться? – спросил Есугей.

– Сейчас, что ли? – Некун-тайджи глянул через дымоход на выбеленное солнцем небо. – Жарко.

– На кого охота? – Даритай-отчигин всматривался в лицо Есугея, пытаясь понять, чего не договаривает брат.

– На дикую козу.

– Одни поедем? – допытывался Отчигин, все еще не понимая, что на уме у Есугея.

– Поедем втроем, больше никого не нужно. Но условие – коза мне.

– А нам? – не отставал Отчигин.

– Вам по волу.

– А-а, – протянул Отчигин, кажется уяснив, на какую охоту зовет брат. – Не опасно? Может быть, поговорим со старшим братом, с Мунгету-Кияном?

– Вола всего два, – засмеялся Есугей. Поднялся. – Быстро собирайтесь. Если вы не поедете, я отправлюсь один.

III

Солнце село. Воздух стал прохладнее, но от прогретой земли несло сухим теплом. Запах трав, терпкий, дурманящий днем, стал слабее. Усталые быки еле тащили повозку. Копыта глухо стучали по окаменевшей земле. Оэлун нестерпимо хотелось пить. Как о божественной благодати думалось о глотке холодной родниковой воды. Уже несколько раз спрашивала, скоро ли дойдут до источника. Чиледу каждый раз отвечал, что скоро, но впереди стлалась все такая же ровная степь. Оэлун до боли в глазах всматривалась в ту сторону, где небо, охваченное зарей, смыкалось со степью, надеялась увидеть кусты тальника, метелки камыша или высокую осоку – спутников озер и речушек. Заря догорала, серые сумерки сливались с серой степью. Острые глаза Оэлун заметили впереди что-то темное. Наверное, куст тальника.

– Чиледу, посмотри.

Чиледу остановил быков. Перестала шелестеть трава под колесами, наступила тишина, наполненная звоном мошки, и в этой тишине рассыпался дробный стук копыт. Кто-то мчался им наперерез. Такой же стук копыт Оэлун уловила сзади и сбоку.

– Что это?! – Она испуганно прижалась к Чиледу.

Он резко отстранил ее, выскочил из повозки. Звонко тенькнула тетива, и стрела со свистом унеслась в сумерки.

– Эй, меркит, перестань!

Оэлун узнала предупреждающий голос. Это вернулся рыжий Есугей. Страх сразу пропал, ей почему-то показалось, что Есугей не сделает им ничего плохого. Но он тут же рассеял надежды.

– Слушай, меркит, внимательно! Сражаться с нами бесполезно – нас больше. Убежать невозможно – наши скакуны свежи и быстры. Если ты еще раз натянешь лук, твое тело завтра сожрут корсаки.

Сумерки сгустились настолько, что Оэлун еле различала темные фигуры трех всадников, маячивших с трех сторон.

– Мы еще посмотрим, кого первым сожрут корсаки! – с яростью закричал Чиледу.

Есугей засмеялся:

– У тебя, меркит, в голове как в опрокинутом котле – пусто. Смотри…

Почти у самых ног Чиледу вонзилась в землю стрела, выбив кончиком красную искру. Древко стрелы долго дрожало, издавая звук, похожий на гудение шмеля.

– Ну? – смеялся Есугей. – Не успеешь глазом моргнуть, как три таких стрелы пробьют твое горло. Теперь слушай дальше. Нам не нужна твоя никчемная жизнь. Садись на коня и убирайся. Девушка вместе с повозкой пусть остается.

Оэлун поняла, что все будет так, как сказал рыжеголовый. Они не уйдут, не отступят. Они убьют Чиледу. Все это было до того невероятным, что казалось дурным сном. Быки, устало вздыхая, хрумкали черствую траву, лошадь Чиледу терлась мордой о повозку. Оэлун хотелось закричать так, чтобы крик ее пронесся над степью, поднял на ноги всех честных воинов и пастухов. Но она не закричала, вылезла из повозки, обняла жениха:

– Уезжай. Уезжай, мой добрый Чиледу!

– Куда уедешь? – мрачно спросил он. – Лучше умереть со стрелой в груди, чем в затылке.

– Ты должен жить, – глухо сказала она. – Я не дам убить тебя.

Лихорадочная отрешенность овладела ею. Она поспешно отвязала лошадь от повозки, подала повод Чиледу, выдернула из ножен, висевших у него на поясе, нож и пошла в степь, к Есугею. Она все делала с необдуманной поспешностью, но так, словно все ее движения были заранее выверены и взвешенны.

– Эй ты, рыжий шакал! Чиледу уедет. Он не боится умереть, но я не хочу его смерти. Слышишь, рыжеголовый грабитель? Если ты убьешь Чиледу, я на твоих глазах перережу себе горло!.. Прощай! – Она оглянулась. – Прощай, Чиледу!

Есугей поджидал ее, опираясь на длинное копье. На его голове тускло поблескивал железный шлем.

– Я думал, ты всего лишь красавица. А у тебя, оказывается, сердце храброго воина.

Она не видела его лица, скрытого сумерками, но по голосу чувствовала, что Есугей усмехается, и этот насмешливый голос был ненавистен ей. Она остановилась в двух шагах от него, прислушиваясь к звукам за своей спиной. Скорей бы Чиледу уехал. Еще немного – и она не выдержит непосильного напряжения.

Оэлун не заметила, как Есугей поднял копье. Внезапно ударив древком по руке, он вышиб нож. Его сильные, с твердыми ладонями руки стиснули ее, зажали рот. Все это он сделал так стремительно и внезапно, что Оэлун даже не сопротивлялась.

Подняв ее в седло, он что-то крикнул и погнал лошадь в степь. Тут только Оэлун опомнилась. Она билась в его руках, царапалась, кусалась. Есугей, ругаясь, положил ее поперек седла, стянул ремнем руки за спиной. Голова Оэлун свесилась к потному брюху лошади, волосы волочились по траве. Беспомощная, теряя сознание, она, как о высшей милости, молила Небо и духов-покровителей о смерти.

Очнулась в постели. Вход в юрту открыт, в него вливается поток яркого света и свежего утреннего воздуха; за порогом мятая трава, на ней висят розовые, малиновые, голубые огоньки росы. Слышны голоса людей, жалобное меканье козленка и скрип повозки. Видно, бежать ей некуда, иначе у юрты была бы стража. А может быть, стража есть…

Оэлун села, обвела взглядом юрту. У стены напротив входа стоит узенький столик, на нем кожаные куклы – онгоны – с засаленными головами – следами жертвенных угощений, второй стол у очага, на нем чаши и большой глиняный сосуд, в очаге под черным, задымленным котлом куча угля и пепла; еще один столик, совсем маленький, с черной блестящей крышкой и резными ножками, стоит у ее постели на снежно-белом, расшитом строчками войлоке; ее постель

в восточной половине юрты; напротив, за очагом, еще одна постель, но она пуста; ближе к выходу на стене висят одежда, латы из толстой воловьей кожи, старый, побитый и потертый колчан. Все вещи обычные, знакомые ей с детства, только черный столик, такой блестящий, что в крышку можно смотреться, как в зеркало, она видит впервые. Где она находится? Что с ней будет? Вспомнила своего Чиледу и беззвучно заплакала. Его, наверное, уже нет в живых. Она обещала спасти его и не спасла. Ей тоже надо умереть.

Бесшумно вошла молодая служанка в заношенном халате, молча поклонилась, поставила на маленький столик деревянное блюдо с сушеными пенками, налила в чашу молока. Оэлун, всхлипывая, знаком показала, что ей ничего не нужно.

– Фуджин[2] должна много есть и мало плакать, – на ломаном языке сказала служанка, грустно вздохнув, присела возле Оэлун. – Слезы испортят твое лицо.

– Мне теперь все равно.

– Э-э, не надо так, не надо! – затрясла головой служанка. – Фуджин молодая, красивая – хорошо жить надо.

Она ласково прикоснулась к волосам Оэлун, принялась выбирать из них сухие колючки, нацеплявшиеся во время ночной скачки.

– Ты откуда? Как тебя зовут? – Оэлун перестала плакать, крохотная надежда затеплилась в душе: может быть, эта женщина сумеет помочь ей.

– Я из Китая. Имя мое на вашем языке Хоахчин, на нашем – Хуа Чэн. Недавно я так же, как ты сейчас, убивалась-плакала. Теперь не плачу. Привыкла. Да мне-то что, я простой человек, харачу по-вашему. Дома была прислугой, тут то же самое. Тут даже лучше. Дома хозяин был собака злая. Бамбуковой палкой по спине бил. Ой-ой как больно! – Хоахчин повела плечами, плаксиво сморщилась, но тут же засмеялась.

– Как ты сюда попала?

– У моего хозяина был свой хозяин, сильно большой человек. Его сам великий и светлоликий хуанди[3] отправил сюда послом. Он взял с собой моего господина, а мой господин взял меня и моего маленького брата Хо. Большого господина и моего господина тут зарезали…

Хоахчин зябко поежилась, отпустила волосы Оэлун.

За стеной юрты послышались легкие быстрые шаги. Хоахчин торопливо поднялась и, кланяясь, исчезла за дверью. Почти тотчас же в юрту вошел Есугей. Он был без оружия, только на широком поясе висел узкий нож, отделанный бронзой. Есугей сел к столику напротив, без любопытства, задумчиво посмотрел на нее, попросил:

– Не сердись, Оэлун, за вчерашнее.

У Оэлун перехватило горло. Через силу выдавила хриплое:

– Где Чиледу?

На мгновение в серых глазах Есугея вспыхнули холодные огоньки, он нахмурился.

– Вы его убили? – прошептала Оэлун, ее взгляд упал на пояс Есугея: если резко наклониться над столиком, можно успеть выдернуть нож.

– Не убили, – с досадой отозвался Есугей. – Ты не хотела его смерти, и он живет. Но если будешь напоминать о нем, я привезу тебе его голову.

Он замолчал. Молчала и Оэлун. В дымовое отверстие влетел овод, стал кружиться по юрте с назойливым жужжанием. Оэлун слушала это жужжание, смотрела на чашу с молоком; в голове, в сердце была немая пустота.

– Оэлун. – Голос Есугея прозвучал как бы издалека, она не подняла глаз, не пошевелилась. – Я не сделаю тебе зла. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Только смерть заставит меня отказаться от тебя. Запомни это, Оэлун. – Он помолчал. – Мы идем на войну. Если меня убьют,

---

[2] *Фуджин* – госпожа *(кит.)*.

[3] *Хуанди* – император.

значит Небо не хотело, чтобы я стал отцом твоих детей. В случае моей смерти тебя отвезут домой. Но если я вернусь… Оэлун, ты хочешь, чтобы я вернулся живым? Молчишь?

Есугей поднялся, стал ходить по юрте. Его лицо становилось все более хмурым и озабоченным. Он был совсем не таким, как вчера. Ни едких шуток, ни насмешливой дерзости. Он ходил по юрте, казалось совсем позабыв об Оэлун. Внезапно остановился, тихо, словно жалуясь, проговорил:

– Они все-таки убили его. И как убили!

– Кого… убили? – У Оэлун мелькнула мысль, что Есугей говорит о Чиледу, что до этого он ее подло обманывал.

– Они убили Амбахай-хана… Да, ты же не знаешь…

Оэлун с облегчением вздохнула. Что ей смерть хана!

– …Ты не знаешь, кем был для меня Амбахай-хан. Я его любил больше родного отца. Его мудрость была силой нашего племени. Проклятые татары! Они схватили Амбахай-хана и выдали Алтан-хану китайскому. Алтан-хан велел пригвоздить его к деревянному ослу. Толпа зевак ходила смотреть, как умирает багатур и мудрец. Багатур Хутула, сын славного Хабул-хана, поведет нас, воинов-мстителей. Мы воздадим всем за все!

То, о чем говорил Есугей, было далеко от Оэлун, но против своей воли она прислушивалась к звучанию его голоса. В нем было столько буйной ярости, что ей стало не по себе.

IV

С низовьев Селенги дул ветер, и мутные волны накатывались на песчаную отмель. Чиледу сполз с лошади, пошатываясь от усталости, подошел к воде, лег на песок. Волна, набежав, окатила его голову и плечи, и он сел, фыркая, растер ладонями огрубевшую кожу лица. Лошадь следом за ним, волоча повод, подошла к воде, долго пила, поводя впалыми боками.

Чиледу смотрел на другой берег реки. Там на пологой сопке высился полосатый шатер, охваченный полукольцом юрт – белых, черных, серых. Над шатром трепыхался туг – хвост яка – на длинном шесте. Вот он и дома. Разве он думал, что возвращение будет таким?

Волны, накатываясь на отмель, рассыпались, вода с шипением скатывалась назад, оставляя на песке извилистую полоску пены. Голенастый кулик суетливо бегал по отмели, что-то выискивал длинным клювом в пене, опасливо косил круглый глаз на Чиледу. Лошадь, роняя с мокрой морды капли воды, вышла на берег. Чиледу не спешил переправляться. Всю дорогу он со страхом думал о встрече с соплеменниками. Его ждут с молодой женой, а он… Как он посмотрит в глаза своего отца и в глаза нойона Тайр-Усуна, одолжившего ему повозку и волов? Лучше бы его убили, чем так бессовестно ограбить. Оэлун, где ты сейчас, Оэлун?.. Зачем она спасала его жизнь? Что ему жизнь, если Оэлун не будет с ним? Может быть, ему не нужно показываться в родном курене, уйти вниз по Селенге, в Баргуджин-Токум, в земли хори-туматов – его кровных родичей?

По небу, гонимые ветром, быстро проносились взлохмаченные тучи, и редкие капли дождя падали на землю. Кажется, начиналось ненастье. Чиледу вздохнул. Не поедет он к хори-туматам. И не потому, что там вряд ли кто помнит его деда, захваченного в плен меркитами еще ребенком, не потому, что страшится дальней дороги, нет, он останется здесь, снося насмешки и презрительные улыбки, попросит у Тохто-беки воинов, вернется в кочевья тайчиутов и отобьет Оэлун. Он сегодня же пойдет к Тохто-беки.

Решив так, Чиледу быстро разделся, связал одежду в узел и приторочил к седлу, придерживаясь за стремя, вместе с лошадью спустился в воду.

На другом берегу он оделся, постоял, отыскивая тоскливым взглядом юрту отца. Дождь усиливался, уже не отдельные капли, а струи падали на землю, секли по лицу. В стой-

бище не было заметно никакого движения, все попрятались в юрты. Хорошо, что его никто не видит…

Пока дошел до своей юрты и расседлал лошадь, промок насквозь. Откинув полог юрты, нерешительно переступил порог. Из дымового отверстия вместе с дождевыми струями падал скупой сумрачный свет. И глаза Чиледу, не привыкшие к слабому свету, в первое время ничего не различали.

– Это ты, сынок? – слабым, почти неузнаваемым голосом спросил из сумрака отец.

Чиледу пошел на голос, опустился перед постелью отца. С мокрой головы вода поползла на шею, холодок пробежал по спине.

– Как хорошо, что ты приехал!

Теперь Чиледу видел отца. Он лежал, укрытый овчинным одеялом, седые волосы редкими прядями разметались вокруг сморщенного лица с запавшими, тусклыми глазами.

– Мне совсем худо стало, сынок. Предки зовут к себе. Думал, уж не увижу ни тебя, ни твоей молодой жены. Небо услышало мои молитвы.

– Отец…

– Подожди, сынок. Разожги огонь. Там есть немного архи[4] и сушеного мяса – приготовил для встречи… И покажи мне твою жену.

Сейчас Чиледу больше, чем когда-либо, презирал себя за то, что остался жив.

– Отец, я вернулся один…

Отец приподнялся, сел. Халат на нем был расстегнут, морщинистая кожа дряблыми складками висела на выпирающих ключицах, худые руки с темными ногтями беспокойно двигались по одеялу, будто что-то искали и не могли найти.

– Это я виноват, – еле слышно произнес он. – Нельзя было ехать сейчас. Я боялся не дожить до свадьбы и торопил тебя.

– Я верну Оэлун, отец!

Старик медленно покачал головой.

Чиледу стукнул кулаком по колену:

– Верну! – Он даже думать не мог, что Оэлун навсегда осталась в кочевьях ненавистных тайчиутов.

– Эх, Чиледу… – Отец снова лег. – Ты кто – знатный нойон? Или сын могущественного хана? У тебя есть отважные нукеры? Эх, Чиледу, Чиледу… Ты всего лишь пастух Тайр-Усуна. Харачу.

– Верну! Верну! – как заклятье, твердил Чиледу. Мокрая одежда липла к телу, его бил озноб.

– Разведи огонь и выпей архи. Отдохни, – со вздохом сказал отец.

– Нет. Я пойду к Тохто-беки.

Он почти бегом пересек курень. У входа в шатер под навесом стоял нукер с коротким копьем.

– Куда разогнался? – остановил он Чиледу. – Тебя приглашали?

– Мне нужен Тохто-беки.

– Тебе нужен Тохто-беки? Но нужен ли ты ему?.. – Нукеру скучно стоять на страже в такую погоду, и он был рад возможности поболтать.

– Пропусти. Я по важному делу.

– У тебя важное дело?! – изумился нукер, – Ты скажи… Э-э, постой, ты же поехал за невестой, так? Уж не на свадьбу ли хочешь пригласить Тохто-беки? А меня? Меня почему не приглашаешь?

---

[4] *Архи* – молочная водка.

Чиледу отвел копье, шагнул в шатер. Нукер схватил его за руку, потянул обратно, зло прохрипел:

– Я тебе сейчас покажу!..

Шум, видимо, услышали, из шатра вышел Тайр-Усун. Молодой нойон, друг Тохто-беки, высокий, поджарый, с круглыми, выпуклыми глазами, уставился на Чиледу, чуть двинул бровями:

– Ты?

– Самовольно в шатер лезет! – торопливо говорил за спиной Чиледу нукер.

Тайр-Усун слегка двинул рукой, и нукер замолчал. Чиледу встал на колени, опустил голову. Перед собой он видел гутулы[5] Тайр-Усуна с загнутыми носками. Широко расставленные, твердо, всей подошвой, притиснули они к земле мягкую зелень травы.

– Что случилось?

– Меня ограбили тайчиуты. Не привез я невесту.

– А повозка?

– И быки, и повозка…

Один гутул поднялся, загнутый носок, будто клюв хищной птицы, нацелился в лицо Чиледу, и он сжался в ожидании удара. Но гутул медленно приблизился к лицу, носок поддел подбородок, поднял голову Чиледу.

– Иди за мной.

Свет, проникая в шатер сквозь красные и оранжевые полосы ткани, все окрашивал в ярко-огненный цвет, словно отблески жаркого пламени лежали на лицах людей, на их одежде. В шатре было много народу, нойоны и уважаемые старейшины племени, три жены Тохто-беки сидели полукругом, поджав под себя ноги; в центре, на возвышении из войлоков, полулежал Тохто-беки. На короткой шее Тохто-беки темнела повязка, круглую голову он держал набок, будто все время к чему-то прислушивался. Его узкие, острые, как лезвие ножа, глаза скользнули по Чиледу, вопросительно остановились на Тайр-Усуне.

– Явился наш храбрый воин, – сказал Тайр-Усун. – Поехал за шерстью – вернулся остриженным.

– Рассказывай, – приказал Тохто-беки Чиледу и, выслушав, спросил: – Почему ты не дрался? Почему никого не убил?

Чиледу смешался. Как им объяснить, почему он не мог драться с грабителями? Побоялся, что в схватке может быть убита Оэлун, потому опустил оружие. Но это оправдание и самому сейчас казалось невесомым, как дымок жертвенного светильника.

– Ему было не до драки, – сказал Тайр-Усун. – Он бежал, как дикая коза от рыси. Еще и сейчас с перепугу слова сказать не может.

– Я не трус! – торопливо проговорил Чиледу. – Дайте мне десять нукеров, и я верну свою невесту.

– Нет, смотрите, какой храбрец! Всего десять нукеров – и он вернет свою невесту, моих быков, мою повозку. А не прихватишь ли ты, Чиледу, заодно и грабителей? Ты запомнил их? Не спутаешь с другими? – Круглые глаза Тайр-Усуна стали злыми.

Обида тупой иглой вошла в сердце Чиледу. Нойона бесит потеря быков и повозки – это такая малость по сравнению с тем, что потерял он. Ища сочувствия, обвел взглядом лица людей, но ничего, кроме любопытства, эти лица не выражали, и, не замечая злой язвительности Тайр-Усуна, он ответил:

– Ничего я не спутаю. Рыжего Есугея запомнил на всю жизнь.

При упоминании имени Есугея Тохто-беки резко сел и весь скривился от боли. К нему подскочили жены, попытались уложить, но он отстранил их властным жестом.

---

[5] *Гутулы* – род обуви.

– Это Есугей отобрал твою невесту?

– Да, этим именем он назвал себя.

– Почему ты не убил его? За эту услугу я наградил бы тебя табуном коней и дал в жены пять лучших красавиц. Не будет мне жизни на земле, пока не вырву его печень! Нойоны и старейшины, мои раны подживают, скоро смогу держаться в седле. Готовьте коней и оружие.

Никто не отозвался. Чиледу, ободренный словами Тохто-беки, с надеждой ждал, что скажут лучшие люди племени. Время шло, молчание затягивалось, и Чиледу обостренным чутьем уловил в этом молчании скрытое сопротивление порыву Тохто-беки.

– Вы снова молчите? – Горестные складки легли возле полных губ Тохто-беки. – Едва я начинаю этот разговор, вы втягиваете язык в гортань. Разве кровь моего отца и вашего повелителя Тудур-билге не взывает о мести? Разве боль моих ран не стала вашей болью? Или вы, как старая крыса Амбахай-хан, считаете, что мои раны лишили меня мужества? Так знайте: жар из ран переселился в мое сердце. Он сжигает меня. Только вражья кровь угасит этот огонь!

Шаман Турчи, сухонький старик с темным, словно обугленным, лицом, поднял на Тохто-беки красные, воспаленные глаза:

– Кто усомнится в твоей храбрости и решимости победить врагов? Но над всеми нами воля вечного Неба. Я семь дней не принимал пищи, не видел дневного света. Я просил духов открыть мне тайну будущего. И духи услышали мой голос. По воле вечного Неба ты будешь знаменит и славен, наше племя – богато и многолюдно, лесные и степные народы будут покорны твоему слову. Но… Духи хотят, чтобы ты был терпелив и осторожен. Ожидание – твое лучшее оружие.

– Скажи мне, премудрый Турчи, чего я должен ждать? – вежливо спросил Тохто-беки.

– Этого я не знаю. – Турчи стянул на лбу мелкие морщины, зажмурился, забормотал невнятно: – Темную ночь сменяет светлый день, гнилое дерево – молодой росток. Во мраке ночи не вденешь нить в ушко иглы, из трухлявого ствола березы не сделаешь тележную ось. – Шаман открыл глаза. – Жди рассвета. Жди, когда молодой росток станет стройным деревом.

Чиледу видел: слова шамана не по душе Тохто-беки, но он не осмеливается вступать с ним в спор, покусывает губы, сердито дергает угол толстого войлока. Его голова скособочилась еще больше, почти легла на плечо. Жены о чем-то шепчутся и скорбно вздыхают. Выпуклые глаза Тайр-Усуна спокойно смотрят на Тохто-беки, на его жен, на шамана. И Чиледу начинает казаться, что не Тохто-беки, а нойон Тайр-Усун здесь главный.

– Можно сказать мне? – спросил Тайр-Усун.

– Говори.

– Я думаю, премудрый Турчи внятно передал нам все, что открыли ему духи. И нам, если мы не хотим навлечь на себя гнев неба, не следует до поры обнажать меч. Но и ждать бездельно тоже не следует. Надо искать себе сильных друзей.

– Не направить ли нам послов к государю найманов? – несмело предложил нойон Кудун-Орчан. И, поскольку ему никто не возразил, продолжал уже более уверенно: – С ним считаются даже тангуты и уйгуры, его побаиваются кэрэиты. Будет нашим покровителем – кто сравнится с нами в силе?

– Станет нам помогать хан найманский! – пренебрежительно отмахнулся от Кудун-Орчана Тохто-беки. – Он спит и видит наш улус под своей рукой. Если уж искать помощников, то не здесь, а в стране кэрэитов. Как вы знаете, после смерти хана кэрэитов Курджакуз-Буюрука страну поделили между собой четыре его старших сына. И теперь каждый хочет захватить власть над другими. Одному помогая, другого осаживая, мы добьемся того, что властителем кэрэитов станет тот, кто будет нашим другом.

– Ты умен и дальновиден, – похвалил Тохто-беки шаман Турчи.

Соглашаясь с ним, нойоны, старейшины дружно закивали головами.

Чиледу понял, что все они напуганы последним поражением и ни за что не решатся начать войну с тайчиутами, будут обхаживать соседние племена, а это затянется, быть может, на годы. Тогда прощай, Оэлун.

Не смея вступать в разговор, он умоляющими глазами ловил взгляд своего хозяина Тайр-Усуна. Но о нем, кажется, все забыли. У Тайр-Усуна были свои заботы.

– Нам надо ехать в Баргуджин-Токум, – сказал он.

– Там племена малочисленны, какая от них польза? – перебил его Кудун-Орчан.

– Мал жаворонок, да петь умеет, ворон большой, но только каркает! – поучающе сказал Тайр-Усун. – Воины лесных народов находчивы и отважны. Но дело не только в этом. Нигде нет таких искусных звероловов и охотников, как в Баргуджин-Токуме. И только там добывают самый прекрасный мех. Нам нужны шкурки соболей. Много шкурок. Шелковистым мехом и мягким словом мы сделаем с кэрэитами то, чего невозможно добиться острым мечом.

По натянутому полотну шатра стучал дождь, шумел ветер. В мокрой одежде, продрогший, никому здесь не нужный, Чиледу сам себе казался бродячей собакой, терпеливо ожидающей подачки с чужого стола. Он громко кашлянул.

– Ты еще здесь? – удивился Тохто-беки.

– Дайте мне десять воинов! – Чиледу приложил руки к груди. – Я змеей проползу по траве… Я вернусь с Оэлун. И Есугея или его голову привезу.

Тохто-беки опередил Тайр-Усун. Он сказал:

– Есугея ты не привезешь ни живого, ни мертвого, но осиное гнездо разворошишь.

Тохто-беки жестко добавил:

– Ты бежал от врагов быстрее, чем суслик от коршуна. Я тебе не доверю сейчас даже десять захудалых меринов. Иди.

– Я не могу… Я прошу…

– Прочь! – рявкнул Тохто-беки.

Все еще не веря, что его надеждам пришел конец, Чиледу не двинулся с места. Кудун-Орчан вскочил, подтолкнул его к выходу и пинком вышиб из шатра. Чиледу поскользнулся на мокрой траве, упал лицом в лужу.

Нукер под навесом оскалил зубы:

– Это тебе свадебный подарок, да?

V

Наступила осень. По утрам на траву ложилась уже не искристая роса, а колючая седая изморозь.

Тайчиуты перекочевали в предгорья Хэнтэйского хребта. Здесь не было бескрайних степей, как на родине Оэлун. Пологие холмы, горы, покрытые лесом, а меж ними речные долины с густой и высокой травой. Горы и леса угнетали Оэлун, мир казался ей темным, мрачным, таящим в себе немую угрозу. Целыми днями она сидела в своей юрте. Вечером, накинув на плечи шубу, выходила наружу, садилась под старой сосной, смотрела на яркие звезды, на искры, вылетающие из дымовых отверстий юрт. В эти часы ей казалось, что она дома. Вот сейчас в центре куреня вспыхнет большой общий огонь, к нему соберутся люди, и старый улигэрч[6] поведет неторопливую, затейливую речь о багатурах и чудищах, о добрых и злых духах.

О, как она любила такие вечера, с каким трепетом впитывала в себя красочный, жутковатый мир улигэров. В детстве после этих вечеров долго не могла заснуть. С головой забивалась под овчинное одеяло, прижималась к теплому боку матери и, слушая таинственные шорохи ночи, тихо вздрагивала от сладкого страха. Повзрослев, перестала бояться сказочных чудовищ.

[6] *Улигэрч* – сказитель; *улигэр* – сказ.

Все больше и больше в улигэрах ее занимали подвиги бесстрашных багатуров. Нередко во сне к ней приходил храбрый красавец в золотых доспехах, брал ее на руки, и на чудо-коне они летели над степью к сияющим звездам.

Теперь ей снится только Чиледу. Каждый раз она видит его в грязной, изорванной одежде, с разбитым в кровь лицом. Есугей ни разу не приснился. Она боится его возвращения, не хочет думать о нем, но все равно думает нисколько не меньше, чем о Чиледу. И порой происходит непонятное: Есугей и Чиледу сливаются в одно лицо, и тогда ей кажется, что она безнадежно перепутала сон и явь, быль и сказку и скоро сойдет с ума.

Сидеть под старой сосной при свете звезд Оэлун любила еще и потому, что безотчетно ждала: когда-нибудь из темноты бесшумно возникнут всадники, посадят ее в седло, и она навсегда уедет отсюда. Сейчас, когда многие мужчины ушли воевать с татарами, а те, что остались, тревожатся лишь об одном: с чем вернутся воины – отягощенные добычей или искалеченные, к чему готовиться – к радостному пиру или печальным поминкам, – сейчас, как ей думалось, уйти отсюда было бы нетрудно. Она ждала Чиледу не день и не два, потом поняла, что он не приедет за ней, и думать об этом перестала, но безотчетное ожидание жило в ней против воли.

Оэлун никто ничем не обременял. Хоахчин и ее братишка Хо, тихий мальчонка, смешно выговаривающий монгольские слова, исполняли любое желание. На людях они держались с ней рабски предупредительно, но стоило остаться одним – оба преображались. Хоахчин без умолку болтала, смеялась, гримасничала. Хо, слушая сестру, чуть улыбался. Он был большим любителем делать разные безделушки. То вырежет телегу, точь-в-точь как настоящую, только маленькую, умещается на ладони, то такую же юрту, то сплетет из ивовых прутьев красивую коробку. И все, что бы ни сделал, дарит Оэлун.

Без них Оэлун зачахла бы от одиночества. К ней почти никто не заходил. Все были вежливы, почтительны, но ее юрту обходили стороной. Лишь брат Есугея Даритай-отчигин (как младший в семье, он остался охранять стада и юрты) время от времени заходил к ней, спрашивал, не нужно ли чего, и принимался рассуждать о делах племени. Как поняла из его слов Оэлун, тайчиуты объединяли вокруг себя много других племен. У каждого племени свои нойоны, но всеми ими правит хан. Сейчас место Амбахай-хана занял Хутула.

– А ты знаешь, кто такой Хутула? – Даритай-отчигин лучил у глаз морщинки. – Тебе посчастливилось. Наш род, род Кият-Борджигинов, из всех потомков праматери Алан-гоа самый прославленный. Кто был избран на курилтае первым ханом? Наш дед Хабул. Кто правит нами сейчас? Брат нашего отца Хутула. Кто будет править после него? Может быть, кто-то из сыновей Хутулы, а может быть, кто-то из нас, сыновей Бартана. – Даритай-отчигин горделиво расправлял узкие плечи.

Он приходил в юрту Оэлун, будто хозяин, зло и визгливо кричал на Хоахчин, за самую малую провинность стегал плетью Хо. Устав от криков и рассуждений о своем прославленном роде, он умолкал и посматривал на Оэлун так, что у нее вспыхивало лицо, ей хотелось плотнее запахнуть полы халата. Весь он, маленький, худотелый, с тонкими, женскими ручками, с масленым блеском в щелочках хитрых глаз, был ненавистен Оэлун, но она молча терпела его. Однажды терпение кончилось.

Как-то Даритай-отчигин по своему обычаю стал рассуждать о делах своего рода.

– Все заботы на мне. Братья воюют, наводят на свои имена золотой блеск славы, а я тружусь с утра до ночи, подгоняя ленивых харачу. Какая мне в этом радость? А если братьев убьют, тогда уж и вовсе все на меня ляжет. Твой Есугей, как безумный, лезет в самое горячее место…

Оэлун не то чтобы забыла обещание Есугея – в случае его смерти – будет отпущена домой, – она почему-то ни разу не подумала, что он может быть убит. Но сейчас, слушая Отчи-

гина, вдруг представила себе, что Есугей мертв… Она сразу покинет эту юрту, этих людей. Вот только Хоахчин и Хо будет жалко. А может быть, слуг отдадут ей?

– Тебе что-нибудь говорил Есугей обо мне, когда уезжал? – спросила она Отчигина.

– А что он должен был говорить? – прижмурился Даритай-отчигин.

– Ну, если он… Если его убьют, то…

– Что тут говорить! – перебил ее Даритай-отчигин. – Обычая не знаешь? Его убьют – остаюсь я. Ты будешь моей женой.

– Но я не жена Есугея! Почему я должна перейти к тебе?

– Не жена, так невеста.

– И не невеста!

– Будь ты хоть его собакой, это все равно.

Такого Оэлун не ожидала, вспыхнула:

– Ты врешь, что он тебе ничего не говорил! Врешь, маленький и зловредный хорек!

– Что ты сказала? Что ты сказала? – Даритай-отчигин побелел, его глаза-щелки открылись, и Оэлун впервые разглядела, что они серые с зеленью, как у Есугея.

– Я тебе еще и не то скажу!

– А это видела? – Даритай-отчигин поднял плеть. – Я тебя сейчас научу почтительности! Ты у меня навек запомнишь!..

Оэлун выхватила из очага горящую головню, пошла навстречу ему.

– Уходи отсюда, пока не выжгла твои белые глаза!

Даритай-отчигин попятился, задом вывалился из юрты, Оэлун вслед ему бросила головню.

Немного погодя пришла Хоахчин. Она все слышала, видела позорно отступающего Даритай-отчигина, ее распирало от смеха, она пыталась сдержаться, но это ей не удалось. Зажала рот руками, перегнулась пополам, затряслась, всхлипывая.

Оэлун какое-то время смотрела на нее сердито, потом тоже засмеялась. Впервые за все время, как попала сюда, ей стало весело, вспышка гнева свежим ветром омыла душу.

Перестав смеяться, Хоахчин быстрым испуганным шепотом спросила:

– Что теперь будет? Ой-ё, пропала твоя голова!

– Ничего со мной не будет! Не боюсь я их.

Хоахчин с восхищением смотрела на нее, качала головой.

– Красивая фуджин, о-о, какая красивая! Я так тебя люблю! – И тут же улыбнулась. – А он-то, он-то… Задом, задом… Ой-ё! Ой-ё!

И снова покатилась со смеху.

В дверь просунулась недоумевающая рожица Хо.

– Иди отсюда! – прогнала его Хоахчин.

Оэлун поправила в очаге дрова, присела перед огнем. У нее на родине дров нет, там жгут сухой навоз – аргал. Он горит ровным, спокойным пламенем. Огонь в очаге не буйствует, как здесь. Все здесь иное, даже огонь.

– Хоахчин, если я выберусь отсюда, ты поедешь со мной?

– Нет, фуджин, тебе не выбраться отсюда, – вздохнула Хоахчин. – Я бы поехала…

– А тебе хочется домой, Хоахчин?

– Домой? – Она закрыла глаза. – Я не знаю, фуджин. Там мне жилось плохо. Ой-ё, как плохо! Но там отец. Он уже старик. Он так надеялся на меня и на нашего Хо. Теперь у отца никого нет.

– Я буду молить Небо, чтобы…

Оэлун не договорила. В курене возник шум, послышались крики, топот множества ног. Она выглянула из юрты. Люди бежали мимо, вверх по пологому склону сопки, возбужденно размахивали руками.

– Едут! Наши едут!

– Ну вот, – сказала она, – вот…

Примчался Хо, позвал:

– Пошли смотреть!

– Пошли, – сказала и Хоахчин.

Они поднялись на сопку. С ее круглой, поросшей степной полынью макушки видна была долина, прорезанная высохшей речушкой. По долине узкой лентой двигалось войско. Впереди конники, за ними закрытые и открытые повозки и повозки с неразборными юртами, за обозом снова конные. Пыль, поднятая множеством копыт и колес, густым облаком вползала на противоположный склон долины, там, на вершине склона, в лучах предзакатного солнца становилась розовой, и Оэлун казалось: вся долина охвачена пожаром. Тревожная теснота сдавила ее сердце.

Всадники приближались. Уже можно было разглядеть их лица, и толпа на сопке притихла в напряженном ожидании. Тишину разрушил звонкий детский голос.

– Эцэге! Эцэге![7] – ликующе завопил мальчишка и бросился вниз, навстречу всадникам, его догнала мать, за ручонку потащила назад.

Усталые лошади медленно поднимались в гору, скрипела под копытами кремнистая земля. Оэлун вглядывалась в темные от пыли незнакомые ей лица воинов. Есугея среди них не было. Всадники поднялись на сопку, встречающие облепили их со всех сторон, и нестройная, бурливая толпа покатилась в курень. Оэлун потеряла где-то Хоахчин, выбралась из толпы и пошла в свою юрту.

Курень шумел на тысячу голосов: смех, плач, крики, звон стремян и оружия, скрип повозок и стук копыт – все сливалось в сплошной неутихающий гул. Оэлун то садилась у очага, то вскакивала, беспокойно вслушиваясь. Неужели Есугей погиб? Сейчас она не знала, радоваться ей или горевать. Если погиб, что ждет ее? «Неужели отдадут Отчигину? О вечное синее небо, о великая мать-земля, чем я прогневила вас, за что мне такая доля?»

Хоахчин ворвалась в юрту.

– Везут! Ой-ё, везут! – заметалась, раскидывая постель.

Перед юртой остановилась повозка. Нукеры осторожно сняли с нее Есугея. Ими распоряжался высокий старик с реденькой седой бородкой. Хоахчин успела постлать постель. Старик сам проверил, мягкие ли войлоки, поднял выше изголовье. Нукеры уложили Есугея, укрыли одеялом. Оэлун приподнялась на носках, через плечи нукеров глянула на Есугея. Бледный, скуластый, он лежал с плотно закрытыми глазами, на виске рядом с рыжей косицей быстро-быстро билась синяя жилка. Живой.

Нукеры ушли. Старик приказал Хоахчин вскипятить воды, поманил пальцем Оэлун:

– Помоги мне.

Он заставил ее поддерживать голову Есугея, сам начал осторожно снимать с его груди грязную, со следами ссохшейся крови повязку. Чуть ниже ключицы темнела широкая рана. Оэлун зажмурилась, отвернулась.

– Боишься? – спросил старик. – Привыкай.

Промыв рану теплой водой, он отвязал от своего пояса кожаный мешочек, достал из него сухие зеленые листья, подержал их над кипящим котлом и, что-то нашептывая, залепил ими всю грудь Есугея. Тот не приходил в себя, тихо, сквозь стиснутые зубы, постанывал; его голова была сухой и горячей. Старик перевязал рану чистой холстиной, заварил в котле какие-то корни и, остудив, напоил раненого.

– Теперь ему будет легче. – Он впервые внимательно посмотрел на Оэлун. – Твои глаза полны печали. Не горюй, дочка, не иссушай свое сердце. Путь каждого из нас предопределен

[7] *Эцэге* – отец.

небом. Тут уж ничего не поделаешь. – Помолчал. – Немного погодя ты еще раз дай ему попить этого отвару. Я приду рано утром.

Ночью Есугей начал бредить. В бешенстве выкрикивал какие-то непонятные слова, пытался подняться. Оэлун позвала Хоахчин, они вдвоем прижали его к постели, но он все порывался встать.

– Тише, ну, тише, – вполголоса уговаривала его Оэлун.

Он затих, прижал ее руку к щеке и отчетливым шепотом произнес:

– Эхэ! Эхэ-э![8] – и застонал капризно-жалобно, как маленький ребенок.

Хоахчин держала над головой светильник и, всхлипывая, говорила:

– Бедный господин! Ой-ё, как ему больно!

Оэлун уже не думала о себе. Недавние мысли о своем будущем отлетели прочь. Перед ней был слабый, умирающий человек, и она не хотела, чтобы он умирал, чтобы ему было больно и тяжело. Она гладила Есугея по жестким рыжим волосам, по пылающим щекам, а он все крепче прижимал ее руку, будто эта рука могла помочь ему выбраться из небытия.

Неизвестно, сколько дней и ночей пролежал он в беспамятстве. Уже мало кто надеялся, что он сумеет подняться. Лишь старик Чарха-Эбуген был спокоен.

– Есугей не умрет. Будет жить Есугей.

Перед юртой он воткнул в землю копье с насаженной на него черной войлочной лентой – знак того, что здесь находится тяжелобольной и вход в юрту воспрещен. Все заботы о больном легли на Оэлун и Хоахчин. Бессонные ночи измучили их. Оэлун потеряла всякое понятие о времени. И когда Есугею стало лучше, она с удивлением увидела, что пришла зима. Над землей, убеленной снегами, разгуливали злые вьюги. Ветер свистел в ветвях старой сосны, ее ствол тяжко, натужно скрипел, хлопья снега падали в дымовое отверстие юрты и, не долетая до пола, исчезали, расплавленные жаром очага.

Пока Есугей был на грани жизни и смерти, ее сердце переполняла острая жалость, но едва он начал поправляться, как прежнее чувство отчуждения вернулось к ней. Правда, это чувство не было таким острым, как в то время, когда он привез ее в свою юрту, что-то все-таки надломилось в ней. Иногда она думала, что если бы он, а не Чиледу, посватал ее на родине, все было бы по-другому. Но он привез ее, положив поперек седла, как вор, похитивший овцу.

По утрам, едва проснувшись, Есугей отыскивал ее взглядом и звал к себе. Она садилась у его постели, опускала глаза.

– Ты почему все время молчишь?

Она пожимала плечами – ну что ему скажешь?

– Мне все время казалось, что рядом моя мать.

– Да, я это знаю. Ты часто звал ее.

– А это была ты. И ты очень похожа на мою мать.

– Да, все женщины похожи друг на друга.

– Ты обижаешься на меня?

Оэлун ничего не ответила. А он все настойчивее спрашивал об этом. Однажды, потеряв терпение, рассердился:

– Ты что же, всегда такой будешь? Я тебя не понимаю. Если ненавидишь меня, то почему не помогла перебраться к предкам? Сделать это было очень легко.

– Зачем? Чтобы стать женой Даритай-отчигина?

– Кто тебе сказал это?

– Сам Даритай-отчигин.

– Помоги мне сесть. – Опираясь на ее плечо, он приподнялся, стиснул зубы, посидел так, унимая боль, приказал: – Пошли Хо к Даритай-отчигину. Пусть он идет сюда.

---

[8] *Эхэ* – мать.

Даритай-отчигин, увидев Есугея сидящим, зажмурился в счастливой улыбке.

– Уже встаешь, мой любимый брат!

– Уже встаю. Скоро буду крепко держать в руках плеть… Я что тебе говорил, когда уезжал?

– Ты много говорил. Но я все исполнил.

– Об Оэлун я тебе что говорил?

– Чтобы я берег ее, не позволял никому обижать. Все твои золотые слова помню.

– Что еще говорил?

– Еще? Чтобы все у нее было: еда, питье, одежда. Разве не так, дорогая невестушка?

– А если я буду убит, что ты должен был сделать с Оэлун?

– Я должен был отправить ее домой.

– Ты сказал ей это?

– Что я, без головы! – обиженно вскинулся Даритай-отчигин. – Она бы только и думала, чтобы ты умер.

– Рыбу не поймаешь за хвост, тебя не уличишь в криводушии, – устало сказал Есугей. – Но когда-нибудь твоя хитрость обернется против тебя самого. И горько тогда будет, и никто не захочет тебе помочь.

Выпроводив брата, Есугей сказал Оэлун:

– Такой уж он есть, другим его, наверное, не сделаешь… – Задумался; помолчав, заговорил о другом: – Жизнь наша трудна, полна опасностей. Людская вражда укоренилась в степях. Чуть зазеваешься – твои стада захватят, твою юрту ограбят, тебя убьют или сделают рабом. Сейчас мы должны быть ближе друг к другу, человек к человеку, род к роду, племя к племени. Только так мы выживем. Но этого очень многие не понимают. Каждый думает лишь о себе. Мы слабеем, а враги усиливаются. Злокозненные татары за наши головы, за нашу кровь получают от Алтан-хана китайского шелковые ткани и железные котлы. А мы не можем как следует посчитаться с ними. Трудные времена настают, Оэлун. Будь со мною рядом. Забудь свои обиды. Ты мне очень нужна, Оэлун. Без тебя я как меч без рукоятки, как седло без стремян. Ты вернула меня к жизни, в твоей воле сделать меня сильнее.

Оэлун чувствовала, что все его слова – от сердца. Да, он нуждается в ней, она ему нужна… Видно, небо предопределило ее путь, и надо ли противиться предопределению?

Есугей поправлялся быстро. Едва начав ходить, он потребовал лошадь. Оэлун поехала с ним. Лошади шли шагом. Ослепительно сверкали заснеженные сопки, в морозной тишине звонко бренчали удила, из лошадиных ноздрей струился горячий пар и серебристой изморозью ложился на гривы. Оэлун тронула поводья, лошадь перешла на рысь, потом понеслась галопом. Холодный ветер обжег щеки, выжал из глаз слезы, но Оэлун все подстегивала лошадь и мчалась по всхолмленной сверкающей равнине. Стремительный бег скакуна рождал ощущение воли, и сердце сжималось от пронзительной радости.

Лошадь замедлила бег. Оэлун оглянулась. Есугей остался далеко позади – черная точка на белом снегу. Если бы так вот можно было умчаться от своей судьбы!

VI

Сдвинув на затылок малахай, Чиледу долго вслушивался. Шуршали жесткие листья осины, тихо шептались вершины сосен – ни одного постороннего звука. Но ему все время кажется, что за бронзовыми стволами сосен кто-то есть, чей-то взгляд сторожит каждое его движение. Чиледу хотел было подождать Тайр-Усуна с нукерами, сказать ему, что… А что он скажет? Дозорному полагается доносить о том, что он видит и слышит, а не о том, что ему чудится.

Вот уже несколько дней они идут вниз по Селенге, по ее правому берегу. Горы здесь подступают прямо к реке, местами скалистые кручи обрываются у самой воды. И лес вплотную придвинулся к реке. Над заводями свисают кусты черемухи с багряными увядающими листьями, на высоких песчаных ярах стоят могучие сосны, в узких падях белеют стволы берез. Здесь родина его предков. Чего ему бояться на земле прадедов? И за что бояться, за свою никому не нужную жизнь?

Чиледу больше не останавливал лошадь, не прислушивался. Он ехал по крутому песчаному яру. Слева, далеко внизу, извивалась Селенга, ее протоки петляли, захлестывали острова, заросшие кустарником. Лошадь набрела на тропу, припорошенную рыжей хвоей, и стала забирать вправо от реки, в густой лес. Неожиданно впереди за деревьями Чиледу увидел воду. Это была не Селенга, а ее приток – Уда, река хори-туматов. Где-то здесь, на ее берегах, они охотятся и пасут стада.

В устье этой реки Тайр-Усун назначил место для ночевки. Чиледу проехал немного вверх, увидел широкую поляну и спешился, осмотрелся. Лес обступил поляну с трех сторон, за рекой возвышался высокий холм, его склон, обращенный к воде, был крут, из земли выпирали серые скалы.

Пока Чиледу осматривался, у него снова возникло ощущение, что за ним следят, и он до звона в ушах вслушивался в шорохи леса, но ничего подозрительного обнаружить не мог. Вскоре подъехал Тайр-Усун с шестью нукерами, и Чиледу успокоился. Расседлали и отпустили пастись лошадей, натянули для нойона походный шатер. Вдруг из леса неслышно появились три вооруженных луками воина, один направился к ним, двое отрезали путь к лошадям. Нукеры схватились за оружие, но воин, что шел к ним, поднял руку. И сразу же из леса со свистом прилетели две стрелы, словно ножом пересекли натянутые ремни шатра, и он осел на землю. Тайр-Усун снял с пояса саблю и бросил себе под ноги. Вслед за ним то же сделали все нукеры. Воин подобрал оружие, сложил в кучу, поднял лук над головой. Из леса выехал всадник на гнедом коне, за ним высыпали шесть человек пеших. Всадник был совсем юный, почти мальчик. Как он ни старался выглядеть суровым, в возбужденно поблескивающих глазах было больше любопытства, чем строгости.

– Мы люди славного багатура, повелителя меркитов Тохто-беки, – обиженным голосом заговорил Тайр-Усун. – Держим путь к вождю хори-туматов Бэрхэ-сэчену. Почему вы подстерегаете нас на тропе?

– Бэрхэ-сэчен – мой отец, – гордо сказал юноша. – Меня зовут Дайдухул-Сохор.

– Проводи нас к отцу, Дайдухул-Сохор, и верни оружие.

– К отцу проведу. Он и решит, вернуть ли вам оружие.

Ночевали тут же, под бдительным оком хори-туматов. Утром отправились в путь. Их вели по узким охотничьим тропам. На другой день под вечер пришли в курень Бэрхэ-сэчена. Юрт было не очень много, большинство жилищ сделано из шкур диких животных. Люди здесь не носили длинных халатов. Верхняя одежда из шерстяной ткани, а чаще всего из выделанной мягкой кожи не достигала колен. Она казалась смешной, словно шутки ради все пообрезали полы. Но позднее Чиледу понял, что такая одежда очень удобна в лесу – не цепляется за сучья и ветви.

Бэрхэ-сэчен разговаривал с ними в просторной юрте, застланной медвежьими шкурами. Тайр-Усун разложил перед ним подарки: пеструю шелковую ткань, нож в серебряных ножнах, бронзовые чаши и сосуды, железный шлем, украшенный насечкой.

Чуть наклонив голову, Бэрхэ-сэчен поблагодарил Тайр-Усуна. Седой, с худым, болезненным лицом, он, кажется, был равнодушен ко всему на свете.

– Что приехали просить, меркиты? – спросил он Тайр-Усуна.

– Мы приезжаем только просить?

– Нет, когда вам удается, вы берете не спрашивая.

– Разве мы плохие соседи? – хмуро удивился Тайр-Усун. – Мы много лет не враждуем с вами. Неужели вы помните старые времена? Но и тогда к людям вашего племени мы относились особо. Пленным мы сохраняли жизнь. Они становились во всем равными с детьми нашего племени. Да вот Чиледу… Его дед родился здесь. А он мой нукер, равный со всеми. Разве это не так, Чиледу?

Под беспокойным взглядом выпуклых глаз Тайр-Усуна Чиледу приподнялся:

– Это так.

– Ты помнишь своего деда? – спросил Бэрхэ-сэчен.

– Нет.

– А как его звали?

Чиледу назвал имя деда, Бэрхэ-сэчен пристально посмотрел ему в лицо, поднялся:

– Вы устали с дороги. Время позднее. Разговор продолжим завтра.

Тайр-Усуна поместили в отдельной юрте, нукеров – всех вместе. Уходя к себе, Тайр-Усун сделал Чиледу незаметный знак – зайди. В юрте он быстрым шепотом сказал:

– Постарайся поговорить с ним так, чтобы тебе поверили. Молчи о нашем поражении. Мы должны заручиться их поддержкой, чего бы это ни стоило. Ты понимаешь? Будешь умным – я никогда не вспомню волов и повозку. От тебя будет зависеть многое. Я это знал еще там, потому и взял с собой.

Чиледу не пошел в свою юрту. Присел на седло, закрыл лицо руками. С тех пор как у него отобрали Оэлун, все, что бы он ни делал, кажется ему пустым, бессмысленным. А Тайр-Усун хочет, чтобы он в чем-то убедил этих людей. Что может песчинка, гонимая ветром?.. Его жизнь поддерживает лишь вера, что он сумеет отомстить Есугею. Когда этому рыжему разбойнику станет так же больно, как больно ему сейчас, душа обретет покой.

Курень спал. У юрты взвизгивала собака, далеко в горах утробно рявкал изюбр. Кто-то тронул Чиледу за плечо. Он поднял голову. Перед ним стоял Дайдухул-Сохор.

Он провел Чиледу снова в ту же юрту, где их принимал Бэрхэ-сэчен. На этот раз вождь хори-туматов сидел у жарко пылающего очага, поджаривал на углях кусочки печени, неторопливо ел. Чиледу отказался от угощения, лишь выпил чашку прохладного, кисловатого дуга[9]. Дайдухул-Сохор, как и его отец, стал жарить печень. Кроме них, в юрте никого не было.

– Твой нойон приказал тебе что-нибудь выведать у нас? – спросил Бэрхэ-сэчен.

Чиледу смутился под его проницательным взглядом.

– Можешь не отвечать, это и так понятно. Молод он, твой нойон… Тебе нелегко живется у меркитов. Помолчи. Ты невесел, твои глаза пусты. Ты знаешь, кто был твой дед? Это был старший брат моего отца. Но мы слышали, что он умер молодым, никого после себя не оставив.

– Да, он умер рано. Но после него остался мой отец. Недавно и отец мой умер тоже. – Чиледу вздохнул. – А мать умерла давно.

– Братья, сестры есть?

– Нет, я один. Ни братьев, ни сестер… ни жены. – Чиледу не мигая смотрел на огонь.

– Оставайся у нас. Мы найдем тебе жену, поставим юрту. Мы не так богаты, как твои хозяева – меркиты. У нас меньше коней и овец. Но охота дает нам пищу и одежду…

– Нет. – Чиледу покачал головой. – Возможно, я когда-нибудь и вернусь сюда. Но сейчас… У меня там есть неоконченные дела.

– Смотри, как лучше, – не стал настаивать Бэрхэ-сэчен. – Ты хочешь, чтобы нойон знал о нашем родстве?

– Мне все равно…

---

[9] *Дуг* – освежающий напиток, приготовленный из молока.

– Почему же все равно? Разве человек может быть настолько равнодушным к своей судьбе! – Бэрхэ-сэчен нахмурился. – Не спрашиваю, что у тебя там за дело, но, если ты будешь таким, угаснешь, ничего не довершив.

– Я свое дело довершу, – сказал Чиледу глухо, повторил: – Довершу.

Дайдухул-Сохор, тараща любопытные глаза, резал обжаренную печень на мелкие кусочки, солил и кидал себе в рот. За все время он не проронил ни слова.

– А теперь я хочу тебя спросить о намерениях меркитов. Я понимаю, что они приехали неспроста, но что стоит за этим? Ты можешь не отвечать на мои вопросы, – сказал Бэрхэ-сэчен. – А если ответишь, я обещаю, что не использую твои слова во вред тебе. Я уже говорил, что мы не так богаты, как твои хозяева. Но мы вольные люди. За право владеть этими землями и жить так, как нам хочется, было пролито немало крови. Нам ничего не нужно от меркитов. Но что им нужно от нас?

– Тайр-Усун это скажет.

– Правильно. Но если сосед просит у меня огня, я должен знать, собирается ли он сварить ужин или поджечь мою юрту. Когда такое могучее племя, как меркиты, ищет нашей помощи, это что-нибудь да значит.

– Они враждуют с тайчиутами. Мне кажется, Бэрхэ-гуай[10], эта вражда не закончится обычными стычками, каких было много.

– Может быть. – Бэрхэ-сэчен задумался. – Мы живем далеко от ваших степей, но и до нас доходят кое-какие слухи. Что-то невообразимое происходит у вас. Племена кидаются друг на друга, как голодные собаки. Будто Небо лишило людей разума. Но ведь так все время продолжаться не может.

– Я хочу, чтобы вы помогли меркитам. Я хочу, чтобы они побили тайчиутов.

– Ты не любишь тайчиутов?

– Я ненавижу их! – Чиледу сказал это негромко, но ему показалось, что он крикнул во весь голос, все внутри у него вдруг вспыхнуло, загорелось огнем.

– Ненависть не самый лучший спутник человека. И что у тебя за причина ненавидеть всех тайчиутов? Как лес состоит из высоких и низких деревьев, так и народ – из плохих и хороших людей. Тайр-Усун будет просить воинов?

Чиледу подумал, что отвечать на этот вопрос, пожалуй, не следовало бы, но ведь Тайр-Усун велел ему молчать лишь о поражении меркитов, кроме того, очень уж неловко что-нибудь скрывать от прямодушного Бэрхэ-сэчена. Сказал:

– Будут просить и воинов, и дорогие меха.

– И ты хочешь, чтобы мы все это дали?

– Я хочу, чтобы меркиты победили тайчиутов. Вот чего я хочу, Бэрхэ-гуай. – Чиледу вдруг захотелось поделиться своей болью и обидой, и он рассказал, как потерял молодую жену.

Бэрхэ-сэчен принял его сбивчивый рассказ спокойно. Проговорил задумчиво:

– Вражда племен приносит людям одни несчастья и страдания. Сейчас ты думаешь о мести, но ведь отмщение не сделает тебя счастливым.

– Оно успокоит мою душу.

– Ты ошибаешься.

– Отец, я бы на его месте тоже… – начал было молчавший до этого Дайдухул-Сохор.

Ласково, но решительно остановив сына, Бэрхэ-сэчен сказал:

– Местью ничего не исправишь. А жить прошлым – значит уподобиться лошади, скачущей вокруг столба коновязи: как ни бежит, остается на одном месте.

---

[10] *Гуай* – уважительное обращение к старшему.

От спора с ним Чиледу уклонился. Если раньше мысль о мести Есугею и его роду была неопределенной, размытой, то теперь стала четкой, как свежая зарубина на сосновом стволе. Бэрхэ-сэчен, видимо, догадался, что говорить об этом Чиледу не хочет, устало усмехнулся:

– Ну ладно… А вот воинов мы не дадим. Не в наших обычаях искать брани. Меха… В обмен на ткани, например, мы кое-что можем дать. Однако, если нойон будет тебя спрашивать, говори: меха обещаны найманам.

– Зачем это? – удивился Чиледу.

– Так будет лучше и для нас, и для тебя.

Почему лучше, Чиледу так и не понял. Однако Тайр-Усуну он все сказал так, как просил Бэрхэ-сэчен. Нойон пришел в ярость:

– Как они смеют! Меха обещаны найманам – это что? Они хотят сказать, что предпочитают иметь дело с сильными, богатыми найманами, а не с битыми меркитами! – Вдруг Тайр-Усун обрушился на Чиледу: – Ты все рассказал им! Обрадовался сородичу, продал нас!

– Бэрхэ-сэчен не просто сородич, он мой кровный родственник! – вырвалось у Чиледу. – И не продавал я вас…

– Родственник? Ах вон как! – Тайр-Усун как бы споткнулся, в его глазах мелькнуло недоверие. – Не врешь? Ну что ж, это возможно. И ты, конечно, остаешься здесь?

– Нет, я не остаюсь. Я твой нукер.

Тайр-Усун подошел к нему, взял за подбородок, посмотрел в лицо:

– Что-то я тебя не понимаю. Но с этим разберемся. А вот как возвращаться, ничего не получив? Ну, воины – пусть… Без них обойдемся. Но меха… И еще. Нельзя допустить, чтобы люди этих земель знались с найманами. Попробуй поговорить еще раз. Бэрхэ-сэчен отказывает мне, но не может же он отказать своему родственнику.

– Я попробую, – пробормотал Чиледу, чувствуя себя неловко оттого, что стал участником непонятной игры, затеянной Бэрхэ-сэченом.

Но Бэрхэ-сэчен, встретившись с ним, сказал, что своего уже добился, Тайр-Усун уразумел: здесь он получит только то, что захотят дать хозяева, не захотят – ничего не получит.

– Сейчас уже можешь сказать, что тебе удалось склонить меня к расторжению договоренности с найманами.

Теперь Чиледу понял все. И позавидовал уму Бэрхэ-сэчена. Ведь если бы он сразу дал Тайр-Усуну меха и не дал воинов, нойон все равно уехал бы недовольным. А сейчас он обрадуется и этому.

И верно, Тайр-Усун весь просиял, милостиво похлопал Чиледу по плечу:

– Молодец! О твоей услуге я скажу самому Тохто-беки.

Он сдержал свое слово. Когда вернулись домой с вьюками, набитыми мехами, Тайр-Усун провел Чиледу к Тохто-беки.

К мехам Тохто-беки остался равнодушным. Встряхнув искристую шкурку соболя, подул на пушистый шелк меха, кинул в мешок.

Тайр-Усун, обиженно хмурясь, начал рассказывать, с каким великим трудом удалось ему добыть это богатство. Тохто-беки слушал его с благодушной улыбкой, расхаживал перед ним, заложив руки за спину. Он совсем выздоровел, но шея так и осталась скривленной, и голова по-прежнему склонялась на один бок.

– Я уже думал, что мы ничего не получим, – говорил Тайр-Усун, – но мой нукер Чиледу оказался близким родственником Бэрхэ-сэчена. И он помог мне. Он мог бы остаться там, но не остался – так велико его желание сражаться под твоим знаменем.

Тохто-беки шагнул к Чиледу:

– А-а, жених… Хвалю за верность! Я прикажу агтачи[11] дать тебе из моих табунов скакуна. – Повернулся к Тайр-Усуну. – Конечно, это хорошо, что вы так управили дело с хоритуматами. Но меха дарить наследникам хана кэрэитов мы не будем. Пока ты ездил, тут кое-что произошло. Братья передрались. Мы всем четверым обещали поддержку. Верх взял Тогорил. Два его брата, Тай-Тумэр и Буха-Тумэр, прибежали сюда, один, Эрхэ-Хара, к сожалению, ушел к найманам. Братьев я приветил, обнадежил…

– Это хорошая новость, – сказал Тайр-Усун; подумав, уточнил: – Это очень хорошая новость. Но что намерен делать Тогорил?

– Он прислал к нам гонца. Просит выдать ему Тай-Тумэра и Буха-Тумэра. Вот какие дела! – Тохто-беки весело глянул на Тайр-Усуна. – Хорошо, что вы удержали меня от поспешного выступления против тайчиутов. Кэрэиты будут с нами, мы станем вдвое сильнее. Тогда никакие тайчиуты не сдержат нашего натиска. Мы сметем их курени, окропим землю их кровью!

– Что ты ответил гонцу Тогорила?

– Я ему наговорил много, не сказав ничего.

– Ты хочешь помогать Тай-Тумэру и Буха-Тумэру? Тогда нам придется воевать с Тогорилом. Может быть, лучше выдать беглецов? Тогорил станет нашим другом.

– Другом – не знаю… – усомнился Тохто-беки. – Но, опасаясь Эрхэ-Хара, вымаливающего помощь у хана найманского, он задирать нас не станет. Время есть. Надо сделать так, чтобы братья смертельно возненавидели друг друга. Чем сильнее станет меж ними вражда, тем труднее обойтись без нас. А мы уж посмотрим, кого поддержать…

VII

В огромной юрте, обтянутой внутри желтым шелком, подперев взлохмаченную голову руками, перед погасшим очагом сидел одинокий человек. За войлочными стенами бесновалась вьюга, голодным волком выл ветер, подрагивала юрта, колыхался шелк, в неплотно прикрытое дымовое отверстие влетали снежинки и белыми бабочками порхали над головой человека. За дверями слышались простуженные голоса нукеров, несущих наружную охрану, – кто-то хотел пройти в юрту, а они не пускали. Наконец дверь все-таки приоткрылась, у порога остановился нукер.

– Чего тебе?

– Слуга всевышнего…

– Пропустите.

Путаясь в длинной черной одежде, осеняя себя крестным знамением[12], вошел служитель бога, поклонился.

– Ну что тебе? – Человек опустил руки, открыл глаза.

У него было скуластое, исклеванное оспой, некрасивое лицо. Шуба с золотыми пуговицами, крытая тканью из верблюжьей шерсти, свободно висела на сильных покатых плечах. Робея перед ним, священник суетливо сковырнул с реденькой бороденки ледяную сосульку.

– Государь, ты будешь прощаться?..

Молодой хан кэрэитов Тогорил застегнул золотые пуговицы шубы, молча направился к выходу. Священник опередил его, первым выскользнул из двери. Ветер рванул длинные полы одежды, разметал в стороны, и он стал похож на готовую ко взлету ворону. Белая свистящая мгла скрывала все вокруг. Нукеры подхватили хана с двух сторон, но он отодвинул их, резко дернул плечами, пошел за священником, нагнув обнаженную голову.

---

[11] *Агтач* – конюший.

[12] Кэрэиты исповедовали христианство несторианского толка.

Священник привел его в юрту-церковь. В ней было душно от множества чадящих светильников, от запаха благовонных трав. Посредине под тонким узорчатым покрывалом лежало тело молодой женщины. Его жены. Матери его младенца-сына.

Ни на кого не взглянув, Тогорил шагнул к ней, опустился на колени. В ее изголовье на возвышении, покрытом малиновым шелком, лежал крест, украшенный крупными рубинами. Камни, отражая огни светильников, лучили красный тревожный свет. Тогорил положил руку на крест, поцеловал свои пальцы и откинул покрывало. Смерть почти не изменила ее лицо, только под глазами легли голубоватые тени. С ниткой жемчуга на высоком чистом лбу, она и сейчас была красива, и на мгновение Тогорилу показалось, что она жива, что не за упокой ее души читает торопливым речитативом молитву священник, что не ее оплакивают люди, стоящие на коленях у стен юрты; он притронулся рукой к ее щеке и ощутил леденящий холод, пронзивший его насквозь. Поднялся, в последний раз посмотрел на ее лицо. Брови хмуро сведены, между ними тоненькой ниточкой – складка. Ему трудно дышать, он вышел из церкви и крупным шагом направился в свою пустую юрту.

Она была ему не только женой. Она заменяла ему и мать, и братьев, и друзей. Она скакала рядом с ним и во время веселой облавной охоты, и во время сражений с врагами. Она была его лучшим нукером…

Еще позавчера они принимали в этой юрте, затянутой желтым шелком, изъявление покорности от нойонов и старейшин знатных родов. Потом был пир, и она попросила позволения выпить вина из его чаши. Вскоре ей стало плохо. «Это вино, – сказал он ей, – китайское рисовое вино. У меня всегда от него жар внутри. Иди отдохни». Она удалилась. А когда закончился пир и он пришел к ней, она уже умирала. Сознание покинуло ее. Перед самой смертью очнулась, сказала: «Меня отравили».

Да, ее отравили. Но не ей предназначалась эта чаша, а ему. Это он сегодня должен был лежать в душной церкви.

Ветер стал стихать. Юрта уже не вздрагивала. Стало слышно, как за дверями поскрипывает снег под ногами нукеров. Он открыл дверь, приказал:

– Путь приведут ко мне баурчи[13]. И разведите огонь, холодно.

В юрте запылал огонь. Он распахнул шубу, протянул руки к рыжим языкам пламени. Его знобило, казалось, холод тела жены вошел в него, и все внутри заледенело.

Три нукера привели баурчи – маленького человека с вислыми седеющими усами. Его Тогорил помнил с детства – баурчи отца. Юркий, ловкий, он как никто другой умел распорядиться на пирах, никого не забудет, не обделит. Сам при этом не мельтешит перед глазами, все у него делалось само собой. И сколько помнит его Тогорил, у баурчи всегда были такие же седеющие усы, гладкое, без морщин, лицо. Сейчас баурчи посинел от холода, кончики его усов мелко подрагивали.

– Грейся. – Тогорил шагнул в сторону, давая ему место у очага.

Баурчи робко приблизился к огню, не сводя испуганных глаз с Тогорила, попытался улыбнуться, но губы запрыгали в неудержимой дрожи.

Давно, когда Тогорил и его братья были маленькими, баурчи любил их угощать. Даст что-нибудь вкусное, улыбается, подмигивает.

Тогорил вздохнул, отогнал непрошеное воспоминание, попросил:

– Рассказывай.

– О чем? – Голос плохо слушался баурчи, он кашлянул. – Я верный слуга твоего отца…

– Может быть, ты и был верным слугой моего отца… Кто приказал отравить меня?

Баурчи перекрестился.

– Клянусь господом богом! Да как я посмею!

---

[13] *Баурчи* – ведающий ханским столом.

Тогорил кивнул нукерам. Двое содрали с баурчи одежду, повалили на пол, третий взмахнул короткой плетью. Поперек смуглой мускулистой спины баурчи лег пузырчатый рубец, и он взвыл высоким, пронзительным голосом. Плеть снова опустилась на спину, кожа лопнула, темные жгутики крови побежали по межреберным впадинам. Тогорил отвернулся. С каждым ударом баурчи выл слабее и слабее. Тогорил остановил нукеров. Баурчи посадили. Его глаза были как у затравленного зверя.

– Ну? – Тогорил навис над ним, брезгливо морщась.

– Я не виноват! Я…

– Разомните ему руки.

Нукеры снова схватили его. Захрустели суставы пальцев.

– О-о-о! Не надо!

– Говори.

– Скажу. – Лицо баурчи стало пористым, рыхлым, по нему ручьями бежал пот. – Я скажу. Это твои братья.

– Ты врешь!

– Нет, я не вру. Мне незачем врать, раз я должен умереть. Только не мучай меня.

– Почему ты это сделал?

– Я боялся смерти. Их человек сказал, что ты все равно не усидишь в этой юрте. Тай-Тумэра и Буха-Тумэра поддерживают меркиты, Эрхэ-Хара – найманы. Если бы не исполнил их приказа, день твоего падения стал бы днем моей смерти.

– Та-ак, – зловеще протянул Тогорил. – Уберите его.

В тот же день он отправил к Тохто-беки еще одного посланца с требованием немедленно выдать братьев. Если не выдаст, быть войне. Владетель меркитов отправил Тай-Тумэра и Буха-Тумэра под охраной нойона Тайр-Усуна, передав через него Тогорилу заверения в дружбе и приязни…

Тогорил повелел собрать всех своих нойонов. Ожидая их, стоял у огня. Ледяной холод не уходил из нутра. Огонь не грел. Он сел на возвышение, где обычно в торжественные дни сидел его отец, место, из-за которого после его смерти пролито столько крови. Видит бог, он не стремился сесть сюда, ему было достаточно улуса, выделенного отцом, но братья не оставляли его в покое, они не верили, что ему не нужна власть. Да, он не хотел этого места, но получил его, зато потерял жену, а она была для него дороже ханства.

Тогорил не отвечал на приветствия нойонов. Он ненавидел сейчас всех. Сегодня подобострастно кланяются ему, а завтра будут так же гнуть спину перед другим. Им все равно, кто будет ханом, лишь бы в неприкосновенности оставались их стада.

Юрта заполнилась народом, но в ней по-прежнему было тихо. Нойоны молча сидели каждый на своем месте, поджав под себя ноги, с беспокойным ожиданием поглядывали на молодого хана. Тайр-Усуна, как гостя, усадили на почетном месте. Он тоже скрестил ноги, сцепил на туго затянутом поясе пальцы, выпуклыми, немигающими глазами смотрел на складки желтого шелка, обтягивающего юрту.

Привели Тай-Тумэра и Буха-Тумэра. Они стояли у дверей, о чем-то шепотом переговаривались. Близнецы, они были так похожи друг на друга, что их часто путали даже родные, – оба светлокожие, с одинаково изогнутыми бровями, одинаковыми, едва наметившимися усиками. За их спиной толпились нукеры, молодые парни, единственные до конца верные хану люди.

Встретив взгляд братьев, Тогорил встрепенулся, оглядел нойонов:

– Вас, чьи доблести всем известны, вас, чьей мудростью восхищаются племена, вас, умеющих принять горечь правды и отвергнуть сладость лжи, я позвал сегодня для решения важного дела. Господь всемогущий помог мне овладеть юртой отца и этим высоким местом в ней. Вы говорили мне слова покорности, и я принял их к своему сердцу. Но сегодня я возвращаю

ваши слова. Одинаковые со мной права занять место отца имеют все мои братья: Тай-Тумэр и Буха-Тумэр, их вы видите перед собой; Эрхэ-Хара, по неразумности отбывший в страну найманов; и Джагамбу, много лет назад захваченный в плен тангутами. Я прошу вас сегодня честно и прямо, как подобает доблестным, сказать здесь, кого из нас, пяти братьев, вы хотите видеть своим ханом. – Тогорил поднялся, подошел к Тай-Тумэру и Буха-Тумэру, встал рядом с ними.

Нойоны зашептались. Шепот перешел в неясный шум, из этого шума начали прорезаться отдельные слова:

– Тебя!

– Ты наш хан!

Тогорил попросил тишины и предупредил:

– Не торопитесь. Подумайте. Клянусь всем, что есть святого, я подчинюсь любому вашему решению!

Нойоны зашумели еще больше. Кто-то громко закричал:

– Наш хан Тогорил!

И все подхватили этот крик:

– Наш хан Тогорил! Наш хан Тогорил!

Тогорил поднял руку:

– Есть кто-нибудь, кто хочет видеть ханом другого?

Молчание. Тогорил прошел к возвышению, но не сел, поклонился нойонам.

– Я покорен вашей воле. Отныне и до тех пор, пока жив, я ваш повелитель. Как я уважаю вашу волю, так каждый из вас должен отныне уважать мою. Перед властью хана все равны – последний харачу и самый родовитый старейшина. И каждому я обещаю воздавать на основе разума и справедливости. Верный и храбрый будет отмечен милостью, преступник – кто бы он ни был! – наказан. – Тогорил остановил свой взгляд на братьях и замолчал.

И все нойоны вслед за ним уставились на Тай-Тумэра и Буха-Тумэра. Братья обеспокоенно переступали с ноги на ногу. Тогорил сделал знак нукерам. В юрту втолкнули истерзанного баурчи.

– Говори! – приказал ему Тогорил.

Сбиваясь, косноязыча от страха, баурчи повторил свое признание. Тогорил смотрел на братьев, не выпускал из поля зрения и Тайр-Усуна. Когда баурчи упомянул меркитов, пальцы нойона беспокойно запрыгали на тугом поясе, но худощавое лицо осталось неподвижным. Тай-Тумэр и Буха-Тумэр при первых же словах баурчи повалились на колени, ткнулись лбами в войлочный пол, стали просить прощения. Он видел их затылки с глубокой ложбинкой, ребячески светлую кожу шеи. Жалость резанула сердце, он сделал шаг к ним и остановился. Снова вспомнилась ледяная щека жены. Рябинки на его лице потемнели, стали почти черными.

– Этому, – он показал рукой на баурчи, – отрубите голову. Этим переломите хребет.

Нукеры в то же мгновение подхватили всех троих и выволокли из юрты. Наступила пронзительная тишина. За юртой шелестел утихающий ветер, похлопывал концом стяжной веревки по войлочной стене. Нойоны прятали испуганные глаза. Многое они видели, но чтобы вот так расправиться с родными братьями – такого никто из них не помнил. Уж если их не пощадил, то чего могут ждать другие?

VIII

Из норы высунул плоскую голову тарбаган. Пошевелил жесткими усами – принюхался, поднял короткие круглые уши, вслушиваясь в знакомые звуки. Высоко над головой пел жаворонок, в траве посвистывал суслик. Тарбаган осторожно поднялся на крутую сурчину, отряхнул пыль с желтовато-бурой своей шубки. Пригревало солнце, ласково-теплой была земля, зеленела молодая трава, покачивались головки отцветающих подснежников.

Тарбаган растянулся на земле. От долгой зимней спячки его старое тело было все еще вялым, и он сразу же задремал, пригретый солнцем. Он спал, блаженно посапывая, но его чуткие уши все время шевелились, улавливая звуки. Вдруг они замерли. Тарбаган приподнял голову. Мимо шагом проезжали три всадника. Тарбаган благоразумно попятился ближе к норе, но ему так не хотелось лезть в промозглую темень! И он остался, прильнул к сурчине – цвет меха делал его почти незаметным на рыжем песке.

Один из всадников придержал лошадь, натянул лук. Стрела вонзилась перед самым носом тарбагана, взбитая пыль запорошила ему глаза. Ослепленный, перепуганный, он опрометью бросился в нору.

– Ну, сынок, разве же я в твои годы так стрелял? – Старый Чарха-Эбуген укоризненно покачал головой. – Вот Есугей-багатур не промахнулся бы.

Есугей ехал впереди. Услышав свое имя, придержал лошадь.

– Что такое?

– Да вот мой Мунлик… Я ему говорю, уж ты бы не промахнулся.

Смерив взглядом расстояние до сурчины, Есугей подтвердил:

– Да, я бы не промахнулся.

– Почему же не стрелял? – досадуя на свой промах, спросил Мунлик.

– Так, просто… Не захотел.

Есугею почему-то неловко было признаться, что он даже не заметил сурчины и тарбагана. Очень уж смутно было у него на душе. Похоже, духи зла преследуют улус тайчиутов. Еще не ушла из сердца горечь от гибели мудрого Амбахай-хана, а тут новая беда: от старых ран скончался Хутула-багатур. Сегодня нойоны собираются на курилтай. Кого назовут новым ханом? Сын Хутулы Алтан слишком молод. Среди других высокородных нойонов нет такого, кто умом и отвагой возвысил бы себя над остальными. Наверное, будут жестокие споры.

Чарха-Эбуген хрипловатым голосом запел песню. Поддразнивая сына, он пел о великом мэргене[14], чья стрела достает в поднебесье орла, попадает в глаз бегущему дзерену; тарбаган, дремлющий у норы, для нее недостойная цель, и великий мэрген Мунлик поднял свой лук только для того, чтобы разбудить засоню тарбагана. Мунлик, слушая отца, лукаво посмеивался, потом затянул ответную песню.

Их веселость сердила Есугея. Нашли время для забав! Не на пир едут. Споры на курилтае могут привести к раздорам, и улус станет легкой добычей для соседей-врагов – татар, меркитов, кэрэитов. Он хотел было оборвать Мунлика, но смолчал. Не дело ожесточать себя ссорой с близкими людьми. Такие уж они есть: всегда готовы петь, шутить, состязаться в острословии. Один из предков Чарха-Эбугена был знаменитым на всю степь шаманом, сам Чарха-Эбуген умеет находить целебные травы и прогонять ими болезни. Мунлик в этом деле малосведущ, но своего первенца-сына отдал на выучку шаманам, и, говорят, мальчик обнаружил удивительные способности в познании сокровенных тайн Неба. А главное – оба, старый Чарха-Эбуген и Мунлик, люди надежные, преданные ему всем сердцем. Это надо ценить. Истинных друзей не так уж много. Такими друзьями он считал близких родичей – Сача-беки, Таргутай-Кирилтуха, Алтана. Но сегодня на курилтай они уехали без него – должно быть, что-то замыслили за его спиной. И родные братья ускакали всяк сам по себе. Худо все это, очень худо.

Под копыта коня стлалась нежная зелень, из травы выглядывали голубые, желтые, белые, синие цветы, и степь казалась чисто умытой, празднично нарядной. Над небольшим озерком кружились селезни, в воде, поджав одну ногу, в задумчивости стояла белая цапля, вдали важно вышагивали тяжелые дрофы, напоминая пасущихся овец. Весна!.. Нет для кочевников времени лучше. На свежей, сочной траве быстро отъедается отощавшая за зиму скотина, появляется приплод; ребятишки досыта пьют молоко; босые, резвые, как жеребята, они с утра до ночи

[14] *Мэрген* – искусный стрелок.

носятся по куреню. Старики и старухи тоже с утра до вечера сидят на солнышке, присматривая за ползунами-внуками. Люди становятся мягче и добрее, им не хочется думать о войнах, врагах, куда с большей охотой говорят они о жеребятах, о предстоящих скачках и состязаниях борцов.

Курилтай по обычаю проводили на берегу Онона. Почти все нойоны были уже в сборе. Но, против прежних времен, держались не вместе – рассыпались по большой поляне, сидели кружками, склонив головы друг к другу, толковали о чем-то, опасливо оглядываясь. Есугей слез с лошади под кустом цветущей, одуряюще пахнущей черемухи, бросил повод Мунлику. Чарха-Эбуген, не слезая с седла, оглядел разрозненные кучки людей, и веселость сбежала с его лица, закряхтел, пробормотал:

– Не ожидал…

К ним подошел Даритай-отчигин, улыбчиво жмурясь, приветливо воздев вверх руки:

– А я думал, что ты вперед уехал, брат.

– Молчи, лукавый! – строго сказал Есугей.

Из кустов к ним пробрался Таргутай-Кирилтух, невысокий, грузноватый, одернул халат, вяло удивился:

– Э-э, ты здесь… А мы тебя…

– …в кустах искали, – договорил за него Есугей.

– Ага, – бездумно согласился Таргутай-Кирилтух, но тут же спохватился: – Нет, не искали…

Даритай-отчигин заржал тонким, жеребячьим голоском. Таргутай-Кирилтух медленно повернулся к нему, рыхловатое лицо стало угрюмым, взгляд тяжким.

– Ты чего?

– Врете с братцем моим одинаково, вот он и развеселился, – хмуро сказал Есугей. – Эх, вы… Зачем так делаете?

– Много слухов ходит, – пробубнил Таргутай-Кирилтух, насупленно разглядывая носки своих гутул. – Нойонов на свою сторону склоняешь.

– Я тебя склонял? А Сача-беки? Алтана? А своих братьев? – Есугей подступал к нему вплотную.

– Не будем больше об этом, – проговорил успокоенно Таргутай-Кирилтух, повернулся к Есугею спиной. – Пойдем к нам.

За кустами черемухи собрались молодые нойоны. Есугей втиснулся в их кружок, сел. Все выжидательно поглядывали на него и на Таргутай-Кирилтуха. Есугей озлобленно молчал. Молча сидел и Таргутай-Кирилтух. Даритай-отчигин завел речь о каких-то пустяках, разговор сразу подхватили. Об избрании хана никто не обмолвился ни словом. И когда начался курилтай, Есугей отстал от молодых нойонов, разыскал Чарха-Эбугена: в случае чего есть с кем посоветоваться.

Из толпы вышел старейший – Тумэр-билге. Седой, плешивый и кривоногий, но еще довольно крепкий, он заговорил скрипучим голосом:

– В старое время наши племена не имели своего государя. Потом люди собрались здесь, на этом самом месте, и сказали: косяк гусей без вожака пути не знает, косяк лошадей без жеребца – добыча волчьей стаи. Выберем самого доблестного из нас своим вождем, возведем в ханское достоинство, и пусть он правит улусом. Первым ханом был избран славный Хабул. Сейчас мы снова собрались для того, чтобы достойнейшего из нас поставить над нами. Чье имя вы назовете?

Толпа молчала. А Есугей думал, что как только придет время назвать хана, будут наперебой выкрикивать имена по меньшей мере десятка разных людей. Почему же они молчат?

– Почему никого не называют? – шепотом спросил у Чарха-Эбугена.

Старик усмехнулся:

– Скажем, я назову тебя, а изберут Таргутай-Кирилтуха. После этого чего я дождусь от Таргутай-Кирилтуха?

– Ну, кто скажет? – Тумэр-билге подслеповато моргал, вглядываясь в лица нойонов, его взгляд остановился на Есугее. – Скажи нам свое слово, внук славного Хабул-хана, храбрый Есугей.

– Пусть говорят другие.

Тумэр-билге начал обращаться ко всем подряд. Но никто не называл ни одного имени. Есугею стало понятно: в душе чуть ли не каждый ждет, что ханом назовут его. Втайне ждал этого и сам Есугей-багатур: разве он не внук Хабула, разве не его отличал из всех сверстников Амбахай-хан, разве не он был в последнем походе правой рукой Хутулы-багатура? Но его не хотят видеть ханом даже Таргутай-Кирилтух, Сача-беки, Алтан, что уж говорить о других! Ну что ж, избирайте того, кто ближе вашему сердцу.

Есугей отошел в сторону, сел на крутом берегу Онона. Полая вода еще не совсем спала, река была мутна, бурлива, шапки пены плясали на волнах, закручивались в ямки водоворотов, выхлестывались на песчаную отмель. Он смотрел на реку и прислушивался к голосам нойонов. Кто-то напористо убеждал:

– На курилтай мы собрались прежде времени. Великое дело требует великих раздумий. Куда мы спешим? Пусть подумают брат с братом, друг с другом.

Есугей тихо присвистнул. Вот оно что! Кому-то очень нужно время – одних уговорить, других одарить-подкупить, третьим пригрозить… Нойоны взбодрились. Каждый надеется, что он лучше других воспользуется временем. Уже, кажется, готовы склониться к приговору: хану пока не быть. Противиться сейчас этому – мечом сечь воду. Не лучше ли подойти с другого конца?

Все обдумать не было времени. Есугей вскочил, протолкался к Тумэр-билге, сказал:

– Мудрые старейшины и храбрые воины! Вы хотите подумать еще и еще раз. Пусть будет так. Но пока будете думать, кто защитит наши нутуги? На востоке татары, на западе меркиты, под боком кэрэиты, на севере беспокойные племена лесных народов – кто будет бороться с ними? Кто соберет воинов? Кто поведет в поход? Вот о чем хотел я спросить у вас, мудрые старейшины и храбрые воины. – Есугей замолчал, отыскал в толпе лицо Чарха-Эбугена, взглядом спросил: верно сказал? Старик одобрительно кивнул головой.

Никто не спешил ответить Есугею. Нойоны знали, что благополучие их владений, не подпертое крепкой воинской силой, пойдет прахом. Но одним хотелось надеть на себя ханскую шапку, другим – продвинуть в ханы своего человека, и это оказалось сильнее страха перед врагами.

– Меркитов мы побили, – сказал кто-то.

– И татар! – с готовностью подсказал другой голос.

– У кэрэитов братья царство делят, им не до нас!

Так нойоны успокаивали себя. Но Есугей не желал отступать.

– Все это так! – согласился он. – Но есть слух – татары собираются в поход на наши кочевья.

– В походы идут осенью, а сейчас весна, – наставительно проскрипел Тумэр-билге, недовольный, что Есугей оттеснил его, завладел вниманием нойонов.

– Я знаю… Осенью справны лошади и много кормов. И поэтому поход назначают на осень. А я говорю: ударить на татар надо сейчас. Они не ждут удара, и мы легко справимся с ними. Позвольте мне набрать в куренях удальцов, и я пойду на татар. Я не прошу, чтобы каждый курень выделил определенное число воинов. Я возьму только тех, кто пожелает идти со мной по доброй воле.

Нойоны легко согласились с ним. Это их ни к чему не обязывало. Но Есугей был доволен. Он видел то, о чем пока никто не догадывался: уроки мудрости Амбахай-хана не пропали

даром, – если Небо даст ему сил одолеть татар, за ним пойдут все отважные воины, у него будет много верных нукеров, и тогда никто не посмеет возвыситься вопреки его воле. Он возьмет в свои руки улус, собранный его дедом, укрепленный мудрым Амбахай-ханом. Очень хорошо, что нойоны этого пока не понимают. Даже Чарха-Эбуген не догадывается о его намерениях.

– Зачем взвалил на себя такую ношу? – спросил он, когда возвращались домой.

– Хочу взыскать с татар за мою рану.

– Ветер военной удачи слишком переменчив, смотри, не свалил бы тебя с ног.

Есугей улыбнулся. Он верил в свою удачу.

Подъезжали к юртам родного куреня, и Есугей стал подгонять коня. Единственный человек, которому он расскажет все о своих замыслах, – его Оэлун. Жена… Стоит куда-нибудь отлучиться, как он начинает тосковать. Вот и сейчас его взгляд нетерпеливо ищет ее среди людей, снующих у юрт. Вот она. Увидела его и идет к своей юрте. На голове покачивается, взблескивает спица бохтага[15]. Широкие складки номрога – одежды замужних женщин – скрывают очертания ее тела, но все же ему кажется, что Оэлун заметно пополнела. Радостная догадка обожгла его. Неужели?

Соскочив с лошади, он обнял Оэлун, провел рукой по ее животу. Она потупилась, покраснела.

– Значит, это правда?

Она кивнула головой. Есугей прижал ее к груди, бережно погладил по худеньким плечам.

IX

Казнью кровных братьев Тогорил напугал и оттолкнул от себя нойонов. За их угодливостью он видел недремлющую настороженность. Стараясь обезопасить себя, он выкупил из тангутского плена младшего брата Джагамбу, попытался выманить из страны найманов Эрхэ-Хара, но тот, зная о горькой судьбе Тай-Тумэра и Буха-Тумэра, не поддался ни на уговоры, ни на щедрые посулы.

Нужно было не мешкая что-то делать. Но что? Что?

Он почти не выходил из своей юрты. И редко кого допускал к себе. С ним постоянно находился лишь Джагамбу, тихий задумчивый подросток. Он целыми днями возился с маленьким Нилха-Сангуном. После смерти жены Тогорил не доверял сына никому – ни няням, ни слугам.

Нилха-Сангун только начал ходить. Толстый, тяжелый, он, переваливаясь на бок, словно утенок, вышагивал по мягкому войлоку, держась за палец Джагамбу.

– Вот так, вот так, – подбадривал его Джагамбу. – Теперь попробуй сам, без меня.

Джагамбу оставил его одного, отошел на несколько шагов, поманил, протянув руки. Ребенок нерешительно сделал шаг, второй, шлепнулся, отвесил пухлую нижнюю губу и заплакал.

– Ну вот, сразу и плакать! – укоризненно сказал Джагамбу, вытирая ему слезы.

В юрту торопливо вошел вооруженный воин. Позабыв поклониться, крикнул:

– Найманы!

– Где?

– В одном переходе отсюда. Их ведет Эрхэ-Хара.

– Всех сюда! Седлать коней! – приказал Тогорил и начал торопливо надевать латы. – Джагамбу, смотри за мальчиком. Держи лошадь наготове. В случае чего бери его и скачи ко мне.

Когда он вышел из юрты, весь курень был охвачен тревогой. Сломя голову от юрты к юрте скакали всадники, ржали лошади, звенело оружие. Дул ветер, пригибая к земле траву, по небу ползли темные облака, громыхнул отдаленный гром. «Помоги мне, господи!» – прошептал

[15] *Бохтаг* – головной убор женщин той эпохи.

Тогорил. Если найманы в самом деле в одном переходе, к вечеру они будут здесь. Как их остановить?

У юрты собиралось все больше воинов. Нойоны подходили к нему, коротко сообщали, у кого сколько воинов. Ни один из них не посмел не явиться, и это успокоило его. Возможно, зря думал о них слишком плохо.

Он сел на коня и повел воинов в темную, ветреную степь. Снова прогрохотал гром, но уже ближе, мощнее. Гроза приближалась. Черное небо нависло над самой головой, ветер внезапно утих. Степь как бы замерла. И тут же хлынул дождь. Крупные капли со звоном расшибались о железо шлема, чмокали, впиваясь в попону. С рыси перешли на шаг, а вскоре и совсем остановились. Надо было переждать грозу. Иначе дождь измотает и людей, и лошадей, усталые, они не выдержат сражения. Найманы, конечно, тоже пережидают грозу. Так что самое верное – дать войску отдых.

Воины, достав из седельных сум небольшие палатки, укрылись ими. Лошади стояли возле них, фыркая и отряхивая с грив воду. Нукеры поставили для Тогорила походный шатер, он зашел в него, переоделся в сухую одежду, сел на седло у входа. Удары грома раскатывались один за другим, зеленовато-белый свет молний зловещими сполохами бил по земле. Быстро надвигалась ночь. Тогорил прилег, укрылся сырой попоной, но уснуть никак не мог. Неясная тревога владела им. Больно уж легко поднялись его нойоны. Что, если замыслили недоброе?

Около полуночи дождь стал утихать. Тогорил разбудил нукеров и приказал обойти войско. Они вернулись почти сразу же.

– Никого нет! Они ушли!

– Не может быть!

Он сам, спотыкаясь в темноте, пошел туда, где еще недавно прятались под палатками воины. Там никого не было. Он крикнул – никто не отозвался. Кто-то из нукеров поджег пропитанную жиром тряпку, поднял ее на копье. Свет вырвал из темноты истоптанную траву, следы от копыт, заполненные водой, кем-то забытую или утерянную шапку. Тогорил вернулся к своему шатру. Возле него жались мокрые, озябшие нукеры – не больше ста человек.

– Садитесь на коней, – устало сказал он.

Надо было уходить. И чем скорее, тем лучше.

День застал их далеко в степи. По небу еще бежали облака, но дождя уже не было. Всходило солнце. К Тогорилу подскакал дозорный:

– Там курень.

– Чей?

– Наш, кэрэитский.

Он послал в курень десять нукеров попросить еды и кумыса. Ему теперь нужно заботиться о пище для этих людей, иначе и они разбегутся. А что дальше? Идти к меркитам? Он вспомнил лупоглазого Тайр-Усуна, его заверения в дружбе, в готовности меркитов заключить с ним, Тогорилом, вечный, нерушимый союз. Он не верил послам Тохто-беки. Он знал уже, что меркиты обещали в свое время поддерживать Тай-Тумэра и Буха-Тумэра. Те поверили, и легковерие им стоило жизни. Если Эрхэ-Хара укрепится так же, как Тай-Тумэра и Буха-Тумэра, они выдадут и его, Тогорила. Потому надо держаться подальше от их кочевий. Может быть, пойти к тайчиутам? А не вздумают ли и они ценой его головы купить дружбу с Эрхэ-Хара?

Ему доложили, что их догоняет одинокий всадник. Он остановился. По степи во весь опор скакал человек, прижимая к груди какой-то сверток. Это же Джагамбу! Что с его маленьким сыном?

Тогорил не вытерпел, поскакал навстречу брату. Ни о чем не спрашивая, взял из его рук сверток, торопливо раздернул одеяло. Мальчик спал, засунув в рот палец. Он погладил его по мягким, шелковистым волосенкам, бережно укрыл и передал нукерам. Джагамбу сидел с сияющим лицом. Тогорил отстегнул от пояса серебряный нож.

– Это тебе. Ты мой самый верный нукер.

Ему захотелось обнять братишку, сказать ему, что он даже думать страшился о судьбе своего маленького сына и уж никак не предполагал, что младший брат, не в пример другим, окажется таким преданным и верным. Но он ничего этого не сказал – кругом стояли усталые, голодные нукеры, томимые неизвестностью. Он попросил Джагамбу:

– Расскажи, что там.

– А я не знаю, – виновато потупился Джагамбу. – Когда ты ушел, мне стало страшно одному. Я взял Нилха-Сангуна и пошел к моему дружку, сыну нойона Дутуза. У него остался ночевать. Ночью услышал, как вернулся Дутуз. Из разговора понял, что нойоны покинули тебя. Я потихоньку оседлал коня и поехал. На рассвете был уже около вашей стоянки. По следам копыт на сырой земле понял, куда вы направились…

Возвратились нукеры, посланные в курень. Вид их был унылый.

– Нам ничего не дали. В курене вчера были воины Эрхэ-Хара и приказали не считать тебя государем. Если мы пойдем в курень, они будут обороняться.

Солнце поднялось уже высоко. От мокрой одежды нукеров поднимался пар. Они подавленно молчали. Тогорил смотрел на курень. Над юртами курились голубые дымки. Уходили в степь табуны лошадей, отары овец, скакали вооруженные всадники.

– Ну хорошо же, – мрачно проговорил он. – Они пожалеют об этом.

Рысью прошли мимо куреня, за ним нукеры рассыпались, выстраиваясь в полумесяц, погнали перед собой отару овец.

В курене, видимо, не ожидали этого. Когда Тогорил и его нукеры были уже далеко, за ними бросилась в погоню беспорядочная толпа воинов. Но приблизиться они не решились, постреляли издали, не причинив никому вреда, и повернули обратно.

Еды теперь было вволю. Наевшись свежей баранины, отдохнув, его нукеры повеселели. Но сам он становился все более мрачным. Его угнетало, что приходится грабить собственных подданных, что впереди ничего хорошего. Остается одно – выжидать. Когда уйдут найманы, возможно, удастся как-то справиться с Эрхэ-Хара. Но ждать здесь нельзя. Его обложат со всех сторон, убьют или принудят сдаться. Надо быстрее уходить из улуса кэрэитов, уходить как можно дальше, на время исчезнуть, затеряться в степях.

Он знал, что между владениями тайчиутов и татар пустуют огромные пространства. Надо идти туда.

Приняв это решение, Тогорил захватил в одном из куреней большой косяк дойных кобылиц и ушел из владений кэрэитов, запутав следы.

Кочевий на пути попадалось все меньше и меньше, а вскоре вышли и вовсе в безлюдную степь. Он нашел место для длительной стоянки, нукеры спешились. Измученные долгой дорогой, они радовались отдыху, как дети. С веселым гамом ставили походные палатки, разводили огни. Вкусно запахло жареным мясом.

И вдруг наступила тишина. Все замерли, повернув головы в одну сторону. На них двигалась конница. Около тысячи вооруженных всадников, сбитых в прочный строй, неторопливой рысью приближались к ним. У Тогорила сжалось сердце. Это конец. Но он все-таки приказал нукерам построиться для сражения.

Конница, ощетинившись копьями, быстро приближалась. Тогорил судорожно стискивал рукоятку меча, по спине тек противный холодок. Самое страшное в сражении – эти вот мгновения ожидания. Страх железной рукой стискивает сердце, все тело немеет, становится чужим. Потом все это исчезает. В горячке сражения от криков ярости, звона оружия, храпа лошадей человек как бы забывает самого себя.

Приблизившись на расстояние полета стрелы, конница остановилась, от нее отделился всадник на сером жеребце. Перед рядами нукеров Тогорила он резко остановился. Жеребец под ним приплясывал, зло грыз удила, роняя на траву клочья пены.

– Эй вы, татарские собаки! Бросайте оружие, или мы посечем всех до единого!

– Мы не татарские собаки! Мы кэрэиты! – крикнул Тогорил.

Всадник удивленно открыл рот:

– И верно, не татары!

Жеребец, играя селезенкой, понес его к своим.

Ряды конницы раздвинулись, вперед выехал всадник на рыжем, белоногом коне. Выслушав посланца, он шагом направился к кэрэитам. Тогорил поехал ему навстречу. Всадник смерил его взглядом холодных серых глаз:

– Ты кто?

– Я хан кэрэитов Тогорил. А вы?

– Мы тайчиуты. Что ты, хан, ищешь здесь, так далеко от своего улуса?

– Улус у меня отняли. Это все, что осталось. – Тогорил показал на своих нукеров.

– Как же так?..

– А-а… Нойоны предали, – с тоскливым вздохом сказал Тогорил.

– Нойоны? – В светлых глазах тайчиута промелькнула усмешка. – Что ты думаешь делать, хан без ханства?

– Буду возвращать то, что принадлежит мне.

– Возвращать труднее, чем терять… Хочешь пойти со мной? Я Есугей. Иду на татар.

Какой ему смысл идти на татар? Но если он откажется, захочет ли Есугей оставить его за своей спиной? Наверное, нет. По всему видать, этот молодой воин совсем не дурак, чтобы допустить такую опрометчивость.

– Я пойду с вами. Но потом в свою очередь вы поможете мне.

– Не уподобляйся, хан, торговцу побрякушками, – насмешливо проговорил Есугей. – Всему свое время.

Есугей, как видно, не очень-то верил ему. Его нукеров всунул в строй своего войска так, что они не могли сделать ни единого незамеченного шага, всегда были под строгим надзором сотен глаз. Но Тогорилу пришлась по нраву предусмотрительная осторожность Есугея.

Они приближались к татарским нутугам с бесшумностью кошки, скрадывающей мышь. Далеко вперед уходили дозоры, ощупывая дорогу, задерживая всех случайных путников. А потом передвигаться стали только ночью, днем отдыхали, выставив крепкое охранение.

В рассветный час вышли на один из татарских куреней. Сотни кибиток стояли вплотную друг к другу, образуя замкнутый круг, за повозками теснились юрты и шатры. В курене залаяли собаки, тревожно зарокотал барабан, засуетились люди.

Есугей издал боевой клич:

– Урагша![16]

– Урагша-а! – подхватили воины и ринулись на курень.

Навстречу им полетели редкие, разрозненные стрелы.

С устрашающим криком и визгом лавина всадников подкатилась к куреню, но перед плотным рядом повозок лошади вставали на дыбы и шарахались назад. Татары к тому времени успели собрать воинов, стрелы полетели гуще и все чаще достигали цели. Тогорил скатился с лошади, бросился к повозкам. Его нукеры тоже спешились, растащили телеги. В образовавшуюся дыру хлынули тайчиуты, опрокидывая на своем пути юрты.

Вскочив в седло, Тогорил огляделся. Воины Есугея рубились в проходах между телегами и юртами, клином рассекая курень на две части. Вершина этого клина уже вплотную приблизилась к центру куреня – голубому шатру. Там то появлялся, то исчезал остроконечный шлем Есугея. Внезапно сбоку по клину ударили свежие силы. Сотни полторы татар, вооруженных копьями с крючьями, набросились на воинов Есугея, стаскивали их с лошадей, рубили

[16] *Урагша!* – Вперед!

на земле мечами. Их вел здоровенный багатур с засученными рукавами. На черном лице блестели злобно оскаленные зубы. Татарам удалось отшибить вершину клина, они стали сжимать в кольцо Есугея и немногих воинов, оставшихся с ним.

Избегая стычек, Тогорил повел своих нукеров в сторону, зашел татарам в затылок. Теперь воины-«крючники» сами оказались окруженными со всех сторон. И это решило исход сражения. Один по одному они пали под ударами мечей тайчиутов и кэрэитов. Последним из живых остался черный багатур. Он прижался спиной к повозке, вращая налитыми кровью глазами, яростно отбивался от наседавших со всех сторон всадников.

– Возьмите его живым! – услышал Тогорил крик Есугея.

Свистнул аркан. Петля захлестнулась на шее багатура, он захрипел и упал. На него сразу же навалилось несколько воинов, крепко скрутили веревками. Есугей свесился с седла.

– Ну что, Тэмуджин-Угэ, не ожидал встречи со мной? – Весело засмеялся, сказал Тогорилу: – Мой старый знакомый. А ты молодец, хан! Хочешь быть моим андой?[17]

– Быть андой такого отважного человека честь для каждого. – Сказав эту церемонную фразу, Тогорил вдруг улыбнулся Есугею приветливо и открыто: он был совсем не против, чтобы этот смелый человек в самом деле стал его братом.

Сражение подходило к концу. Еще слышались удары мечей и предсмертные крики, но это было уже и не сражение – воины Есугея истребляли всех мужчин, способных держать оружие. Среди опрокинутых юрт, разбитых кибиток валялись трупы, ползали раненые, лошадь с распоротым брюхом в предсмертных судорогах дергала головой, скребла копытом окровавленную землю.

Назавтра захватили еще один небольшой курень и спешно повернули домой. Надо было уходить, пока татары не подтянули свои силы. Перед собой гнали тысячи голов скота, сотни телег натужно скрипели под грузом военной добычи. Все, что не смогли взять с собой, сволокли в кучу и подожгли. И позади них долго ввинчивался в небо столб смрадного дыма.

Есугей, оглядываясь на дым, сказал Тогорилу:

– Это еще не все. – Помолчал, о чем-то думая. – Если мы с тобой, мой анда, мой клятвенный брат, будем всегда вместе, как две оглобли одной повозки, наши враги содрогнутся от страха.

– Я буду верен нашей клятве, – неторопливо ответил Тогорил. – Ты предложил стать братом бессильному изгнаннику. Это я ценю выше всего. Верну ли я ханство или останусь одиноким бродягой – я твой анда навсегда.

– Ты будешь ханом. Если найманы ушли, мы обрушимся на Эрхэ-Хара, как удар молнии на одинокую юрту. А придет время, мы тряхнем и найманов.

Когда огрузневшее от добычи войско подошло к улусу тайчиутов, Есугей пригласил Тогорила ехать в свой родной нутуг налегке. Они взяли с собой десять воинов и пленного багатура Тэмуджина-Угэ. Татарин, спеленатый волосяными веревками, не брал в рот ни еды, ни питья, смотрел на всех с гордой презрительностью.

– Какой багатур, а? – восхищался им Есугей.

Тогорилу было не совсем понятно, почему Есугей тащит за собой пленного, почему так спешит в родной курень, снисходительно подумал: «Мой анда хочет поскорее получить почести победителя».

Есугей, однако, не торопился известить нойонов и старейшин о своей победе. Он направился прямо к своей юрте. Но тут им овладела непонятная нерешительность. Не спуская глаз с входного полога, медленно слез с седла, долго копался у коновязи, привязывая лошадь. Из юрты вышла молодая женщина, сдержанно улыбаясь, подошла к нему. Он положил тяжелые руки на ее плечи, встревоженно заглянул в лицо.

---

[17] *Анда* – названый брат.

– Сын, – сказала женщина.

– Сын? У меня сын? – Он быстро прошел в юрту.

Со всех сторон подходили люди, с любопытством смотрели на Тэмуджина-Угэ, на него, Тогорила, тихо спрашивали о чем-то воинов.

Есугей вышел из юрты. На руках он неумело, боязливо держал берестяную колыбель с ребенком. Мальчик сучил ногами и звонко плакал.

– Вот какой горластый! – Лицо Есугея лучилось от радости. – Мой сын! А это, анда Тогорил, моя жена Оэлун.

Тогорил вспомнил свою жену и стиснул зубы. Давно ли он был такой же счастливый, как Есугей…

– Отдыхайте, а вечером я всех приглашаю на пир, – сказал Есугей своим воинам. Подошел к Тэмуджину-Угэ. – Ты наш враг, и ты умрешь. Сегодня. Но ты отважный человек, и я назову твоим именем сына.

X

Один из воинов Есугея, по имени Хучу, едва получив разрешение на отдых, поскакал к своей юрте. Он тоже ждал ребенка. Ему не следовало идти в поход, оставлять жену без присмотра. Но как не пойдешь, это нойон хочет – идет, не хочет – остается дома, а ему, бедняку-харачу, выбирать не приходится. Когда уходил в поход, в юрте осталось в запасе совсем немного хурута[18], но он надеялся, что жена недолго будет без работы, а если она работает – доит коров Есугея, – ей каждый день дают на пропитание молоко. Жена у него крепкая, здоровая, лениться не любит, так что тревожиться ему, пожалуй, незачем.

У его юрты перед треногой сидела старая тетушка Мулхэ, подбрасывала в огонь сухие коровьи лепехи.

– А-а, явился, – сказала она без удивления и радости.

– Вот приехал… – чувствуя себя почему-то виноватым, сказал Хучу. – Как тут?

– Благодаря Небу все хорошо. Твоя жена сильно болела, но сейчас ничего, поправляется.

– Кто у меня родился?

– Э-э, ты же не знаешь… Сын.

Хучу зашел в тесную, прокопченную юрту. Жена сидела на козьей шкуре, кормила грудью ребенка. Увидела его, тихо вскрикнула, часто заморгала.

– Ну, ничего, ничего! – Он наклонился, заглядывая в личико сына, сосущего грудь. – Ничего. Я, видишь, живой и здоровый.

– Зато я чуть не умерла. Спасибо добрым людям, не дали умереть ни мне, ни нашему сыну.

– Теперь все будет хорошо.

Тетушка Мулхэ принесла деревянное корытце со свежим творогом. Хучу почувствовал, как он голоден. Если бы творогу было раза в два больше, и то бы съел до последней крошечки, но, посмотрев на худое, с заострившимися скулами лицо жены, он есть не стал. Погладил себя по брюху:

– Я ел. Жирную-жирную баранину. Я каждый день ел баранину.

Хучу вздохнул. В походе, особенно когда возвращались назад, еды было вволю: ежедневно Есугей выделял из добычи барана на десять воинов.

– Не мог привезти мяса для своей Булган, – проворчала Мулхэ.

– О, мы захватили много скота! Есугей-багатур даст мне два барана. А может быть, и три.

– Четыре он тебе не даст?

---

[18] *Хурут* – сушеный творог.

– Четыре, наверное, не даст. – Хучу будто не понял ехидства старушки. – Одного барана я сразу зарежу, и мы будем пировать в честь рождения сына.

– Если он такой добрый, твой нойон, то иди и возьми барана сейчас! – рассердилась Мулхэ. – Сидишь и плетешь языком небылицы.

– А что, я пойду. Он пригласил меня на пир.

– Вот-вот! Будешь наливать свое брюхо кумысом и архи, а тут… – Возмущенная старушка вышла из юрты.

Жена смотрела на него с надеждой:

– Он тебе правда даст? Мне так хочется отпраздновать рождение нашего мальчика. – Она склонилась над сыном, почмокала губами.

– Он даст. Я иду.

От голода у Хучу сосало в желудке, и он совсем не был уверен, что Есугей станет слушать его, а выслушав, благосклонно отнесется к просьбе. Но он пошел, выпрямив спину и твердо ставя ноги. Пусть жена видит – он настоящий воин.

Возле юрты Есугея было полно народу. В огромных котлах варилось мясо, у огня толпились ребятишки, сновали взад-вперед слуги. Есугей с женой, хан кэрэитов Тогорил, братья Есугея, угрюмый Таргутай-Кирилтух и другие нойоны сидели перед юртой на огромном войлочном ковре, пили кумыс, разговаривали. Здесь же возле больших бурдюков стояли слуги и наливали кумыс простому народу. Хучу выпил чашу, попросил еще. Кумыс слегка ударил в голову. Хучу осмелел, но не настолько, чтобы подойти к Есугею. Он ходил вокруг ковра, мучительно думая, что соврать жене и въедливой старухе Мулхэ. На него налетел виночерпий, подающий кумыс нойонам, зашипел:

– Что тут путаешься под ногами! Иди отсюда, харачу несчастный!

– Я не несчастный! – возмутился Хучу. – Я воин Есугея. У него родился сын, у меня тоже родился сын.

Его голос привлек внимание нойонов, они повернулись к нему с недоумением, и у Хучу разом пропала охота спорить с виночерпием, он попятился. Есугей узнал его, поманил пальцем:

– Почему кричишь? Чем недоволен?

– Я доволен. – Хучу почтительно поклонился. – Храбрый Есугей-багатур, у меня родился сын. Я бы хотел… если ты так милостив… хотел бы узнать, будет ли мне, твоему воину, доля из твоей добычи. Надо тоже отпраздновать… Если бы ты сейчас дал мне одного барана…

Нойоны засмеялись. Рябой хан кэрэитов, скрывая улыбку, потер кулаком подбородок. Хучу растерянно умолк. Оэлун наклонилась к уху Есугея, что-то зашептала, он согласно кивнул головой.

– Ты сражался вместе со мной, и я этого не забываю. Я справедливо поделю добычу между своими воинами. Никто не будет обижен. Ты получишь свое. Но у тебя родился сын… Эй, баурчи! Доставьте в его юрту жирного барана, кумыса и архи. Это тебе в подарок. Пусть наши сыновья вырастут воинами.

Хучу встал на колени, трижды до земли поклонился Есугею. На его лице выступили крупные капли пота, и слова благодарности застряли в пересохшем горле. К нему подошла Оэлун, протянула одеяльце, сшитое из шкурок белки:

– Это от меня. Пусть Небо сделает наших детей счастливыми.

– Нет, нет! – совсем оробел Хучу. – Не возьму! Это нужно вашему сыну. Своего я укрою и овчиной.

– У моего сына еще есть, – улыбнулась Оэлун. – Ему надарили целый ворох одеял.

По куреню Хучу шел, не чуя под собой ног. Ему так и хотелось побежать вприпрыжку. Но он сдерживал себя. Он высокомерно посматривал на слуг, тащивших за ним барана, бурдюк с кумысом, деревянный бочонок с архи.

А молва о щедрости Есугея уже опередила его. Люди выходили из юрт, с завистью провожали взглядами счастливца.

XI

Время – необузданный скакун. Оно мчится, и невозможно натянуть поводья, остановить его бег. Давно ли, кажется, родился Тэмуджин, а сейчас у мальчика четыре брата. Один из них, Бэлгутэй, родился от второй жены. Ее, эту женщину, Есугей взял только потому, что такому человеку, как он, не приличествует иметь одну жену. И когда она вскоре после рождения Бэлгутэя умерла, Есугей даже не огорчился. Оэлун по-прежнему занимала все его сердце. Хорошо это или плохо, но он благодарен Небу за то, что у него есть Оэлун. Каждый раз, возвращаясь домой, он испытывает чувство ожидания радости, и самый стремительный бег скакуна кажется недостаточно быстрым. Домой! Ветер тихо шелестит в увядающей траве, ласково гладит щеки, грива коня хлещет по луке седла. Домой, домой! А до родного куреня еще далеко. Будь у него заводная лошадь, он мог бы уже сегодня добраться до дома, но ее он подарил Дэй-сэчену, своему свату. Вот ведь как, у него уже свой сват!

Сватовство затеяла Оэлун. Она побывала в гостях у родителей, там увидела дочь Дэй-сэчена из хунгиратского племени. Девочка ей очень приглянулась: и умненькая, и красивая, правда на год постарше Тэмуджина, но это ничего, это даже лучше – будет хорошей опорой беспокойному сыну.

О женитьбе Тэмуджина думать было, конечно, рановато, мальчик едва лишь начал дотягиваться рукой до стремени седла, но он не противился Оэлун, понимал, как важно для нее именно там, в родных ей местах, женить сына. Он поехал к Дэй-сэчену, взял с собой Тэмуджина и Хо. Оэлун давно просила его отправить Хоахчин и ее брата на родину. Отпускать пленных рабов было не принято, но Оэлун он отказать не мог. Хоахчин возвращаться домой не решилась, Хо пришлось ехать без сестры.

Отпускать Хо не хотелось. Он был Тэмуджину не просто слугой. Заботился о нем так, как может заботиться лишь старший брат о младшем.

Хо он оставил в курене олхонутов. Они переправят его к племени онгутов, состоящих на службе у Алтан-хана китайского, и те помогут добраться на родину. Тэмуджин, видимо, был не в силах уразуметь, что расстается с Хо навсегда.

– Совсем-совсем не вернешься? Это как? Пройдет лето, зима, а ты все там будешь жить? И когда я стану большим, как отец, ты все еще не приедешь?

– Да, – печально ответил Хо.

Есугей усадил сына на лошадь, и они поехали. Тэмуджин разревелся, плача, дергал поводья, пытаясь повернуть лошадь назад.

– Эх ты, жених! Так мы с тобой ни одну невесту не сосватаем.

– Не нужна мне невеста! Мне нужен Хо!

Поняв, что ничего сделать невозможно, Тэмуджин плакать перестал, но все время оставался насупленным, явно сердился на отца. С дочерью Дэй-сэчена он не захотел разговаривать, взглянул искоса, отвернулся.

– О, зять-то у меня будет серьезный! – улыбнулся Дэй-сэчен. – Отважный будет воин.

– Будет воином, – сказал Есугей и тихо, чтобы не слышал Тэмуджин, добавил: – А пока он лишь мальчик. Береги его, сват.

По обычаю остался в зятьях-женихах сердитый мальчик – первый, потому самый любимый сын. У Дэй-сэчена ему будет неплохо, а все равно болит сердце. Грустно и от расставания, и оттого, что так быстро летит время. Не успеешь оглянуться, как дети станут взрослыми, заживут своей жизнью, а ты начнешь понемногу стариться… Хотя старость еще далеко. И хорошо, что быстро растут дети. Грустно ему, наверное, потому, что в этой неохватной для глаза степи

он скачет один и остро чувствует, как велик, широк мир и как мал, слаб человек. Давно уже не оставался вот так, один на один со степью. Все последние годы выезжал из родного куреня, чувствуя за собой стук тысячи копыт, слушая бряцание оружия и говор воинов.

Не зная отдыха, он водил воинов, сражался, стараясь обезопасить кочевья от набегов соседей. Многие нойоны начали смотреть на его ратные труды с подозрением – кажется, учуяли, куда дело клонится.

«Может быть, состоялся курилтай и тебя избрали ханом? А?» – с нескрываемой злобой спросил однажды Таргутай-Кирилтух; его щекастое лицо в ту минуту было похоже на морду кабана, готового пустить в ход смертоносные клыки.

Это было вскоре после его первого набега на татар. Он стал готовиться отвоевывать ханство для своего побратима Тогорила и нуждался в воинах. Набрать людей было делом пустяковым. После удачного похода на татар не было отбоя от молодых парней, готовых идти за ним, добывать мечом то, чего они не могли или не умели достигнуть мирным трудом. Но чтобы стать воином, нужно не только желание. Под седлом должен быть быстрый конь, в руках хорошее оружие, а в седельных сумах изрядный запас хурута. Парни в большинстве своем ничего этого не имели, а нойоны скупились, не давали ни коней, ни оружия. Он созвал их для разговора.

«Это дело общее для всех нас. А раз так, давайте условимся – каждый курень выделяет не менее сотни воинов со всем необходимым».

Вот тогда-то Таргутай-Кирилтух и сказал те самые слова. Все нойоны молчаливо одобрили выпад Таргутай-Кирилтуха. Где хитростью, где лестью, а где и угрозой он добился своего. Нойоны, впрочем, не хуже, чем он, понимали, что восстановить власть Тогорила – значит обезопасить южные пределы своего улуса, обрести могущественного друга в борьбе с татарами и меркитами. Но им очень не хотелось, чтобы все это дело оставалось в руках Есугея, его стремительное возвышение таило угрозу их своевластию. Они бы, пожалуй, даже были рады, потерпи он поражение. Но внезапным ударом выбив Эрхэ-Хара из богатой ханской юрты, он помог Тогорилу утвердить власть над кочевьями кэрэитов.

Тогорил оказался верным побратимом. Вместе с ним крепко потрепали меркитов, кривошеему Тохто-беки пришлось бежать вниз по Селенге, чуть ли не до Баргуджин-Токума. Затем снова ходили на татар, и те запросили мира.

Теперь куреням тайчиутов не угрожают набеги. Нойоны сейчас уже не осмеливаются говорить ему в лицо дерзости, как некогда Таргутай-Кирилтух, но и не упускают случая напомнить, что он не хан, прав у него не больше, чем у любого из них. Так оно и есть. И это ему сильно мешает. Он было замыслил вместе с Тогорилом поход на земли Алтан-хана китайского. Надо же когда-то отомстить за смерть Амбахай-хана; кроме того, Китай – богатая страна, там можно добыть и ткани, и фарфор, и оружие. Можно, но нойоны уперлись. А причина все та же – не хотят его возвышения, боятся, что даже и без курилтая он станет ханом. Что ж, в догадливости им не откажешь…

Конь Есугея устал. Он все чаще переходил с рыси на шаг. Село солнце, и сумерки быстро опускались на землю. Немного в стороне от своего пути Есугей увидел огонь и повернул к нему. Хорошо, если это тайчиуты. У кого-нибудь из них, наверное, есть заводная лошадь, он завтра возьмет ее и быстро домчится домой.

У огня было человек двадцать. Они жарили мясо хулана[19], убитого, видимо, недавно, – его сырая шкура была растянута тут же на траве. Охотники, стало быть. Но из какого племени? Он вгляделся в лица, в одежду – татары! С ними заключен мир, и вряд ли они посмеют нарушить его. И все же лучше бы не встречаться. Но теперь поздно думать об этом. Одна надежда, что они его не узнают.

[19] *Хулан* – дикий осел.

Татары раздвинулись, давая ему место возле огня, налили кумыса, дали кусок жареного мяса. Они ни о чем не спрашивали. Он был их гость, и не в обычае степняков лезть к гостю с расспросами; если нужно, сам расскажет, кто он и откуда.

– Удачной ли была охота? – поинтересовался Есугей.

– Не очень.

– Я вот тоже еду посмотреть, где держится дичь, – сказал Есугей.

Им ни к чему знать, где он был и куда он едет. Они могут принять его за хунгирата или онгута.

После ужина он сразу же лег спать. Татары еще долго сидели у огня, о чем-то тихо разговаривая, один раз ему послышалось слово «рыжий», – значит, говорят о нем, и, вполне возможно, они его узнали.

Утром, когда он проснулся, все татары уже снова сидели у огня. Старший из них, церемонно кланяясь, поднес чашу кумыса. И пока он пил, все смотрели на него с плохо скрытым любопытством. Сомневаться не приходилось – они его узнали. И узнали, и, кажется, что-то замыслили. Седлая лошадь, он затылком чувствовал их взгляды. Если они хотят его убить, сейчас самый подходящий момент: стрела в спину – и все. Затянув подпруги, вскочил на коня. Теперь уже легче. Но татары стоят и, по всему видно, не собираются нападать. Он попрощался, поехал. Сейчас тоже очень удобно выстрелить в спину, его так и подмывало броситься отсюда вскачь, но он не хотел показать своего страха, ехал шагом, не оглядывался. Расстояние между ним и татарами все увеличивалось, теперь он для стрелы недосягаем, теперь можно и подхлестнуть лошадь. Как же это они его упустили? Может быть, не узнали…

Скорей домой! Отдохнувший конь идет ходкой рысью, встречный ветер пробирается под одежду, и холодок пробегает по телу. Что-то больно уж холодный ветер. Осень только началась, еще не засохли травы, и не отцвели цветы, да и солнце светит ярко, а холодно. Есугей плотнее запахнул полы халата, крепче затянул пояс. Может быть, ему нездоровится? С чего бы это? После ранения он ни разу не болел, а ведь приходилось и мокнуть под дождем, и спать на мерзлой земле, и под тонкой палаткой сутками пережидать снежную бурю.

Вскоре он уже определенно знал – заболел. Тело покрыла холодная испарина, к горлу подступила тошнота, в желудке поселился огонь. Вспомнил чашу кумыса, поданную татарином. Вот почему они не убили его стрелой.

Домой добрался, теряя сознание. Как в тумане расплылись лица Оэлун, Чарха-Эбугена, Мунлика, его мальчиков – Джучи-Хасара, Хачиуна, Бэлгутэя, Тэмугэ.

– Меня отравили татары, – сказал он, и каждое слово давалось ему с трудом. – Я умираю.

Чарха-Эбуген поил его горьким отваром трав, но легче от этого не становилось. Внутри горело, ему даже казалось, что он чувствует, как там все чернеет и обугливается от невыносимого жара.

– Мунлик, скачи за Тэмуджином!

Потом его начало рвать густой, спекшейся кровью. После рвоты стало легче, но все равно он чувствовал, что уже не встанет на ноги, быстрый конь не понесет его по степному раздолью.

– Оэлун. – Жена наклонилась над ним. Он взял ее за руки. – Береги детей, Оэлун. Я оставляю вас, ничего не успев сделать. Где Тэмуджин?

– Мунлик уехал за ним.

– Оэлун… – Ему хотелось сказать ей, как он торопился увидеть ее, но силы иссякли, голова закружилась, и он поплыл куда-то, мягко покачиваясь, под нарастающий звон серебряных колокольчиков.

Он умер, не дождавшись Тэмуджина, не приходя в сознание.

Часть вторая

I

– Гей, гей! – Взметнув снежную пыль, Тэмуджин скатился с берега Онона.

Ветер слизал с реки снег, и ровное голубоватое поле льда, изрезанное белыми прожилками трещин, блестело в лучах негреющего солнца. На льду уже играли в бабки Хучар, двоюродный брат Тэмуджина, и Джамуха, сын нойона племени джаджират.

– Эй, Хучар, сегодня ты не выиграешь! – Тэмуджин достал из рукавицы новую биту – большую, тяжелую бабку. – Смотри!

Взвесив на руке биту-бабку и осмотрев ее плоско стесанное (для лучшей устойчивости) брюхо, Хучар равнодушно проговорил:

– Моя лучше.

– Конь познается в беге, – сказал Джамуха, поправляя рысью шапку с блестками инея на сером меху.

– Помалкивай! – грубовато осадил его Хучар. – Ты с любой битой проиграешь.

Хучар всегда выигрывал и у Джамухи, и у Тэмуджина, потому был с ними высокомерен. За это оба его недолюбливали и страстно желали выиграть когда-нибудь все бабки, какие он успел накопить. Джамуха на всякие выдумки ловок, но, может быть, обойдется и без его хитростей. Если бита получилась такой же, как у Хучара, не надо ничего придумывать, можно выиграть и так.

– Ну, начали? – Тэмуджину не терпелось испробовать биту, и он поставил бабки в круг, вычерченный ножом на льду.

Первым бил Джамуха. Он долго целился, щуря глаза с длинными, загнутыми вверх, как у девушки, ресницами. Бросок получился слишком слабым. Бита, прискакивая, шла по льду, на глазах теряя скорость, в круг она еле вползла. Джамуха, неловко улыбаясь, полез за пазуху доставать проигранную бабку.

Настала очередь Тэмуджина. Он сбросил овчинные рукавички, потер руки, прошептал: «Мать-земля, вечное небо, помогите мне!» Бита заскользила по льду и кувырком ушла в сторону. Тэмуджин, не скрывая досады, зло пнул биту носком гутула.

Хучар кинул свою биту, почти не целясь. Большую часть расстояния она пролетела по воздуху, плавно опустилась на лед и, быстро вращаясь, врезалась в ряды бабок. Сухо щелкая, они разлетелись, три штуки оказались за чертой – выигрыш Хучара. Ну что за бита, что за рука у этого Хучара!

Пока Хучар собирал выигрыш, Джамуха вынул нож, присел над его битой, одним ударом отвалил от брюха бабки клин кости, подмигнул Тэмуджину. Так вот, значит, что он придумал. Ну и ловок, ну и хитер!

– Там была трещина, – прошептал Джамуха. – Я давно приметил.

Хучар ни о чем не догадался. Бросил биту так же, как и в первый раз, но она пошла кувырком. Но и после этого он ничего не понял. Только после третьего промаха заметил, что бита не в порядке.

– Почему она сломалась? – недоумевал он.

– Лед крепкий, как железо, – охотно пояснил Джамуха. – А бита старая, и кость у нее слабая, как дерево осины.

– Без тебя знаю, что старая. Этой битой еще мой дед играл. Пойдемте домой.

– Вот хитрый какой! – возмутился Джамуха. – Раз начали, надо играть!

Тэмуджину было неловко оттого, что они обманывают брата. Хотел было заступиться за Хучара, но вспомнил, как тот уходил отсюда с пазухой, вздувшейся от выигранных бабок, гордый и недоступный. Ни разу у него не хватило ума по-братски поделиться выигрышем.

– Ну уж нет, Хучар, ты будешь играть! – поддержал Тэмуджин Джамуху.

– Не распоряжайся! – отмахнулся Хучар. – У кого хочешь спроси: бита сломалась – игра пропала.

– Чего спрашивать? Своей головы нет? – Но тут Тэмуджин увидел Кокэчу, сына Мунлика. Этот парень все рассудит как надо. – Если уж так хочешь, давай спросим. Эй, Кокэчу! Иди сюда!

Кокэчу шел из-за реки, нес на плече пучок тальниковых прутьев. Он повернул к ним без особой охоты, спросил у Тэмуджина:

– Чего надо?

– Нам надо разобраться… – начал было Тэмуджин.

Его перебил Хучар:

– Нашли у кого спрашивать! Он же сроду не играл!

– Зато он скоро будет шаманом. Он уже умеет говорить с духами. Правда, Кокэчу?

Кокэчу спокойно кивнул головой. У него было узкое лицо с острым носом, над верхней губой чуть заметно темнели усики; со всеми и всегда он держался ровно, говорил с мягкой, вроде бы застенчивой улыбкой, но при этом мог сказать в глаза человеку такие слова, произнести которые не всякий решился бы и в сильном гневе; с мягкой улыбкой не вязался и пристальный, изучающий взгляд угольно-черных глаз, всегда устремленных прямо на собеседника.

– Так что вы не поделили, нойончики?

Хучара такое обращение обидело.

– Мы будем нойонами! А вот из тебя шаман получится или нет, еще неизвестно. И ты не смеешь так говорить!

– Кто кем будет, ведомо лишь Небу. – Кокэчу улыбнулся. – Только пустоголовый жеребенок может заранее воображать себя быстрым скакуном. А вдруг из него получится самая захудалая кляча? Может так быть, Хучар?

– Не может! – боднул упрямо головой Хучар. – Язык у тебя длинный.

– А у тебя ум короткий. Выходит, оба мы с пороком. Мало ты знаешь, еще меньше понимаешь, Хучар, а раздуваешься, как жаба в ненастье.

– Я знаю все, что мне надо! – кипел Хучар. – Иди отсюда.

– Почему бурундук полосатый, знаешь?

– Иди, иди отсюда.

– Не знаешь? Ну а ты, Джамуха? И ты не знаешь, Тэмуджин? Ты знаешь. Расскажи.

Тэмуджин и в самом деле знал. Дед Кокэчу, Чарха-Эбуген, давно-давно, еще когда был жив отец, рассказывал, как дружили маленький бурундук и большой медведь. Бурундук всегда угощал чем-нибудь медведя. Однажды он насобирал много кедровых орехов. Медведь наелся досыта и, довольный, захотел поблагодарить своего друга, приласкать его. Провел лапой по спине. Бурундук остался жив, но с тех пор шкура у него полосатая. Кокэчу не мог знать, что он слышал эту сказку. Как же он догадался?

– Рассказывай, Тэмуджин, – поторопил Кокэчу.

– Откуда ты взял, что я знаю?

– Орел, парящий в небе, видит больше, чем жук, ползающий в траве, – с веселым смешком сказал Кокэчу. – Так что́ вы не поделили?

Джамуха торопливо рассказал о споре. Кокэчу взял у Хучара биту, внимательно осмотрел скол кости, поцарапал ее ногтем.

– Не хочешь играть? – спросил Хучара.

Разозленный Хучар, как видно, решил во всем идти против Кокэчу.

– Я буду играть! А тебе здесь делать нечего.

– Глупую корову сосут чужие телята – кто в этом виноват? Сама корова, Хучар! – Кокэчу закинул на плечо пучок прутьев, пошел, скользя подошвами гутул по гладкому льду.

– Нахальный и бесстыдный! – сказал Хучар. – Надо было его поколотить.

– Шаманов бить нельзя, – заметил Джамуха. – Его побьешь, а он на тебя напустит злых духов. Ты, Хучар, зря спорил. Ты так метко бьешь, что не только битой, простым камнем нас обыграешь.

– Это верно, – не стал скромничать Хучар. – Давайте…

Они его, конечно, обыграли. Правда, с большим трудом. Хучар под конец приспособился и к искалеченной бите.

Домой возвращались поздно вечером. С заходом солнца мороз усилился, он больно покусывал нос и щеки. Потрескивал, лопаясь, лед, звучно хрустел под ногами сухой снег, на бледном небе висели холодные колючки звезд. Проигравший Хучар мрачно шагал впереди, он повернул к своей юрте, забыв даже распрощаться. Тэмуджин и Джамуха понимающе глянули друг на друга, рассмеялись.

Ночевали они у Тэмуджина. Мать поставила перед ними корытце с большими кусками мяса. От него валил пар. В юрте жарко пылал очаг. От вкусной еды, от тепла, от удачной игры Тэмуджина распирала радость. Обгрызая кость, он искоса поглядывал на Джамуху, посмеивался:

– Ну и хитрый ты!

Джамуха тоже смеялся, на полных щеках играли две ямочки.

– Иначе с ним ничего не сделаешь.

– Простым камнем обыграешь… Ловко! А он, дурак, обрадовался. Ты молодец, Джамуха! Если мы с тобой всегда будем дружить, нас никто ни в чем не осилит. Слышал про моего отца? Когда он побратался с ханом кэрэитов, ни один враг не мог их победить.

– Хан кэрэитов – анда твоего отца? – спросил Джамуха.

– Да. Они обменялись поясами и поклялись, что если у них будет и один конь – на двоих, одно одеяло – на двоих. Вот какая это была клятва!

– А нам можно стать андами?

– Когда вырастем большими, мы станем андами.

– Нет, а сейчас? Можно же и сейчас, Тэмуджин.

– Надо бы спросить у стариков. – Тэмуджин задумался. – Можно и без спросу. Но чтобы это была настоящая клятва, на крови. Согласен?

– На крови? – У Джамухи округлились глаза. – Я согласен, но… Как это сделаем?

– А вот так… – Тэмуджин взял нож, провел лезвием по пальцу – в разрезе показалась ярко-красная, быстро набухающая капля. – Теперь ты.

Две капли крови упали на дно чаши, слились в одно пятно. Тэмуджин разбавил кровь молоком, подал Джамухе:

– Пей. Пусть у нас будет одна душа, одна радость, одна забота.

Джамуха повторил слова клятвы, добавил:

– До конца жизни!

– До конца, – отозвался Тэмуджин.

Они, передавая друг другу чашу, выпили все до дна.

Мать и Хоахчин сидели у огня, выделывали шкурки тарбаганов и о чем-то тихо разговаривали. На матери была низкая, вдовья шапка, но и в этом горестном наряде она была красива. Тэмуджину всегда казалось, что ни у кого нет такой умной, хорошей и красивой матери, как у него. Только в последнее время она что-то очень уж часто бывает хмурой. Скорей бы вырасти, стать большим и сильным, таким же, каким был отец. Все говорят, что он очень похож на отца. Такие же серые глаза и рыжие волосы. Младшие братишки на отца не похожи. Джучи-Хасар

тонкий, гибкий, резкий в движениях. Бэлгутэй неповоротливый, медлительный. Хачиун малорослый, но крепкий. Тэмугэ еще совсем малыш, пухленький, с толстой веселой мордашкой. И все четверо одинаково черны, только у Джучи-Хасара волосы чуть посветлее, чем у остальных.

– Тэмуджин-анда, завтра я тебе подарю стрелу – йори. Ты бы слышал, как она свистит! Свистулька сделана из склеенных рогов бычков-двухлеток. Самая лучшая у меня стрела! – Девичьи глаза Джамухи мерцали, отражая огонь очага. – Я буду тебе всегда дарить все самое лучшее.

– И я тоже. Возьми мою биту.

Доброе чувство к Джамухе омыло душу Тэмуджина. Он понял вдруг, что не в шутку, а всерьез и навсегда Джамуха становится его братом, таким же, как Джучи-Хасар, Бэлгутэй, Хачиун, Тэмугэ.

II

Предчувствие беды томило душу Оэлун. Она не знала, когда и откуда придет худое, но была уверена – придет. Решетчатые стены – опора юрты, мужчина – опора семьи. Как ей, безмужней, уберечь малых ребят от невзгод, как сохранить добытое Есугеем, не обездолить сирот! Кто ей поможет? Люди быстро, слишком быстро стали забывать то, что сделал для них Есугей.

В прежние годы знатные женщины тайчиутского племени, отправляясь в землю предков совершать жертвоприношения, не объезжали ее юрту. В эту весну она напрасно потеряла полдня в ожидании. Никто не заехал. Поскакала в сопровождении верной Хоахчин. Как ни гнала коня, опоздала. Жертвенный огонь догорал, жертвенное мясо было уже съедено, жертвенное вино выпито, и женщины собирались возвращаться домой. Обида опалила душу Оэлун. Сородичи не желают напоминать предкам о ее детях-сиротах. О Небо, вразуми жестокосердных! Не слезая с коня, с гневным укором она спросила у Орбай и Сохатай, вдов Амбахай-хана:

– Почему вы заставили меня пропустить жертвоприношение предкам? Не потому ли, что Есугей-багатур умер, а дети его и вырасти не смогут?

Орбай и Сохатай будто и не слышали ее слов, смотрели мимо. А их ли не чтил Есугей-багатур, их ли не одаривал добром, добытым в походах!

– Эх, вы! – Голос Оэлун дрогнул. – Вижу: вы можете есть на глазах у других, ни с кем не делясь, можете откочевать тайком, никому ничего не сказав.

Старшая из вдов, Орбай, рассердилась:

– Вы только послушайте, нас оговаривает даже Оэлун. Смотрите, как возгордилась! Ты заслуживаешь того, чтобы тебя не звали, а позвав, ничего не дали. И надо откочевать от тебя, поживешь одна – поумнеешь.

Оэлун круто повернула лошадь. За ней скакала Хоахчин, горестно и жалобно тянула:

– Ой-ё, какие люди!.. Ой-ё…

В начале лета тайчиуты ежегодно устраивали три мужских состязания: борьбу, стрельбу из лука, скачки. На них съезжались с ближних и дальних кочевий. После состязаний пировали, чествуя победителей, выменивали лошадей. За хорошего скакуна можно было получить косяк кобылиц или новую юрту.

После смерти Есугея Оэлун ни разу не была ни на каких празднествах. Не собиралась и в этот раз, но Тэмуджин объездил первого в своей жизни скакуна и ему хотелось испытать его резвость на скачках. Может быть, отпустить Тэмуджина одного? Но в последнее время она стала бояться за своего старшего сына. Уедет он куда-нибудь, а у нее сердце не на месте, что бы ни делала, прислушивается, ждет, когда у юрты застучат копыта его коня и раздастся веселое, бесшабашное «гей, гей». Тэмуджин еще мальчик, безрассудный и неопытный, а в жизни так

много опасностей. Они подстерегают человека и в падях Хэнтэя, и в степных урочищах. И в самом курене немало недобрых, завистливых и злых людей. Сейчас, когда нет Есугея и защитить их некому, они опаснее и дикого зверя, и вьюги, и стужи. Давно ли кланялись ей, едва завидев, давно ли с утра до вечера роем мух жужжали возле ее юрты, а сейчас она все чаще ловит на себе косые, недобрые взгляды. Даже нукеры Есугея и то избегают встречи с ней. Что ж, она не воин, с ней в поход не пойдут, добычи не привезут, потому один по одному перебегают к другим нойонам, но ведь можно же уйти не тайком, а по-доброму, разве же она стала бы их держать! Идите. Вот подрастет Тэмуджин – у него будут свои нукеры.

А пока… Тэмуджин еще мальчик. Его могут легко обмануть-опутать, втянуть в худое дело, могут искалечить или даже убить. Все это ей, возможно, только кажется. После ссоры со вдовами Амбахай-хана сын Мунлика гадал на внутренностях барана. Тэмуджин, сказал он, будет славен и богат не меньше, чем его отец. Прорицание шамана не успокоило ее: хорошо бы все богатство, приобретенное Есугеем, целым и сохранным передать в руки Тэмуджина, когда он станет взрослым. Богатому жить легче. Но ведь беды случаются с богатыми так же, как и с бедными… Ни стада, ни нукеры, ни громкая слава не оградили Есугея от гибели.

Готовясь к скачкам, она сшила сыну халат из яркой красной ткани, украсила его серебряными пуговицами с платья Есугея, сделала пояс с кистями. В новой одежде, с туго заплетенными косичками на висках, Тэмуджин стягивал к переносью широкие брови, чтобы скрыть счастливую улыбку: он же не маленький так радоваться обнове! Она вспомнила свое детство, и ей стало грустно. Там, на ее родине, и дети, и взрослые не скрывали своих радостей.

Тэмуджин ехал на старом мерине, скакуна, чтобы не утомлять, оседлывать не стал. Гнедой беломордый жеребчик с тонкими и стройными, как у изюбра, ногами был привязан сбоку. Он натягивал повод, норовя забежать вперед, выгибал шею и встряхивал гривой, под лоснящейся, с шелковистым блеском кожей перекатывались плотные мышцы. Оэлун подумала, что скакун и его хозяин чем-то похожи друг на друга.

Состязания проводились на берегу Керулена. Вдоль берега реки тянулась широкая луговина, ровная, покрытая мягкой зеленью. Многие приехали сюда еще вчера на повозках с юртами, в кибитках, с ребятишками, слугами, и скопище телег, людей, лошадей напоминало издали растревоженный набегом курень.

Мерно рокотали басистые барабаны, пели струны хуров, сердито бумкал бубен шамана, звенели голоса детей, громко переговаривались женщины, над чем-то безудержно хохотали мужчины, сбившись в кучу, – все звуки то сливались в единый празднично-возбужденный шум, то снова распадались, и тогда можно было даже различить отдельные слова, уловить обрывки фраз.

Тэмуджина и Оэлун встретил Джамуха. Он был в будничной, старенькой одежде, в рыжих от пыли гутулах, с правой руки свисала короткая плеть.

– О, какой ты красивый сегодня, анда! – с удивлением и скрытой завистью сказал он. – А я тут везде оббегал, тебя искал. Сколько же мы не виделись с тобой, анда?

– С самой весны. Как вы укочевали, так мы и не виделись.

– Ты почему не приезжаешь в гости? – спросила Оэлун.

– У меня умерла мать. – Джамуха закусил губу. – И отец болеет. Я приехал сюда один. Хочу посоветоваться с вами. Отец говорит, что ему долго не прожить. Я останусь сиротой. Он хочет, чтобы я уехал к хану кэрэитов. Отец с ним дружил…

– Зачем ты поедешь к хану? Ты живи у нас! Мама, разве он не может жить у нас? Он – мой анда!

Оэлун была по сердцу горячность Тэмуджина. И Джамуха был люб больше кого-либо из приятелей сына. Ей захотелось как-то помочь этому мальчику, подбодрить, приласкать его.

– Тэмуджин прав. Зачем тебе ехать к хану? Ты брат моему сыну, значит я твоя мать. Я буду заботиться о тебе так же, как о своих детях.

Джамуха покачал головой:

– Отец мне говорит, что, если он умрет, его место займут другие, оттеснят меня, оставят без людей, без скота. А если буду под высокой рукой хана, никто не посмеет помешать мне наследовать ему. Так говорит мой отец.

– Джамуха-анда, у нас есть нукеры моего отца, есть слуги, кони и оружие. Если будет нужно, мы не хуже хана поможем тебе. Так, мама?

Оэлун ничего не ответила сыну. Мальчик еще не знает, что его самого, возможно, ждет то же, что и Джамуху. А Тэмуджин, удивленный, даже, пожалуй, обиженный ее молчанием, упрямо ждал ответа. Но тут разом ударили барабаны, отовсюду понеслись крики:

– Борьба!

– Начинается борьба!

– Идите смотреть на борцов-багатуров!

Оэлун торопливо сказала:

– Потом поговорим. Идемте.

Бороться вышло не меньше сотни пар. Полуголые мужчины пошли друг на друга, пригнувшись, размахивая руками, как орлы перед взлетом. Схватка была стремительной и недолгой. Побежденные отошли в сторону, победители снова разделились на пары.

Толпа орала, свистела, с истоптанной поляны уходили побежденные, и все меньшее число борцов оспаривало право именоваться непобедимыми. Наконец на поляне осталось двое. Один – Бури-Бухэ, двоюродный брат Есугея, еще совсем молодой, поджарый, с тонкими, бугристыми плечами; второй, кажется, в годах, если судить по матерой фигуре, огромному животу и воловьей шее. Кто он, откуда – Оэлун не знала. Она не сомневалась, что победа достанется старшему. Рядом с ним, с этой необъятной тушей, Бури-Бухэ казался слабым, даже хрупким.

Борцы долго ходили друг возле друга, делая молниеносные броски вперед и тут же отступая. Толпа то замирала, то взрывалась криками. Борец постарше начал терять терпение и злиться. По его толстому распаренному лицу катился пот, глаза покраснели и сверкали, как у рассерженного быка. Он несколько раз сжимал в своих страшных объятиях Бури-Бухэ; казалось, еще одно усилие – и у того хрустнут позвонки, он сломается, будто сухая хворостина, но каждый раз Бури-Бухэ вывертывался и тут же переходил в нападение. И вдруг… Оэлун ничего не поняла, не уследила, как это случилось. Старший оказался на спине. Его необъятное брюхо, залитое потом, блестело на солнце.

Рев толпы слился с боем барабанов, и победитель пошел по кругу, размахивая руками-крыльями. Тэмуджин оглушительно орал под ухом Оэлун и топал ногами.

Потом началось главное для нее и Тэмуджина – скачки. Подошли Чарха-Эбуген и Мунлик. Старик потрепал лошадь по шее.

– Ты сегодня, Тэмуджин, победишь. Я смотрел лошадей. Ни у кого нет такого скакуна. Но будь внимательнее. Сначала придерживай коня, с умом расходуй его силы. Если хорошего скакуна верно выдержать и под конец дать волю, он пойдет стрелой, пущенной из тугого лука.

Всадники заехали так далеко, что слились в одну сплошную темную ленту, пересекшую всю луговину. Ребятишки, чтобы лучше видеть, взобрались на повозки, повисли на кустах тальника, росших у самого берега Керулена. Джамуха тоже залез на чью-то повозку, выкрикивал:

– Встали. Вот сейчас, сейчас… Пошел!

Оэлун и сама увидела, как дрогнула ровная линия всадников, изломалась и, стягиваясь в кучу, покатилась вперед. Послышалось слабое, но быстро нарастающее гудение земли. Всадники стремительно приближались. От мельканья разномастных лошадей у Оэлун зарябило в глазах – где уж тут увидишь Тэмуджина! Но тут на мгновение показался красный халат. Или это померещилось? Нет, вот он, то исчезнет за спинами, то показывается вновь – халат

ее сына, красный, как сарана-цветок. Перед сыном еще много всадников, но он понемногу выдвигается вперед.

– Тэмуджин обгоняет! – закричал Джамуха.

Перед ним уже не больше десяти всадников. Обошел еще двух, еще одного. Ну, сынок… Еще обошел… Он уже идет третьим или четвертым…

Пламенем промелькнул мимо халат Тэмуджина. Толпа подалась к наездникам, завертела Оэлун, оттерла от Джамухи, Чарха-Эбугена и Мунлика. Кругом были малознакомые люди, и ей не у кого было спросить, каким же пришел Тэмуджин. Впереди она увидела Хучу, пробралась к нему, потянула за рукав. Он обернулся и обрадовался так, что тут же попытался поклониться, но его толкали со всех сторон, и никакого поклона не вышло.

– Видел Тэмуджина?

– О хатун[20], я только на него и смотрел. Он пришел вторым. Цэ-цэ, какой молодец!

– Неужели вторым?

– Он еще будет первым!

«Ах, глупый ты, глупый, Хучу!» – хотелось сказать ей этому простодушному воину. И то, что он пришел вторым, для нее радость. И даже лучше, что пришел вторым. Если бы был первым, могло показаться, что все это случайный успех, недолговечный и хрупкий, как всякая случайность.

А Хучу, пользуясь молчанием Оэлун и редкой возможностью поговорить запросто с госпожой, болтал без умолку:

– Багатуром будет твой парень! Все время на него любуюсь. И на своего парня любуюсь. Он у меня тоже молодец молодцом. И здоровый, и крепкий. А с чего ему худым быть? Он вырос под вашим одеялом, он носил халаты Тэмуджина!

О чем бы ни говорил Хучу, не преминет напомнить, что его сын родился в одно время с Тэмуджином и светлоликая, добросердечная хатун, то есть она, Оэлун, подарила одеяло. Ох уж это одеяло! Она бы сто раз позабыла и про одеяло, и про Хучу, и про его сына, если бы не такие вот напоминания. Иногда она даже сердилась на него, ну а чаще, посмеявшись, совала ему что-нибудь из одежды Тэмуджина.

Вдруг Хучу спохватился:

– Э-э, надо же тебя провести к Тэмуджину. – Он одернул старенький, выгоревший на солнце, во многих местах залатанный халат, решительно двинулся вперед, раздвигая людей. – Дорогу госпоже Есугей-багатура! Дорогу! Дайте дорогу!

И люди, подчиняясь ему, расступались. Она ловила на себе то удивленные, то недоуменные, то насмешливые взгляды. Уж не рада была услужливому Хучу. Но зато он быстро провел ее к Тэмуджину. Сын, окруженный плотным кольцом мужчин, держал в поводу беломордого гнедка. Жеребчика гладили, щупали, восхищенно цокая языками, он вздрагивал от прикосновения чужих рук и с храпом пятился.

Увидев мать, Тэмуджин весь подался к ней, спросил:

– Ты видела, а? Видела? – Но, должно быть вспомнив, что мужчине не подобает быть хвастливым, притворно вздохнул: – Еще чуть-чуть, и я стал бы победителем.

– Для меня ты и так победитель.

– На таком коне много раз побеждать будешь! – сказал кто-то.

– Что и говорить! – подхватили его слова. – Не просто конь – хулэг![21]

Внезапно все замолчали, расступились. В круг вошел в сопровождении нукеров Таргутай-Кирилтух, взглянул на коня, и его угрюмый взгляд потеплел.

---

[20] *Хатун* – госпожа.

[21] *Хулэг* – конь-богатырь, богатырский конь.

– Я рад за тебя, сын Есугея, – сказал он Тэмуджину. – Пойдем, я поднесу тебе чашу кумысу.

Оэлун стояла рядом с сыном, но Таргутай-Кирилтух ее как бы не видел. И его невнимание было оскорбительным. Тэмуджин, кажется, понял это, повернулся к ней:

– Пойдем, мама?

– А-а, твоя мать здесь. – Таргутай-Кирилтух чуть кивнул ей головой. – Ты еще, оказывается, мальчик и без матери шагу не делаешь.

Серо-зеленые глаза Тэмуджина потемнели, стали почти черными.

– Я пошутил, – буркнул Таргутай-Кирилтух. – Я приглашаю тебя вместе с матерью.

Шагая рядом с сыном, Оэлун с тревогой смотрела на широкую спину Таргутай-Кирилтуха, обтянутую блестящим шелком. Чего он хочет от ее сына? После смерти Есугея Таргутай-Кирилтух при помощи своих дружков Сача-беки и Алтана прибрал к рукам власть над улусом тайчиутов. Ее он пока не осмеливался трогать. Но Оэлун подозревала, что злыми устами старшей вдовы Амбахай-хана говорил этот угрюмый нойон. Что может сделать с нею, с ее детьми Таргутай-Кирилтух?

Он привел их к крытой повозке. В ее тени на траве был разостлан войлок. Таргутай-Кирилтух сел, вытер ладонью вспотевшую шею, что-то сказал слугам.

Тэмуджин все вертел головой, разыскивал в толпе Джамуху. Увидев его, отдал повод матери, убежал. Вернулся вместе с ним.

Слуги вытащили из повозки бурдюк с кумысом. Баурчи наполнил чаши, одну подал Оэлун, вторую Тэмуджину. Джамуху он обошел.

– Это мой анда, – сказал Тэмуджин.

Баурчи вопросительно посмотрел на Таргутай-Кирилтуха.

– Налей, – приказал Таргутай-Кирилтух. – У тебя много побратимов, сын Есугея?

– Пока один.

– А друзья есть? Хочешь дружить со мной?

Тэмуджин улыбнулся:

– Бурундук дружил с медведем и стал полосатым.

Подняв чашу, Таргутай-Кирилтух сделал маленький глоток кумыса. На полной верхней губе осталась белая полоска.

– А кто из нас бурундук?

– Не знаю, – Тэмуджин все еще улыбался, – но я не хочу быть бурундуком.

– Вижу. – Тяжелый взгляд Таргутай-Кирилтуха уперся в Тэмуджина. – Дружбу принято скреплять подарками. Я дарю тебе седло. Вон то. Оно серебряное.

Седло лежало в передке повозки. Это было обычное седло. Его луки обтягивали медные пластинки, на передней блестели три небольшие серебряные звездочки, выглядевшие лишними, ненужными.

– Хорошее седло, – сказал Тэмуджин. – Но я его не могу принять. Мне нечем ответить на подарок.

– А конь? Конечно, твой гнедой не так хорош, как тебе кажется. Но я в обиде не буду.

Оэлун ловила каждое слово Таргутай-Кирилтуха, пытаясь понять, чего же он хочет. Не может быть, что все это только для того, чтобы выманить у Тэмуджина жеребчика. Но и жеребчика она ему не отдаст!

– Этот конь не принадлежит Тэмуджину, – сказала, стараясь быть спокойной. – Все, что осталось от Есугея, как тебе известно, унаследовала я. Станет мой сын большим, он получит свою долю и уж тогда, если захочет, подарит тебе коня.

– Не люблю, когда в дела мужчин влезает женщина! – Таргутай-Кирилтух поднялся. – Но если ты влезла, знай: я давал Есугею десятки лошадей. Где они? Почему ты присвоила себе

право распоряжаться стадами и табунами, ты, которую привезли сюда в изодранном халате? Нукеры, заберите коня!

Нукеры подошли к ним. Тэмуджин хотел вскочить на коня, его грубо отпихнули. Он выхватил нож. Нукеры стиснули ему руки. Джамуха бесстрашно кинулся на выручку побратиму, но и его схватили нукеры.

– Я тебе выпущу кишки! – кричал Тэмуджин Таргутай-Кирилтуху, пинал ногами нукеров, лицо без кровинки, глаза темны от бешенства.

– А волчонок-то показывает зубы! – насмешливо ухмыльнулся Таргутай-Кирилтух.

Один из нукеров вырвал повод из рук Оэлун и увел жеребчика.

– Отпусти ребят! – крикнула она Таргутай-Кирилтуху. – И запомни, жирный кабан, ты дорого заплатишь за это! – Она оттолкнула нукеров от Тэмуджина и Джамухи. – Пошли.

– Я его убью! Я его все равно убью! – Тэмуджин обернулся, погрозил кулаком.

Нукеры захохотали.

Люди делали вид, что ничего не случилось, хотя все это произошло на их глазах. Хучу плелся за ними, несчастный, пришибленный, охал, бормотал:

– Ох, худо будет! Такого врага нажила! Всем нам худо будет.

– Ничего, Хучу, ничего, – сказала она, – худо не будет.

А сама своим словам не верила. Не зря ее сердце чуяло приближение беды.

Они сразу же поехали домой. Джамуха, проводив их в степь, возвратился обратно. Прощаясь, Оэлун сказала:

– Уходи к Тогорилу. Как знать, не пришлось бы и нам искать у него защиты.

Ехали молча. Тэмуджин о чем-то думал, покусывая ногти. Он все еще был бледен. Внезапно натянул поводья, спросил:

– Как же это, а, мама?

В его лице, в округленных глазах было столько горестного удивления, что она почувствовала себя бессильной что-либо объяснить ему или как-то успокоить его.

А дома ждала нерадостная весть: откочевал Некун-тайджи. Он велел ей передать, что слабое здоровье вынуждает его искать тишины и уединения, потому отныне будет кочевать своим куренем.

Здоровье у Некун-тайджи слабое, это верно. Но болезнь ли заставляет его искать уединения? Раньше бежали нукеры, теперь побегут родичи, нойоны – Некун-тайджи показал дорогу. Нужно будет поговорить с Даритай-отчигином. Что думает обо всем хранитель домашнего очага? Что намерен делать?

Говорить с ним не хотелось. Застарелая неприязнь к нему стала еще сильнее. После смерти Есугея он настаивал, чтобы Оэлун стала его женой, как велит обычай. При одной лишь мысли, что с ним придется делить брачное ложе, у нее переворачивалось все внутри. Ей помог Кокэчу. Шаману открылось видение: Небо берет под свое покровительство детей Есугея, их воспитывать должна мать, никто более, бесславная гибель ждет неразумного, если он дерзнет нарушить волю Неба.

Она догадывалась, что видение явилось молодому шаману не без помощи его отца Мунлика, но, как бы то ни было, оно оградило ее от злословия людей, умерило пыл Даритай-отчигина. Однако Даритай сказал: «Воля Неба не бывает неизменной. Я подожду». И ждет. Он надеется, что рано или поздно Оэлун принуждена будет искать его помощи. Сейчас Отчигин, наверное, порадуется ее ссоре с Таргутай-Кирилтухом.

Однако Даритай-отчигин не радовался. Правда, как всегда, щурил в улыбке глаза, но она видела – ему не по себе, он встревожен, напуган. Спросила напрямую:

– Ты что-то скрываешь?

– Перед тобой я открыт, как юрта в летний день! – Он привычно рассыпал смешок, но тут же потускнел. – Зачем рассердила Таргутай-Кирилтуха?

– Я рассердила? – удивилась Оэлун. – Он забрал скакуна Тэмуджина, грабитель он, разбойник! Я его рассердила!

– Нашла о чем говорить – о скакуне! Ему нужно все, что осталось от Есугея. И не тебе, женщина, искать ссоры с ним!

– А вы, братья Есугея, разве не мужчины? Разве судьба его детей вам безразлична?

– И у мужчины голова одна-единственная. Кто встанет на пути Таргутай-Кирилтуха, тому не жить.

– Но ни я, ни мои дети не стоим на его пути.

– А люди, стада, табуны Есугея? Он не будет спать спокойно, пока ты владеешь богатством, собранным моим братом.

– Ему нужны табуны, тебе – я, – с горечью проговорила Оэлун.

– Зачем злословишь? Уж сейчас-то могла бы и помолчать.

– Как молчите вы? Ваш род грабят, обижают, унижают, а вы и рот раскрыть боитесь? Все вместе не сто́ите и ногтя Есугея.

– Не надо так, Оэлун! – попросил он, и в его голосе прозвучала настоящая, неподдельная боль. – Что я могу сделать? Что?

– Я ничего и не прошу.

– Ты слишком гордая… Будь разумной, Оэлун. Стань моей женой. Мы отступимся от владений Есугея… Потом будет видно…

– Ты забыл о предостережении шамана?

Даритай-отчигин с отчаянием махнул маленькой рукой:

– Пусть пропадет моя голова!

Его решимость рассмешила Оэлун. Губы Даритай-отчигина дернулись, он сгорбился и отвернулся.

– Я не хотела обидеть тебя, – сказала она. – Но ты же знаешь, я никогда не стану твоей женой.

Вскоре после этого Даритай-отчигин откочевал из куреня. Она не осуждала его. Что он мог сделать? Не ему бороться с Таргутай-Кирилтухом.

Со страхом думала о будущем. Рядом все меньше и меньше верных людей… Скоро одна останется. И помощи ждать неоткуда. Что за жизнь! И ханы, и нойоны, и простые харачу не могут оградить себя от вражды, от людской злобы, зависти…

III

Юрта Хучу одиноко стояла на обдуваемой ветрами возвышенности. Войлок порыжел от дождей, ветров и солнца, наверху, у дымового отверстия, он был черным от сажи. Каждый раз, подъезжая к своему жилищу, Хучу думал, что войлок давно пора сменить. Еще несколько перекочевок, и он развалится, расползется на куски. Шерсти Булган насобирала лишь на половину войлока. А уже не один год собирает. Можно было бы, когда стригут овец госпожи, кое-что утаить для себя, да очень уж неловко обманывать. Хучу – честный человек. Булган тоже честная. А Оэлун – хорошая госпожа. Они пасут, стригут, доят ее овец. Работа легкая. А молока пей сколько влезет, сыру ешь сколько хочешь. Хатун не запрещает. Она и шерсти на войлок даст, если попросить. Но как сейчас просить, когда госпоже и без того худо… Ничего, юрта еще постоит. Юрта не главное. Вот сын заболел, это очень плохо.

У юрты Хучу поджидала Булган.

– Ну что? – нетерпеливо спросила она.

– Я говорил с шаманом. Он придет.

– А с каким шаманом договорился? – Булган расседлала лошадь, рукавом вытерла ее потную спину.

– Кокэчу приедет.

– Мог бы позвать кого-нибудь постарше.

– Постарше запросит барана. У тебя их много?

– Ты что это говоришь-то! Ему жалко отдать барана! А сына ему не жалко!

Сына Хучу, конечно, жалко. Но и барана отдавать не хочется. У него собственных восемь овец. Это не так уж плохо. Раньше совсем не было. Но восемь не восемьсот, даже не восемьдесят.

– Ты, Булган, не знаешь Кокэчу. Он хороший шаман. Все так говорят. У него теперь и имя другое – Теб-тэнгри. На своем белом коне, говорят, он каждую ночь поднимается на небо. Кокэчу вылечит нашего Тайчу-Кури, вот увидишь! Как он, наш парень?

– Спит. Когда шаман приедет?

– Сегодня. Я, пожалуй, пойду к обо. Мы давно не приносили жертву духу этой местности. Еще рассердится.

Булган принесла из юрты кусочек сыру.

– Ты бы сперва поел.

– Кто же сначала ест сам, а потом кормит духов? Скажешь тоже!

– Какие новости в курене?

– Хороших нету. У хатун людей осталось совсем мало. Кто остается, тех Таргутай-Кирилтух грозится разорить.

– Ну, это нас не касается.

– Еще неизвестно. Так я пошел.

Хучу спустился в ложбину, пересек ее и поднялся на невысокую сопку.

За сопкой была тоже степь, неровная, похожая на измятый войлок, вдали, почти сливаясь с небом, синела гора Бурхан-Халдун. На сопке торчал кустиками жесткий и упругий, как волос конского хвоста, ковыль – хилгана, росла седая полынь – ая. Тут в незапамятные времена была сделана насыпь из земли и камней. Землю оплели корнями неприхотливые травы суходолов, камни позеленели от узорчатых лишаев. На вершине насыпи в землю были воткнуты меч и копье. Древко копья стало трухлявым, железный наконечник и лезвие меча – бурыми, корявыми от ржавчины. Хучу насобирал сухой полыни, развел на насыпи огонь. Полынь горела плохо, густой белый дым столбом поднимался в небо. Раскрошив сыр, Хучу бережно положил крошки на огонь, склонил голову. Он смиренно просил духа этой местности не сердиться на него, если иногда ненароком нарушает его покой; он будет жить тут, стараясь ни словом, ни делом, ни помыслом не осквернить эту землю; он хочет, чтобы здесь всегда росли высокие сочные травы, не иссякала вода в роднике. Поправив тлеющие стебли полыни, он обратился и к богине огня: «Галахан-эхэ, ты даруешь людям тепло и свет, счастье и богатство, разрушаешь зло, обессиливаешь коварство, очищаешь тело и душу человека, ты, воплощение чистоты, оберегай от несчастий меня, мою Булган и нашего Тайчу-Кури». Больше просить было вроде бы не о чем. Жизнь у него не так уж плоха. Когда начал служить у Есугея, не было даже своего коня. Теперь у него три коня и восемь овец. Со временем будет больше и овец, и коней. Только бы Небо покровительствовало его госпоже.

Снова поправив огонь, он помолился за Оэлун и пошел к своей юрте.

Кокэчу приехал вечером. Осмотрев Тайчу-Кури, бледного, с мокрыми от пота волосами, он достал из седельных сум бубен, расписанный изображениями луны и солнца, одеяние, увешанное погремушками, насыпал на горячие угли очага каких-то трав, и юрта наполнилась горько-ароматным дымом.

– А теперь уходите.

Он плотно закрыл за ними дверной полог. Вскоре из юрты послышались редкие глухие удары бубна и негромкий голос шамана. Хучу очень хотелось услышать, что говорит Кокэчу, он напрягал слух, но улавливал лишь обрывки фраз.

– Злой дух Элье… в обличье птицы являешься… летающий по воздуху… Болезнь и страдания…

Удары бубна становились все чаще и чаще, пока не слились в сплошной рокот, и шаман уже не говорил, а выкрикивал слова. От этого тревожного рокота, от хрипловатого голоса шамана Хучу стало жутковато. И вдруг все разом оборвалось Но шаман долго не открывал юрту. А когда вышел, его трудно было узнать. Огромные, с расширенными зрачками глаза лихорадочно блестели.

– Режь овцу. Черную с белым хвостом, – сказал он.

– У меня такой нет. В стаде Оэлун-хатун найдется и такая, и любая другая. Я поеду в курень, попрошу…

– Режь, тебе говорят! – нетерпеливо перебил шаман. – С Оэлун я сам поговорю.

Из овцы шаман выдрал горячую печень, наложил на правый, вздувшийся бок Тайчу-Кури. Мальчик испуганно следил за каждым движением шамана, но не стонал, не плакал. И Хучу с гордостью подумал: «Молодец! Крепкий…»

Спустя немного времени шаман снял печень и сжег ее на огне. Тайчу-Кури почти сразу же заснул. Он дышал глубоко и ровно.

От горелой печени шел запах жареного. Хучу поглядывал на мясо барана, розовое, с белыми прожилками жира, – неужели и это добро сожжет? Не утерпел, спросил:

– С мясом что будешь делать?

– Мясо вари. Будем ужинать.

– Булган, давай большой котел! – весело заорал Хучу. – Ты хороший шаман, Кокэчу!

– Я Теб-тэнгри, – устало поправил его шаман.

Он растянулся на траве, подложив под голову руки, смотрел на небо, весь отдаваясь покою. Над ним звенели комары, белая бабочка села на гутул, но тут же испуганно упорхнула, оставив на голенище пыльцу с крыльев.

– Тебе, однако, нелегко дается лечение, – посочувствовал Хучу. Подумав, добавил: – Хочешь, дам барана?

И вздохнул: все-таки барана отдавать было жалко.

– Для чего мне твой баран? Я живу как птица.

– Такое тяжелое дело – и даром! Нет, ты возьми барана! – Хучу обрадовал отказ Теб-тэнгри, и теперь он сам себе хотел казаться щедрым.

Теб-тэнгри повернул голову, снизу вверх посмотрел на Хучу:

– Почему бы тебе не отдать мне коня?

– Коня? – смешался Хучу.

– Ну да, коня. Я изгнал духов зла. Твой сын будет жить.

– Но у него не будет коня, если отдам.

– Не нужен мне твой конь, глупый ты человек! Понадобится – у таких, как ты, просить не стану.

Хучу успокоился. Нарезал мяса, опустил в котел, присел к огню. Предвкушение сытного ужина, скорое выздоровление сына сделали его благодушным, ему хотелось говорить о чем-то большом и значительном.

– Каких духов больше, злых или добрых? – спросил он.

– А каких людей больше?

Над этим он никогда не задумывался.

– Не знаю.

– Злых не так уж много. Но один злой человек может испортить жизнь сотне, тысяче хороших людей, – сказал Теб-тэнгри.

Хучу подумал о Таргутай-Кирилтухе. Этот, если захочет, любого сделает несчастным.

– Верно! – Хучу вздохнул. – Ох как верно говоришь, Теб-тэнгри. А как уберечь себя от злого человека?

– И злой дух, и злой человек признают одно – силу. Добычей коршуна становятся утята, а не синеперые селезни.

Ужинали в юрте. Теб-тэнгри ел мало. Хучу не понимал, как можно довольствоваться одним небольшим куском, когда мяса целый котел. Сам он ел не торопясь, чисто обгладывая кости, высасывая из них нежный мозг. С передышками, с разговорами он мог бы есть до полуночи. Однако ужин был неожиданно прерван. К юрте подскакали три всадника. Не слезая с коней, они потребовали, чтобы Хучу вышел к ним. Он остановился за порогом.

– Если добрые люди, заходите. Мой котел до краев наполнен мясом.

Они даже не поблагодарили за приглашение.

– Ты чей пастух?

– Я пасу овец вдовы Есугей-багатура.

– Утром снимайся и кочуй вниз по Онону. Ты теперь пастух Таргутай-Кирилтуха.

– А овцы?

– Вот безголовый! Все, что раньше принадлежало Есугею, мы забираем и возвращаем тем нойонам, которые давали ему воинов и коней.

– Да, но овец ему не давали, – сказал Хучу. – Он их пригнал из татарских нутугов.

– Поговори еще! – прикрикнул на Хучу один всадник.

– Дай ему! – посоветовал второй.

Третий молча хлестнул плетью по спине. Удар был не сильный, но, чтобы не получить еще одного, Хучу охнул и застонал. Из юрты выскочил Теб-тэнгри, негромко сказал:

– Прочь отсюда, вонючие росомахи!

Тот, что ударил Хучу, снова поднял плеть, но один из его товарищей отвел руку, предостерег:

– Это шаман!

– Вы чьи люди? – спросил Теб-тэнгри.

– Таргутай-Кирилтуха. Мы выполняем его повеление.

– Уезжайте.

Всадники поехали. Один из них обернулся:

– Мы завтра вернемся. Запомни, пастух, утром ты должен быть готов. За ослушание будешь бит!

Теб-тэнгри сразу же заседлал своего коня.

– Ты в курень? – спросил Хучу. – Я тоже поеду.

Глубокой ночью они прискакали в курень и разбудили Оэлун. Все, что рассказали, она приняла как будто спокойно, не испугалась, даже не удивилась.

– Позови отца и деда, – попросила она Теб-тэнгри. – А ты, Хучу, иди по юртам, подыми всех мужчин. Потом заседлай свежую лошадь и скачи по ближайшим айлам. К утру все мужчины должны быть здесь.

Остаток ночи Хучу мотался по степи. В курень он вернулся уже на восходе солнца. Возле юрты Оэлун толпились люди. Всем желающим выдавали оружие. Получил меч, копье, лук и Хучу. Люди тревожно переговаривались, гадали, что будет. Из юрты вышли Мунлик, Чарха-Эбуген, Оэлун. Все сели на коней. Оэлун оглядела разом притихших людей.

– Нукеры, воины и пастухи Есугея, – негромко сказала она, – вы храбро сражались против наших врагов. Теперь Есугея нет, и кому-то кажется, что мы беззащитны, что нас можно обижать, а достояние детей Есугея бессовестно расхищать. Мы не будем безропотны, не уподобимся стаду испуганных овец. Я сама буду сражаться рядом с вами… – Она повернулась к тугу – древку с тремя хвостами яков, поднятому Мунликом. – Знамя Есугея, ни разу не выпавшее из его рук, поможет нам отогнать бесчестных грабителей.

Из юрты с чашей в руке вышел Теб-тэнгри. Шепча молитву, он окропил туг. И сразу же поскакали. От бессонной ночи, усталости и утреннего холодка по спине Хучу пробегали мурашки, но, если бы сейчас его отправили в теплую постель, он ни за что бы не пошел. Он снова был воином, тяжелый меч оттягивал его пояс, внушая чувство собственной значимости. Пробившись ближе к госпоже, он любовался ею и гордился так, словно она была его сестрой. Ее маленькие руки крепко сжимали поводья, на поясе висела короткая кривая сабля, вдовья шапочка была низко надвинута на лоб. Она была бы похожа на юного воина, если бы не горестные морщинки у рта, старившие ее лицо.

Около полудня вдали заметили пыль. Оэлун подстегнула коня. Вскоре стало видно, что по степи движутся стада и табуны, за ними на повозках и пешком, ведя вьючных лошадей в поводу, плетутся семьи пастухов, подгоняя их, по степи носятся вооруженные всадники. У Хучу заныло сердце. Где-то здесь, наверное, и его Булган с больным Тайчу-Кури, с ветхой юртой, с восемью собственными овцами.

Заметив опасность, всадники быстро стянулись в одно место, построились. Оэлун остановила своих людей, отправив на переговоры Чарха-Эбугена. Переговоры длились недолго. Старик возвратился, клонясь к шее лошади. Его правая рука была прижата к груди, из-под пальцев ползла кровь.

– Они ударили меня копьем…

Это все, что мог сказать старик. Обеспамятев, повалился из седла, его подхватили на руки, и ропот возмущения пробежал по толпе. Оэлун выдернула кривую саблю, подняла над головой:

– Да будет проклят тот, кто поднял руку на братьев своих!

– Рубить их надо! – крикнул Хучу, не узнавая своего голоса.

Подстегивая себя яростными воплями и проклятиями, все бросились вперед. Нукеры Таргутай-Кирилтуха почти сразу же повернули коней и начали отступать, на ходу отстреливаясь из луков. Хучу все время держался возле Оэлун, готовый в любое мгновение защитить ее. Вдруг стрела с хрустом вонзилась в грудь, и земля, пестрая от трав и цветов, прянула на него. Он хотел сразу же вскочить, но не мог даже повернуть головы. Прямо перед лицом увидел цветок мака, вдавленный копытом в землю. И это было последнее, что увидел Хучу.

IV

Ценою жизни Чарха-Эбугена и четырех воинов Оэлун удалось возвратить своих людей, табуны и стада. Но ни она сама, ни ее люди не радовались. Победа в одной схватке значила мало, а о том, чтобы сломить Таргутай-Кирилтуха, принудить его отказаться от злого умысла, нечего было и думать: слишком уж неравны силы.

Таргутай-Кирилтух не пошел на курень Оэлун, как все того ожидали, не стал унижать себя войной с женщиной. Он поступил иначе. Его люди рыскали всюду, подстерегали в степи стада и угоняли вниз по Онону, а пастухов, если они пытались сопротивляться, безжалостно убивали.

Никто не знал, подымаясь утром, доживет ли до вечера. К Оэлун пришли старики и стали просить ее поехать к Таргутай-Кирилтуху, поклониться ему, отдать владение на его волю.

– Нет, – сказала она, – этому не бывать. Если даже меня привезут к нему связанной по рукам и ногам, я не стану перед ним на колени.

Старики ушли. После них появился Мунлик. Все это тревожное время сын покойного Чарха-Эбугена был для нее главной опорой. С ним она советовалась, он правил улусом. В этот раз, едва переступив порог, Мунлик виновато потупился.

– Я должен откочевать, Оэлун. Не откочую – убьют. А у меня дети. Семь человек.

– У меня не дети – щенята?! – вспыхнула она.

Мунлик еще ниже опустил голову:

– Я не предатель, Оэлун. У меня был Алтан. Его послал Таргутай-Кирилтух.

– Это какой Алтан?

– Сын Хутулы, двоюродный брат Есугей-багатура.

– Все наши родичи оказались там! А чего же говорить о тебе!

– Он мне сказал, Оэлун, что Таргутай-Кирилтух не утихомирится, пока у тебя есть хотя бы десять человек. Я готов умереть вот здесь, у порога твоей юрты. Но что это даст? Будет лучше для всех нас, если останусь в живых.

Разумом она понимала, что Мунлик прав: колотить кулаком по скале – отшибить руку. Но остаться одной с малыми ограбленными детьми, беззащитными, как новорожденные телята… С этим не мирилась ее душа. Сказала глухо, с враждой в голосе:

– Поезжай. И другим передай – я никого не держу.

Мунлик опустил голову, медленно пошел, у порога остановился.

– Все отъедут – как жить будешь?

– Проживу. Стану волчицей, рыскающей по степям, совой, летающей по ночам, но поставлю на ноги своих детей, а уж они взыщут с Таргутай-Кирилтуха! Кровью заплатит за слезы сирот.

После того как откочевал Мунлик, ушли один за другим и остальные нукеры Есугея. С Оэлун осталось несколько одиноких женщин. Но даже их забрали люди Таргутай-Кирилтуха. Они обшарили юрту Оэлун, утащив все сколько-нибудь ценное, собрали весь скот, до единой головы, и, посмеиваясь, тронулись вниз по Онону. Ей оставили хромую кобылицу с маленьким жеребенком и старую облезлую корову – не из сострадания, потехи ради.

На месте еще недавно шумного куреня осталась одинокая юрта из белого войлока, повозка со сломанным колесом – это было все ее богатство. Хоахчин плакала, пряча лицо в ладонях, приговаривала:

– Ой-ё… Какие худые люди! Зачем таких худых людей Небо терпит!

Старшие сыновья, Тэмуджин, Джучи-Хасар и Бэлгутэй, сидели, испуганно прижимаясь друг к другу, как бескрылые птенцы, заметившие в небе ястреба. Только младшие, Хачиун и Тэмугэ-отчигин, еще ничего не поймали, беспечно бегали там, где еще недавно стояли юрты, а сейчас видны были круги белой, проросшей под войлоком травы, подбирали всякую ненужную мелочь, весело болтали, довольные находками.

От тоски, обиды, отчаяния ей хотелось упасть прямо тут же и биться головой об истоптанную копытами землю. Еще никогда ей не было так тяжело, одиноко. Она вспомнила свою тоску и беспомощность после того, как ее захватил Есугей. Разве она может сравниться с тем, что есть сейчас? Тогда могла умереть, а сейчас и умереть нельзя – на руках дети.

– Мама, почему они так? – спросил Тэмуджин. – Что плохого мы сделали?

– Ничего плохого я не сделала никому. А вы слишком малы, чтобы навредить кому-то.

– А наш отец? – требовательно допытывался Тэмуджин.

– Ему многие завидовали. Зависть рождает зло. А зло часто вымещают на том, кто подвернется под руку.

Тэмуджин больше ни о чем не спрашивал, молчал, напряженно думая. Джучи-Хасар посмотрел на хромую кобылицу, чесавшую бок о повозку, губы его дрогнули.

– На чем теперь ездить будем?

– Ездить нам некуда, – вздохнула она. Окинула взглядом степь: ни человека, ни птицы, ни зверя.

– А кто по утрам будет молоко приносить? – всполошился вдруг Бэлгутэй, большой любитель хорошо поесть.

Каждый из них озабочен чем-то своим, а все вместе – ее одна большая забота. Как жить? Чем кормить детей? Уже завтра им нечего есть. А придет зима с лютым холодом?..

Утром она поднялась чуть свет. Хоахчин уже не спала. Сидела у потухшего очага, подперев голову руками.

– Умирать будем, фуджин. Все умирать будем.

– Не смей так говорить!

Она сказала это слишком громко. Тэмуджин поднял голову. Разбудила. А может быть, ему тоже не спится…

– Подымайся, сынок. И разбуди Хасара.

– А что?

– Пойдем искать пропитание. Мы теперь будем, как серые мыши, питаться травой.

Вчетвером вышли в степь. Джучи-Хасар тер спросонок глаза, плохо понимая, куда и зачем надо идти. Тэмуджин что-то сердито ему говорил. Хоахчин шла с большим лукошком, сплетенным из лыка. Оэлун несла мешок. Спустились к берегу Онона. Здесь были низинные луга с высокой травой. Роса еще не обсохла, и все они сразу же вымокли по пояс. Среди травы Оэлун нашла высокие стебли с мелкими темно-пурпурными головками цветов.

– Это судун. Его корни можно есть. – Вытряхнула из мешка ножи и старый, наполовину обломанный меч. – Будем копать.

У судуна было толстое, неглубоко залегающее корневище. Выдрав его из земли, Оэлун отряхнула и кинула в лукошко.

– Надо было взять копье. Им копать лучше, – сказал Тэмуджин.

– В следующий раз возьмем копье. Это ты правильно придумал. Да и то – мужчина.

Похвалу Тэмуджин принял как должное. Он отломил от корневища кусочек, вытер о мокрую траву, разжевал и скосоротился. Но ничего не сказал. Он и впрямь молодец.

Все разбрелись по лугу. Земля была сырой, легко поддавалась, корней накопали много. Их промыли в воде Онона и пошли к юрте.

Из корней приготовили варево с терпким, вяжущим вкусом. Хачиун и Тэмугэ-отчигин, пока варево булькало на огне, заглядывали в котел, втягивали ноздрями запах, но, когда пришло время есть, оба, хлебнув раз-другой, захныкали.

– Перестаньте! – прикрикнула на них Оэлун. – Ничего другого у нас нет и не будет. Ешьте и помните, кого надо благодарить за это.

– Мы отблагодарим, мама! – пообещал Тэмуджин. – А вы все, мои младшие братья, помните: кто захнычет – получит по шее. Ешьте что есть. Потом мы накопаем сладких корней. Таких же сладких, как мед земляной пчелы. Я знаю, где они растут.

– А еще мы накопаем много луковиц сараны, – сказала Оэлун. – И корней кичигине. Насобираем луку, грибов и ягод. Будем работать, не умрем с голоду.

С этого времени изо дня в день, в жару и дождь, Оэлун с тремя старшими сыновьями ходила копать корни, луковицы сараны, рвать лук, собирать грибы, ягоды черемухи. А Хоахчин все это промывала, резала, сушила, толкла и складывала про запас. Они спешили заготовить питание на зиму. Хоахчин понемногу научилась готовить из корней, грибов и лука если не вкусную, то вполне съедобную и питательную пищу. Она взбодрилась, повеселела и уже не заикалась о том, что все они умрут. Даже жалела, что когда-то отправила на родину своего братишку Хо.

– Большой стал теперь. Помогал бы. А там живет не знаю как.

И Оэлун уверилась, что теперь-то они выживут. Только бы подросли ребята, только бы встали на ноги.

Зима была трудной. Бураны катились по степи, поднимая снег, гудели над одинокой юртой, словно безобразные духи-страшилища – кулчин. Дети от постоянного недоедания стали худенькими, вялыми, они почти не играли; кутаясь в шубы, молча жались к очагу. Тэмуджин за зиму сильно вытянулся, стал долговяз, нескладен, его серые глаза на худом лице казались совсем прозрачными, в них все время таилась тревожная тоска.

Оэлун решилась на крайнюю меру – зарезала кобылицу. А немного спустя волки днем, на глазах у всех, растерзали корову. Всей оравой бросились на них, отбили мясо. О еде до лета можно было не беспокоиться, зато не осталось никаких надежд сняться с этого проклятого места. Жеребенка днем и ночью держали на привязи возле дверей юрты. Волки часто подходили к самому жилью, разноголосо выли, и в темноте поблескивали огоньки голодных глаз. Жеребенок обреченно ржал, бил копытцем мерзлую землю. Тэмуджин выскакивал из юрты, колотил обломком меча по пустому котлу; волки нехотя уходили и почти тут же возвращались назад. И однажды, отбросив котел, он с обломком меча кинулся в темноту. Оэлун побежала следом, спотыкаясь о сугробы, – догнала, схватила за руку. Сын весь дрожал.

– Ты с ума сошел!

– Не могу больше! Ненавижу!

– Успокойся. Скоро весна. По теплу как-нибудь переберемся к людям.

– Люди? Нет людей! Есть только мы и волки, готовые сожрать нас.

Больше полугода они не видели ни одного человека. Порой и самой Оэлун начинало казаться, что в степи, занесенной снегом, в самом деле нет никого, только хищные звери носятся по ней в поисках добычи.

С наступлением теплых дней волки ушли. Днем жеребенка отпускали пастись. Он щипал на проталинах сухую прошлогоднюю траву, за ним неотступно следовал Джучи-Хасар.

В один из таких теплых дней, когда ноздреватые сугробы, наметенные в логотинах и за кустами харганы, подтаивали и с шуршанием оседали, Хасар прибежал с пастбища, закричал:

– К нам кто-то едет! – От радости он подпрыгивал, и с мокрых гутул летели ошметки грязи.

Все высыпали из юрты. К ним трусцой подъехал Мунлик, за хвостом его коня тянулись на поводу четыре лошади. Взглядом пересчитав ребят, Мунлик с облегчением сказал:

– Все живы-здоровы! Хвала твоим духам-хранителям, Оэлун! Я не мог приехать раньше. Люди Таргутай-Кирилтуха не спускали с меня глаз. Эти кони – ваши. Увел из табунов нойона.

– Украл? – спросил Тэмуджин.

– Пусть будет так, – согласился Мунлик.

– Я должен ездить на ворованном коне? Я – сын Есугея? – Тэмуджин насупился.

А Хасар и Бэлгутэй отвязали лошадей, повели в степь. Оэлун смутилась от неуместной горделивости сына, стала торопливо приглашать Мунлика в юрту. Там у очага уже хлопотала Хоахчин.

– Вы кочуйте к подножию горы Бурхан-Халдун, – сказал Мунлик за обедом. – Там редко кто бывает, место безопасное.

– Опять будем одни? – спросил Тэмуджин.

– Я постараюсь кочевать поблизости. Выделю вам из своего стада немного скота. Будете сыты. Сейчас Таргутай-Кирилтуху не до вас. У него была стычка с Тогорилом. Сача-беки и Алтан от него отделились.

– Это хорошо, – обрадовалась Оэлун.

– Не знаю, – задумчиво сказал Мунлик. – Что хорошо, что плохо, не сразу и поймешь. Нойоны ссорятся, а плакать приходится нам, простым людям. Нет власти, нет порядка, нет и спокойной жизни. А лошадей, Тэмуджин, я не украл. Я только взял часть того, что по праву принадлежит вам.

Мунлика, видимо, задели слова Тэмуджина, и Оэлун сказала сыну:

– Слушай, что говорят старшие. А то – украл!

– А не так? – заупрямился Тэмуджин. – Надо заставить Таргутай-Кирилтуха вернуть все – это будет другое дело.

Мунлик усмехнулся:

– Какой умница! Вот и заставь! Ты – сын Есугея!

– Да, я сын Есугея. И я его заставлю.

– Ты, я вижу, бойкий парень. Но тебе еще рано помышлять о таких делах. И одной бойкости для этого мало, Тэмуджин. Знаешь, почему твоего отца уважали, в чем была его сила?

– Мой отец был багатуром.

– Не только поэтому. Он делал то, что нужно всем, – мечом добывал спокойствие.

– Я буду делать то же, что делал мой отец.

– Пусть Небо покровительствует тебе! А пока давай-ка подумаем, как лучше добывать пропитание.

Из седельных сум Мунлик достал сеть, железные рыболовные крючки и лесу, сплетенную из конского волоса.

– Это тебе, Тэмуджин. Будешь ловить рыбу.

V

Над Чжунду – серединной столицей – вставало солнце. Вспыхнула поливная черепица двухъярусных, с приподнятыми углами крыш императорских дворцов и многоярусных ажурных пагод, засияли золоченые купола, серебряные переплеты окон. Розоватый туман поднимался над пышными парками с озерами, водопадами, созданными руками умелых садоводов.

На городской стене ударили барабаны, и под своды надвратной башни в город повалил люд предместий, чиновники из округов и провинций Цзиньской империи. Крестьяне на осликах, мулах, быках, а зачастую и на своем горбу спешили доставить на базары столицы свежие фрукты, овощи, муку, бобовое масло. В улочках, стиснутых глинобитными и кирпичными стенами, ноги людей, копыта животных подняли густую желтоватую пыль.

В этой толпе, сгибаясь под тяжестью корзины с глиняными горшками, чашками, плошками, шел Хо. Матерчатые туфли на войлочной подошве, одетые на босу ногу, посерели от пыли. Пыль забилась в нос, он чихнул, поправил корзину, больно режущую лопатки, прибавил шагу. Вскоре кирпичные ограды расступились, и он оказался на широкой базарной площади, вокруг нее теснились лавчонки городских торговцев, харчевни, мастерские ремесленников.

Хо нашел свободное место возле лавки, разложил на землю свои горшки и плошки, сел на перевернутую корзину. Торговец высунулся из лавки, насмешливо взглянул на его товар, стал выставлять на прилавок фарфоровые вазы и чаши. Хо подумал, что зря, кажется, выбрал себе такого соседа, – слишком невзрачно, убого выглядит его посуда рядом с фарфором – молочно-белым, просвечивающим насквозь, темно-красным, как кровь, малиново-синим, в переливчатых пятнах, напоминающих отсветы пламени печей обжига.

Его товар, конечно, не идет ни в какое сравнение с этим великолепием. Но он кормит и одевает его. Когда вернулся домой, отца уж не было в живых. Глинобитная фанза в предместье столицы – его родной дом – стояла заколоченной, бумага на окнах порвалась и висела клочьями. В первой половине возле печки в куче мусора шуршали мыши, во второй, почти полностью занятой каном – лежанкой, серел толстый слой пыли, весь в крестиках воробьиных следов. Над киотом с пожелтевшими таблицами предков ласточка слепила гнездо. Из гончарных принадлежностей отца ничего не сохранилось, печь обвалилась. Что делать? Как жить? Соседи советовали ему пойти в богатый дом прислугой. Но он не хотел так просто забросить дело своего отца. Продав монгольского коня, он купил необходимые принадлежности, исправил гончарную печь, привел в порядок фанзу.

Перед тем как начать самостоятельное дело, заказал таблицу с именем, обозначениями дней рождения и смерти отца, поставил ее в киот. Душа покойного отныне будет в таблице,

ей он будет давать жертвенное вино, лучшие угощения. Непочтительность к духам предков грозит бедами и лишениями.

Работал Хо до изнеможения. Денег, вырученных за нехитрый товар, хватало и на пищу, и на одежду, но он думал не только о пропитании. Ему казалось, что, если скопить побольше денег и с ходовым товаром поехать в степь, можно очень хорошо заработать. Туда он повезет железную, медную утварь, шелковую и хлопчатобумажную ткань, оттуда привезет шерсть, кожи, пригонит коней. С ним возвратится и Хоахчин.

Солнце поднималось все выше. Торговля у Хо шла вяло. Как он и думал, ослепительное сияние фарфора затмило скромный блеск глазури на его горшках. Но фарфор покупали немногие. Больше просто глазели. К любопытным присоединились три человека с темными от загара лицами, с косичками на висках. Хо встрепенулся: монголы!

Они постукивали крепкими ногтями по кромкам фарфоровых чаш, прислушивались к нежному звону. Один из них, тучный, седой, спросил, сколько нужно денег за одну чашу. Торговец, не зная чужого языка, сладко улыбался, твердил:

– Такого фарфора нигде не найдешь! Только у меня!

– Он спрашивает, сколько стоит чаша, – сказал Хо.

– Ты знаешь язык варваров? – обрадовался торговец. – Помоги мне, и я не обижу тебя.

Хо начал переводить. Но, услышав родную речь, степняки потеряли интерес к фарфору, подошли к Хо, стали расспрашивать, кто он, не кочевник ли. Когда он сказал, что был в плену у тайчиутов, и назвал имя Есугея, они переглянулись.

– А вы откуда? – спросил Хо.

– Мы из татарских племен. – Старший носком гутула пошевелил горшок. – А твоего Есугея давно нет в живых.

– Почему? Убит?

– Нет, не убит. Он совершил на земле так много подвигов, что Небо взяло его к себе. – Старший чуть улыбнулся, двое других засмеялись.

Они ушли. Торговец фарфором высунулся из лавки, погрозил ему кулаком.

– Ты отговорил их от покупки! Убирайся отсюда, оборванец!

У Хо не было желания спорить с торговцем. Внезапная встреча взбудоражила его. Он вспомнил запах полыни, топот коней, бегущих к водопою, высокое небо над степью, голос любимой сестры, крик своевольного Тэмуджина, не хотевшего отпускать его от себя. Зачем он уехал?

– Вставай! – Грубый окрик заставил его поднять голову.

Перед ним стояли два стражника с короткими копьями. Третий, без оружия, но затянутый военным поясом, костистой рукой вцепился в плечо.

– Что такое?

– Иди с нами. И не шуми.

– Это почему же? – Хо ничего не понимал.

Стражники подступили к нему, взяли за локти, рывком поставили на ноги. Хо попробовал вывернуться – под ногами захрустели чаши и плошки. Человек в военном поясе больно сунул костлявым кулаком в бок.

Покупатели и торговцы испуганно расступились перед стражей, с любопытством и сочувствием рассматривали Хо.

Его провели в центр города. У высокой кирпичной ограды с узкими воротами, расписанными лаком, остановились. Человек в военном поясе исчез за воротами. Вскоре он вернулся, пропустил Хо вперед. За оградой был просторный двор. В глубине двора стояло здание с резным крыльцом и расписными лакированными колоннами. Но Хо повели не к крыльцу, а через боковую калитку в сад. По дорожке, выложенной цветной галькой, прошли к открытой беседке. В ней за низеньким столиком на ковре сидели два молодых человека, перед ними стояли чаши

с чаем и ваза с фигурным печеньем. Один, пухлолицый, с короткими жирными пальцами, был одет в халат, расшитый фиолетовыми драконами, и сапоги с золотыми узорами на голенищах, второй, одетый попроще, был худощав, широкие брови срослись на переносье.

Человек в военном поясе злобно просипел в затылок Хо:

– Кланяйся, негодник!

Хо опустился на колени. Сквозь тонкие штаны галька дорожки больно вдавливалась в тело, он тихонько ерзал, стараясь найти более удобное положение для ног.

– Ты кто? – Широкобровый наклонился, всматриваясь в лицо Хо. – Почему к тебе подошли кочевники? Чего они хотели? Ты встречался с ними раньше? Откуда знаешь чужой язык?

Запинаясь от робости, Хо начал рассказывать, как он попал в степи, как возвратился.

– Ты все врешь! – Пухлолицый дернул ногой – золотые узоры, попав в луч солнечного света, ослепительно блеснули, – повернулся к широкобровому: – Хушаху, это шпион, засланный грязными варварами.

Хушаху почтительно наклонил голову:

– Князь Юнь-цзы, нам очень легко узнать, говорит он правду или лжет. По записям мы установили, какие люди были в посольстве, вырезанном монголами.

– О чем ты говорил с чужеземцами? – спросил князь.

Холодея от страха, но понимая, что от его точности сейчас, возможно, зависит, быть ли живу, Хо передал весь разговор, стараясь не пропустить ни слова.

– По-моему, он говорит правду, – сказал Хушаху. – Татары и тайчиуты – извечные враги. А он жил у тайчиутов. Уведите его и закройте под замок.

– За что же? Я ни в чем не виноват!

Хушаху нетерпеливо махнул рукой. Стражники снова подхватили Хо под руки, повели по дорожкам сада. Прошли через задний двор, миновали конюшни и оказались в тесном дворике. Человек в военном поясе открыл дверь, и Хо оказался в каменном помещении с земляным полом. Звякнул замок, и все стихло. Тусклый свет едва сочился в узкую щель под потолком. В помещении был прогорклый, застойный воздух. Хо присел на корточки в углу, облизал сухие губы. Злой дух принес этих татар! Пропали горшки – труд многих дней. И еще неизвестно, останется ли целой его голова.

Весь день его никто не тревожил. Не дали ни пить, ни есть. Полоска света под потолком медленно угасала. Хо свернулся калачиком, задремал.

Внезапно дверь открылась. Его повели по темным задним дворам, потом по узким переходам. Наконец оказались в большой комнате, ярко освещенной свечами. Свет дробился на лаковых шкафах и столиках, на огромных фарфоровых вазах. В комнате был один Хушаху. Он сделал знак страже выйти. Хо стоял у дверей, смотрел на грязные штаны, на потрепанные туфли – страшно было ступить даже шаг по узорчатому полу.

– Ты не лгал, – сказал Хушаху.

– Я могу идти? – Хо вскинул голову.

– Нет, ты мне нужен.

Хушаху провел Хо в тесную каморку, приложил палец к губам, знаками показал, чтобы слушал, и вышел. Половину пола каморки занимала кружевная решетка.

Хо прижался лицом к металлу решетки и увидел внизу высокую комнату. В ней ужинали те самые монголы. Седой рвал руками мягкие пампушки, неторопливо жевал, запивая чаем.

– От их пищи я все время чувствую себя голодным. Едят траву, пьют траву – тьфу!

– Попросил бы у князя мяса, – сказал его товарищ с сухим, сморщенным лицом. – Уж он-то, я думаю, не ест траву – видел, какой жирный?

– Ну его, князя!.. Все они тут жадные. Кругом шелка, золото, а все мало. С какой стати мы им платим дань?

– Ты потише, – предостерег его третий, мрачный чернобородый багатур.

– А что, я это могу сказать и самому князю Юнь-цзы!

– И умрешь на деревянном осле, – угрюмо предрек чернобородый. – Как хан тайчиутов Амбахай. Напрасно его тогда выдали.

– Ну нет, не напрасно! – возразил сморщенный. – Тайчиутов надо истреблять!

– У нас один язык, одни обычаи. Мы истребляем их, они – нас. Выгадывает сын неба[22]. – Седой взял со столика последнюю пампушку, положил перед собой. – Видали, как разговаривал с нами князь? Так говорят со своими рабами.

– Надо пробиться к императору и пожаловаться. – Сморщенный допил чай, перевернул чашку. – Император велик и милостив.

– Нашел кому жаловаться! Князь Юнь-цзы только разевает рот, его языком ворочает император. – Чернобородый поднялся.

Хо лежал на полу, сплющив нос о железную решетку. Когда татары ушли спать, его снова провели к Хушаху. Начав пересказывать разговор, Хо заколебался: нужно ли все передавать точно, не принесет ли он несчастье тем людям? Но Хушаху, чуть пошевеливая широкими сросшимися бровями, смотрел ему в лицо и, казалось, ждал, когда он собьется или солжет. И Хо рассказал все, как было.

Из-за перегородки, расписанной цветами, вышел старик в одежде чиновника.

– Он ничего не упустил? – спросил Хушаху у старика.

– Нет. Он все хорошо понял и запомнил.

– Что ж… – Хушаху прошелся, искоса оценивающим взглядом ощупывая Хо. – Ты будешь служить у меня.

VI

Почесывая оплывшие бока, Таргутай-Кирилтух пытался припомнить сон. Худой был сон. Вот времена настали, ничего хорошего не осталось, сны и те снятся только худые. Всю ночь что-то холодное и скользкое, но не змея и не рыба, обвивало шею, шлепало мокрым хвостом по голой спине, шептало какие-то слова. Что за слова это были? Вспомнить бы два-три, остальное разгадает шаман.

За дверным пологом громко разговаривали и смеялись нукеры. Этот смех мешал думать, злил Таргутай-Кирилтуха. Ржут, бездельники, дармоеды беззаботные, и ни почтения, ни уважения.

– Эй, вы!

В юрту вошел Аучу-багатур. Все еще посмеиваясь, он остановился у порога. Широкоплечий, с низким, покатым лбом, обезображенным малиновым шрамом, Аучу-багатур был храбрым, преданным, но не очень-то умным нойоном.

– Что за веселье? – Таргутай-Кирилтух засопел, раздувая ноздри приплюснутого носа. – Только бы пили, жрали и хохотали! Где шаман Теб-тэнгри? Я его должен ждать?

– Он в курене. Ему сказано. Скоро придет. – Аучу-багатур отвечал отрывисто, с обидой в голосе.

– Новости? – пренебрегая его обидчивостью, резко спросил Таргутай-Кирилтух.

– Вчера меркиты отогнали табун.

– Мой табун?

– Твой. Табун мы отбили. А меркиты ушли.

Таргутай-Кирилтух молча сопел, думал. Новости теперь, как и сны, тоже только худые. Эта новость очень недобрая. До сих пор ему удавалось ладить с меркитами и татарами. Не они – анда Есугея, хан кэрэитов Тогорил был главным и самым опасным врагом. Неужели придется

[22] *Сын неба* – титул китайского императора.

враждовать и с меркитами? Может быть, они сговорились? Не должны бы. Скорей всего, это была просто шайка удальцов…

– Кто сказал, что это были меркиты?

– Табунщик Тайчу-Кури. Сын Хучу, воина Есугея. Того, что был убит, когда…

– Двадцать палок по голому заду табунщика! Чтобы смотрел лучше и не путал ворон с ястребами. Еще есть новости? Где Сача-беки и Алтан?

– Они теперь кочуют отдельно от всех. К ним часто наезжает Хучар, сын Некун-тайджи, племянник Есугея…

– Что ты сегодня без конца тычешь меня именем Есугея? Как будто я не знаю, чей племянник Хучар! Смотри за ними крепче. Но не задирай. А что Даритай-отчигин?

– Этот смирно сидит в своем курене. А вот… – Аучу замялся.

– Говори! – приказал Таргутай-Кирилтух: пусть все неприятности выложит разом.

– Оэлун и дети Есугея понемногу оправляются. У них уже есть и лошади, и овцы, другой скот.

– Где взяли?

– Этого я не знаю. Слышал я, старший из детей, Тэмуджин, без почтения произносит твое имя. Да что там почтение! Грабителем называет, мстить, говорят, собирается. Может быть, и ему дать палок? Пусть лучше чешет спину, чем чесать языком! – Аучу-багатур, довольный своей шуткой, коротко хохотнул и умолк под взглядом нойона.

Таргутай-Кирилтух снова сердито засопел. Будь Аучу-багатур чуточку умнее, не смеялся бы. Уже не однажды доносили: во многих куренях его, Таргутай-Кирилтуха, осмеливаются осуждать за жестокое обращение с семьей Есугея. А теперь и Тэмуджин, щенок малоумный, подает свой голос. Его угрозы – безвредное тявканье. Но в грозу и малый ручей может превратиться в большую реку. При неудаче, шаткости найдется немало пособников. Нойоны стали уклончивы, не тверды в своем слове. При жизни Есугея Сача-беки и Алтан хорошими друзьями были, а теперь – завистники. Сами по себе кочуют…

В юрту, не спросив позволения, вошел Теб-тэнгри. Не кланяясь, прошел вперед, сел на войлок, скрестил ноги в потрепанных гутулах. Узколицый, остроносый, уставился на Таргутай-Кирилтуха взглядом угольно-черных глаз:

– Зачем звал? Нездоров?

– Небо хранит меня от болезней. Погадай. Аучу, ты приготовил баранью лопатку? Иди разведи на улице огонь.

Аучу-багатур вышел. Теб-тэнгри остался сидеть. Таргутай-Кирилтух рассказал ему о сновидении.

– Ты, слышал, умеешь предвидеть будущее. Скажи мне, что значат эти сны? Ни одной ночи не проходит, чтобы я не увидел чего-то такого.

– Духи предупреждают тебя. Духи говорят: берегись. Они тобой недовольны.

– С чего бы? Я не скуплюсь на жертвоприношения.

– Ты слишком много ешь. – Теб-тэнгри сожалеюще цокнул языком. – Ты разжирел, как медведь в осеннем кедровнике. Ты мало думаешь о людях, они тощи, как коровы ранней весной. Духи этого не любят.

Таргутай-Кирилтух сел на постели, отбросил одеяло. Ноги, короткие, в редких черных волосках, с толстыми, будто опухшими, пальцами, проехали пятками по войлоку, ткнулись в скрещенные гутулы Теб-тэнгри, стронули их с места.

– Думаешь, если ты шаман, то можешь болтать все, что придет в голову?

– Ты звал – я пришел. Ты спросил – я сказал. Зачем же гневаться? – Теб-тэнгри чуть отодвинулся. – Если хочешь, уйду.

Таргутай-Кирилтух глубоко вдохнул в себя воздух. Ему хотелось схватить гутул и запустить в острое лицо шамана. Но сдержался, пересилил себя. Шаман знается с духами, а их

лучше не гневить. С людьми дел хватает. Раньше он думал, что стоит лишить власти Есугея – и все пойдет так, как того он пожелает. Но Есугея давно нет, все его богатство он раздал своим нукерам и нойонам, а чего добился? Друзья и родичи Есугея втайне желают ему гибели, мутят людей, много говорят о его несправедливости, жадности, а сами, не забери он улус Есугея, давно бы из-за него перервали друг другу горло.

Шаман поднялся, намереваясь, кажется, и в самом деле уйти. Таргутай-Кирилтух ворчливо повелел:

– Я тебя звал погадать – гадай.

Теб-тэнгри вышел из юрты жечь на огне баранью лопатку. Таргутай-Кирилтух с кряхтеньем обулся, надел шелковый халат, туго подпоясался поясом, украшенным серебром. На шамана он больше не злился. Шаман, кажется, говорит верно. В самом деле, разжирел сверх всякой меры. Слишком уж много времени проводит в пустой праздности. Не из-за этого ли откололся Сача-беки? Не потому ли глупый мальчишка Тэмуджин позволяет себе угрожать ему?

На бронзовом подносе Теб-тэнгри принес обугленную лопатку. Кость дымилась, потрескивала, наполняя юрту запахом гари. Теб-тэнгри присел, разглядывая трещины. Таргутай-Кирилтух стоял за его спиной и тоже всматривался в кость.

– Видишь две трещины? Эта – твоя жизнь. Эта – смерть. Они идут рядом, то сближаясь, то расходясь. Сближение показывает на опасность, угрожающую твоей жизни. Пока таких опасностей было немного. Но смотри дальше. Все чаще и чаще линия жизни сближается с линией смерти. Тебя ждут большие испытания. Теперь смотри на эти линии. Их много. Это обиды, причиненные тобой. Они сливаются в одну глубокую и пересекают линию жизни. Это твой конец. Ты не умрешь своей смертью.

Таргутай-Кирилтух перестал смотреть на кость и слушать шамана. Все верно. Это он чувствовал и без гадания. Хватит сидеть! Он не даст всем обидам слиться в одну. Не даст погубить себя.

– Ты можешь узнать у духов, как избежать опасностей и укрепить мой улус?

– Попробую. Но не сейчас. Сейчас могу лишь сказать то, что думаю сам. Я езжу по всем куреням, я слушаю и смотрю. Плохо живут люди. Старших не уважают младшие, бедных обижают богатые, слабых унижают сильные. Установи порядок, и твой улус будет крепнуть, а сам ты – благоденствовать.

Вспомнив, что шаман – сын Мунлика, верного нукера Есугея, Таргутай-Кирилтух с подозрением оглядел его.

– Тебе что за дело до моего улуса? Или ты хочешь быть первым человеком у меня, как был твой отец у Есугея?

– Может быть, и так.

– Ты многознающий шаман, а все равно дурак. Кто доверится чужому коню, к чужим и попадет. Пошел отсюда!

В глазах Теб-тэнгри полыхнуло пламя, но губы сами собой сложились в мягкую, как будто даже виноватую улыбку, он скорбно качнул головой:

– Гордый нойон, сейчас ты сам придвинул линию своей жизни ближе к трещине, означающей смерть. – И вышел.

От гнева у Таргутай-Кирилтуха перехватило дыхание, хотел повелеть схватить шамана, но из груди вырвалось лишь сипение. Пока справился с собой, пока дозвался нукеров, образумился. Пусть дерзкий шаман до времени идет своей дорогой. Не с него надо начинать.

VII

Гасли звезды. Небо на востоке, светлея, окрашивалось в мягкий розовый свет. Утро было безветренное, теплое. Вода в реке, розовая, как и небо, сонно хлюпала. Тэмуджин с Хасаром, Бэлгутэем и Хачиуном, босые, в коротких затрепанных штанах, шли друг за другом. Из-под берега, заставив Тэмуджина вздрогнуть, с шумом, истошным криком вылетела птица. Хачиун, шагавший позади всех, догнал старшего брата, боязливо прижался к нему.

– И трус же ты! Утки испугался.

– А может быть, это вовсе не утка. Может быть, это злой дух.

– Не болтай о чем не следует! – рассердился Тэмуджин.

Мальчик хотел сказать еще что-то о злых духах, но Тэмуджин строго прикрикнул, и дальше пошли молча. Скоро совсем рассвело. Солнечные лучи заскользили по вершине Бурхан-Халдуна, высветляя зелень леса, над водой поплыли прозрачные пряди тумана. По крутому яру спустились на песчаную косу. Босые ноги оставляли на песке глубокие вмятины, и они тут же заполнялись прозрачной водой. У широкого омута остановились. На воде покачивались берестяные кругляши-поплавки – тут стояла сеть. Тэмуджин сбросил штаны, сунул ногу в воду – холодная. Всхлипывая, забрел по грудь в омут, ухватился за конец сети, потянул. Сеть заметно подрагивала, и Тэмуджин забыл про холодную воду: что-то есть! У берега за нижнюю тетиву сети схватился Хасар, стали потихоньку выбирать. Из воды показалась розово-золотистая рыбина. За ней вторая, третья. Четыре крупных ленка упруго бились в волосяной сети на мокром песке. Богатый улов! Хачиун по-щенячьи взвизгивал, смеялся, лез к сети, мешая Тэмуджину и Хасару, Бэлгутэй хватал рыбин за хвост и тоже смеялся.

Оставив сеть и рыбин на берегу, спустились ниже. Здесь река прижималась к высокому утесу, круто заворачивала. На повороте была глубокая яма. В нее Тэмуджин вечером закинул крючки, наживленные хариусами; если есть таймень, возьмет.

На спокойной голубовато-зеленой воде лежала темная тень скалы, у берега блестели омываемые течением черные острые камни. Оставив братьев, Тэмуджин, прыгая с камня на камень, добрался до удочек. Проверил одну, другую – пусто. Оставалась последняя. Она стояла в конце ямы под молодым ильмом, росшим в узкой расщелине. Белая волосяная леска была туго натянута. Тэмуджин подергал ее, с огорчением подумал – зацепилась. Придется нырять в воду, не лишаться же драгоценного крючка! Вдруг леса сама по себе прослабла. Тэмуджин, недоумевая, стал выбирать ее. Но что это? Снова натянулась. Нет, идет. Коряга за ней тащится, что ли. Так и есть, вон темнеет. Целое бревно тащится.

И в этот момент «бревно» рванулось в сторону. Тэмуджин упал, но лесу из рук не выпустил. Она до крови врезалась в руку. Упираясь ногами в камень, стискивая зубы, Тэмуджин держал леску. Таймень хлобыстнул хвостом по воде, повернул против течения. Тэмуджину стало легче.

– Хасар! Скорее сюда!

Горячий пот заливал лицо, щипал глаза. Пальцы на перетянутой руке посинели, из-под лески, охватившей ладонь, сочилась кровь. Хасар не услышал его крика. А таймень снова повернул вниз, заметался, малиновый хвост тяжко бухал по речной глади, вода бурлила, словно кипяток в котле. Боль в руке стала невыносимой. У Тэмуджина потемнело в глазах.

– Хасар!

Брат услышал. Козленком прыгая с камня на камень, подбежал, вцепился в натянутую до звона лесу, потянул. Вдвоем быстро умучили тайменя. Он подошел к берегу с широко распахнутой пастью – зубастое страшилище.

– Лезь в воду!

Хасар сбросил штаны, ринулся в воду, бесстрашно запустил руки под жабры тайменя. Ловкий, с клочьями обгорелой кожи на черной спине, братишка сейчас как нельзя лучше оправдывал свое имя[23].

На берегу рыбина упруго изогнула литое тело, забилась, пачкая хвост в сухих листьях и земле. Тэмуджин схватил камень, с веселой яростью обрушил на черную голову тайменя – сухо хрустнули кости.

– На́ тебе! На!

Вдвоем выволокли его из-под утеса. Хачиун и Бэлгутэй с опаской разглядывали огромную рыбину, тыча палками в светло-серое брюхо.

Разожгли огонь, зажарили двух ленков, поели. Тэмуджин заставил братьев разбирать сеть, сам лениво растянулся на траве. Солнце уже начало припекать. Трещали кузнечики, в кустарнике за рекой пели птицы. Ныла нарезанная леской рука, но на душе было светло и покойно. Он становится мужчиной, главой и кормильцем семьи. Страшная зима с зелеными огоньками волчьих глаз в гудящей и стонущей темноте уже не повторится. Он научился ловить рыбу, бить из лука птиц, добывать жирных тарбаганов. Он научится владеть мечом и боевым копьем, станет воином, таким же знаменитым, как его отец Есугей-багатур. Пусть тогда дрожит от страха толстый Таргутай-Кирилтух!

Но не о мести ненавистному нойону больше всего думает теперь Тэмуджин. Почему-то все чаще вспоминается его нареченная невеста Борте – девочка с тугими круглыми щеками, рассудительная и упрямая. Какой стала она теперь? Захочет ли Дэй-сэчен, ее отец, отдать Борте ему сейчас, когда у него единственный нукер – собственная тень? Когда-то он был добр и внимателен к нему. Но это было при жизни отца. В ту пору все были добры к нему, к его матери, его братьям. Люди уважают, прав Теб-тэнгри, одно – силу. И он будет сильным.

Тэмуджин сел, потянулся, посмотрел на свои ноги с исцарапанными, в ссадинах, ступнями, на муравья, деловито бегущего вверх по тонкой травинке, на тайменя с круглыми, как пуговицы, глазами, перевел взгляд на речку, на пологие лесистые холмы, и ему захотелось запеть от беспричинной радости, наполнившей душу.

Братья возились с сетью у самой воды. Хасар и Бэлгутэй выбирали из ячей траву, листья, тину. Хачиун собирал на отмели цветные камешки. По берегу, с той стороны, где была юрта, бежал младший братишка Тэмугэ-отчигин. Штанишки сползали с его тонкого зада, и он на ходу их поддергивал. Вот глупый, подвязать не догадается!

Подбежав к Тэмуджину, Тэмугэ-отчигин не сразу мог что-либо сказать – запыхался. Глазенки выпучены, на носу мелкие капельки пота, одна рука поддерживает штаны.

– Тэмуджин… тебя ищут! – наконец сказал он. – Приехали нукеры Таргутай-Кирилтуха. Они ругали мать. Ударили Хоахчин. Я сюда.

Тэмуджин посмотрел на небыстрое, в мелкой ряби течение реки, на тальниковые кусты, склонившие ветви к воде. Все, что говорил сейчас малыш Тэмугэ, не воспринималось им как угроза. Но тут в поле его зрения попали всадники. Пять человек. Они подвернули к берегу реки, остановились. Должно быть, ехали следом за Тэмугэ-отчигином и, потеряв его из виду, не знали, куда направиться. Тэмуджин заволок тайменя в кусты, прикрыл его ветками, травой, лихорадочно обдумывая, что делать. Всадники увидели Хачиуна, бегающего по отмели, погнали коней.

– Хасар! – крикнул Тэмуджин. – Я спрячусь. Скажи – уехал куда-то.

Он побежал, пригибаясь, в кусты. Всадники, кажется, успели его увидеть. Вскоре он услышал тяжелый топот копыт за спиной, треск ломаемых кустов. Не убежать! Впереди были реденькие тальники, справа тянулась болотистая, в кочках, низина, за ней начиналась возвышенность, поросшая березняком, дальше были горы и лес. Надо бежать в лес. По болоту

[23] *Хасар* – хищный зверь.

лошади не пойдут… Он свернул в сторону, стал прыгать с кочки на кочку. Всадники выскочили из кустов, на краю болота остановились. Передний (по голосу он узнал в нем Аучу-багатура) приложил ладони ко рту, закричал:

– Э-эй! Не убегай! Мы тебя все равно поймаем. Без тебя нам не велено возвращаться.

Тэмуджин только чуть приостановился, но тут же помчался сколько было сил. Всадники, ругаясь, поскакали вокруг болотины. Он прыгал с кочки на кочку. Густая зеленая вода пахла тухлыми яйцами. Несколько раз поскальзывался, падал. Руки, живот, штаны были в вонючей жиже.

Выскочил на возвышенность, нырнул в березовый лесок, чуть перевел дух. Но всадники были уже недалеко, снова послышался стук копыт. Он побежал в гору. Дышал хрипло, со свистом, как загнанная лошадь.

Преследователи рассыпались и, словно загонщики на облаве, ехали цепью, не теряя друг друга из виду, изредка переговариваясь. По голосам он определял, где они находятся, и то приостанавливался, чтобы отдышаться, то снова бежал. Лес становился гуще. Заросли багульника порой были так плотны, что он еле продирался сквозь них, часто на его пути попадались валежины с острыми мертвыми сучьями. Бежать он уже не мог, шел шагом. Голосов больше не слышал. Или преследователи отклонились в сторону, или вернулись. Выбрав густую чащу, он залез в нее, лег на землю. Здесь было прохладно и сумрачно. Пахло прелой хвоей и смолой. Гулко колотилось сердце, дрожали ноги.

Понемногу успокоился, стал думать. Чего хочет от него Таргутай-Кирилтух? Уж конечно не для того, чтобы вручить подарок или вернуть захваченное, послал людей за ним. Может быть, хочет убить?

При мысли о смерти Тэмуджину стало зябко. Нет, только не это! Он не дастся им в руки. Он будет скитаться в лесах, словно дикий зверь, питаясь ягодами и травой, но не даст зарезать себя, как пустоголового ягненка.

День тянулся бесконечно. Устав лежать, Тэмуджин пошел разыскивать что-нибудь съестное. Попробовал есть грибы. Сырые, пахнущие плесенью, они вызывали отвращение. А развести огонь было нечем – огниво и кремень остались на берегу реки. Да и не решился бы разжечь огонь… В узкой сумрачной пади нашел несколько кустов смородины. Ягоды были еще зеленоватые, кислые, от них выворачивало скулы.

К вечеру погода испортилась. Небо, затянутое облаками, было без единой звездочки, тьма навалилась такая густая, что Тэмуджин ничего не видел в двух шагах от себя. Дул ветер, и деревья скрипели, потрескивали, шумели. Слушая голоса леса, он сжимался от страха. Казалось, нечистые духи и демоны – мангусы – окружили его со всех сторон, беснуются в темноте, ожидая, когда он уснет. Тогда украдут его душу, выпьют кровь, растерзают тело.

До рассвета не сомкнул глаз. Утром пошел дождь. Мелкая морось неслышно сыпалась на притихший лес, вода скапливалась на ветвях деревьев, и тяжелые капли с шумом падали на сухую прошлогоднюю листву. Тэмуджин замерз, от неподвижного сидения на земле свело судорогой ноги. Поднялся и поковылял вниз, к реке. Он надеялся, что огниво и кремень остались на берегу. Возможно, и таймень еще там. Тогда он разведет огонь, отогреется, поест. К юрте матери пока что не пойдет. Аучу и его люди, наверное, этого только и ждут.

На том месте, где вчера жарили рыбу, не оказалось ни кремня с огнивом, ни тайменя. Дурак Хасар все утащил домой. А может быть, и не он. Может быть, все забрал проклятый Аучу, верный пес Таргутай-Кирилтуха. Сейчас, возможно, сидит у теплого очага, ест куски тайменя, обсасывая жирные пальцы. «Ну погодите же, я вам все припомню!»

Он снова ушел в лес. Из веток и травы сделал шалаш, залез в него. Пригрелся и заснул. Разбудило его пение птиц. Высунул голову из шалаша. Дождь перестал, небо очистилось от туч, ярко светило солнце. Капли дождя висели на листьях, на хвое деревьев, искрились разноцветными огоньками. День клонился к вечеру. Нестерпимо хотелось есть. Он встал и побрел

по косогору. Надо будет подобраться ближе к юрте. Ночью, может быть, удастся увидеть кого-нибудь из своих.

Голод, усталость притупили чувство страха. Он вышел на край леса. Отсюда, от подножия горы, видна была равнина с одинокой юртой. Возле юрты не заметил ни людей, ни лошадей. Может быть, Аучу-багатур со своими нукерами убрался восвояси? Постоял, раздумывая, и с оглядкой направился вниз.

Но ушел недалеко. От реки мчались, отрезая путь в лес, пять всадников. Он повернул назад. Сбоку, пригибаясь к гриве коня, скаля белые зубы, налетел Аучу-багатур, бросил аркан. Волосяная веревка захлестнулась на груди Тэмуджина, он упал, обдирая кожу, протащился по земле. Нукеры не дали приподняться, скрутили руки и ноги, словно мешок, приторочили к седлу.

Тэмуджин плакал. Аучу-багатур подошел к нему, заглянул в лицо, со смешком сказал:

– Я думал, сын Есугея багатур. А он плачет, будто девка, которую отдают в наложницы.

Извиваясь всем телом, Тэмуджин приподнял голову, плюнул на Аучу-багатура.

Тот рубанул его ребром ладони по затылку.

– Ух и дал бы я тебе сейчас! Да боюсь – сдохнешь раньше времени.

От удара из глаз Тэмуджина посыпались искры, онемела шея. Он дрыгал связанными ногами, задыхался от ярости.

– Дай, ну, дай! Я не сдохну. А вот тебя, вонючая ворона, я когда-нибудь привяжу к хвосту табунного жеребца!

– Ну? Напугал ты меня до смерти!

До куреня Таргутай-Кирилтуха добирались три дня. Нукеры почти не кормили Тэмуджина, всю дорогу зубоскалили над ним. Он молчал. Не было сил отвечать.

У юрты Таргутай-Кирилтуха его сняли с седла, освободили от веревок. Чтобы не упасть, он схватился за столбик коновязи. Белая юрта, лошади, люди качались, расплывались.

– Проходи, гость дорогой.

Узнав скрипучий голос Таргутай-Кирилтуха, Тэмуджин распрямился. Нойон стоял перед ним, сложив руки на животе, обтянутом шелком. Жарко блестели серебряные бляхи на его поясе.

– Ты вырос, – продолжал Таргутай-Кирилтух, ощупывая его взглядом, – и стал очень похож на своего отца. Мы с твоим отцом были друзьями. Да-а… Кому же, если не мне, заботиться о твоем будущем? А?

– Ты уже позаботился, – буркнул Тэмуджин, наливаясь злобой.

– Горяч! – одобрительно проговорил Таргутай-Кирилтух. – Но и горячих скакунов объезжают, и упрямых волов в телегу впрягают. – Оплывшее лицо нойона посуровело. – Кто-то считает, что я присвоил себе чужое. Я взял себе все, что имел твой отец, – это верно. А почему взял? Богатство твоего отца было нажито трудом многих. Потом – не слабой женщине, твоей матери, владеть им. Табун без жеребца разбегается, богатство в слабых руках рассыпается… Вот. А ты, неразумный, распускаешь язык. Однако я не стану наказывать тебя. Ты сын моего друга, и ты будешь жить у меня. Я тебя одену, накормлю, посажу на коня. Ты будешь нукером и братом моему сыну Улдаю.

За спиной Тэмуджина стоял Аучу-багатур, подсказывал:

– Благодари!

Тэмуджин крепче стиснул столбик коновязи, замотал головой:

– Мне ничего не нужно. Если ты друг моего отца, отпусти меня, оставь в покое.

– Ты отказываешься принять дар? – от удивления растягивая слова, проговорил Таргутай-Кирилтух, насупился.

Аучу-багатур рукояткой плети больно ткнул в спину Тэмуджина:

– Соглашайся, глупый человек. Благодари!

Боль в спине подстегнула Тэмуджина. Резко повернулся к Аучу-багатуру, взбешенно закричал:

– Не буду я благодарить! Отобрав повозку с волом, дарите чеку от этой повозки – за что благодарить! – Опалил взглядом Таргутай-Кирилтуха. – Ты грабитель и вор! Мне не нужны твои милости!

Толстые губы Таргутай-Кирилтуха скривились, пухлое лицо налилось кровью.

– Люди, выходит, говорили правду: ты волчонок! Но тебе никогда не стать зубастым волком. Хочешь мстить мне – я перед тобой. Эй, нукеры, дайте молодцу меч. Посмотрим, на что ты годен.

В своей ладони Тэмуджин ощутил рукоятку меча, сжал ее, напружинился. С какой радостью всадил бы сейчас широкое лезвие в это толстое пузо! Но сил не хватит даже поднять оружие. Отбросил меч от себя. Он упал, звякнув о камень.

– Со-опляк! – презрительно протянул Таргутай-Кирилтух и сказал нукерам с ворчливой нравоучительностью: – Человек человеку может быть или врагом, или другом. От дружбы он отказался. Врагом быть не может. У такого одна участь – он становится рабом. Наденьте на его шею кангу[24].

VIII

В юрте Булган теперь никогда не выветривался запах кислятины. Вместе с сыном она с утра до вечера выделывала шкуры овец. После того как меркиты отогнали табун и Тайчу-Кури влепили двадцать палок, бедный парень долго не мог ни сидеть, ни лежать на спине, но не это главное – их заставили перебраться в курень и выделывать кожи. Работа тяжелая, а кормили плохо. Когда пасли табун, питание тоже было скудное, но там они с Тайчу-Кури чувствовали себя вольными людьми, и работа была не столь обременительная. Надо же было этим меркитам налететь именно на их табун! Жизнь никак не ладится. Или уж у нее такая злосчастная доля, или чем-то сильно прогневила духов. Хучу был хорошим мужем. Любил, правда, поболтать впустую, сытно поесть, но с ним она, особенно в последние годы, не знала никакого горя. Только бы жить да радоваться. Кирилтух вздумал разорить Оэлун, и Хучу погиб. А все то, что они с ним успели нажить, забрали нукеры. Теперь они с сыном черные рабы. И так, кажется, будет до конца жизни. Ну, ее жизнь прошла – ладно. Утерянное не вернешь, гнилое не пришьешь. А вот жизнь Тайчу-Кури только начинается. Славный парень, коренастый, крепкий, очень похожий на своего отца, но, пожалуй, красивее, чем он, – как будет жить ее Тайчу-Кури? Он родился на старой, вылезшей овчине, носит одежду из старой, рваной кожи, спит под латаным одеялом – неужели так будет всю жизнь? У него нет ни коня, ни седла, ни юрты. Придет время жениться, не на чем привезти невесту, не из чего постелить постель.

Булган горестно вздыхала, в тысячный раз думая одну и ту же думу, а руки сами собой крутили, мяли, терли овчину с белой пушистой мездрой и курчавой мягкой шерстью. Тайчу-Кури выделывал овчины крюком на улице. Правая нога поднималась и, опираясь на ремень крюка, будто на стремя, медленно опускалась. Солнце освещало его голую потную спину, загоревшую до черноты.

– Сынок, а сынок! Ты бы отдохнул.

Тайчу-Кури вошел в юрту, зачерпнул из кадки воды, выпил целую чашку, зачерпнул вторую и вылил себе на грудь.

– Сейчас бы кумыс пить или, на худой конец, дуг, – сказала она.

– Ничего! – Тайчу-Кури вытер ладонью потное лицо, улыбнулся. – Ничего, и вода хорошо.

---

[24] *Канга* – колодка.

Такой уж он и есть. Все ему ничего. Отшибли спину палками, вздулась подушкой, смотреть даже страшно, а когда она спрашивала его, больно ли, он отвечал почти так же, как сейчас: «Ничего. Когда били, было больно, а сейчас уже ничего».

– Ну, я пошел, мама.

– Посиди, сынок, отдохни. Жарко.

– Аучу опять будет ругаться.

– Пусть ругается. Из сил выбиваемся, на них работая, а они и покормить не хотят. Их сынки в твои годы только одно и знают – забавляться, носиться по степи без дела.

– Ну что ты, мама, меня с ними равняешь!

– Не равняю. А все же злость берет! Из-за них житья нет. Если бы не Таргутай, твой отец был бы жив, и мы бы не бедствовали.

Булган расстроилась, бросила овчину, вышла на улицу. К юрте приближались два всадника – Аучу-багатур и сын Таргутай-Кирилтуха Улдай. Между ними шел с кангой на шее высокий молоденький парень с очень знакомым лицом. Парень смотрел из-под широкого лба злыми серыми глазами. Рыжие жесткие волосы клочьями топорщились на голове. Неужели это сын Есугея?

– Принимай гостя, Булган! – Концом рукоятки плети Аучу подтолкнул в спину парня. – Где твой сын?

– Я здесь. – Тайчу-Кури вышел из юрты, почтительно поклонился Аучу и Улдаю.

– Этот парень будет жить с вами. Если он убежит, ты ответишь головой. Так же, как и ты с матерью, он будет выделывать овчины. Следи, чтобы не бездельничал. Он твой раб.

– Ты теперь большой господин! – осклабился Улдай, упитанный парень с толстыми, словно опухшими, верхними веками над маленькими веселыми глазами.

– Он должен выделывать столько же овчин, сколько и ты, – продолжал Аучу-багатур. – Не выделает – будет бит палками. Каждая невыделанная овчина – две палки. Понятно? А тебе, Тэмуджин, понятно?

– Я не буду выделывать овчины, – глухо сказал Тэмуджин. – Я не раб! Я сын высокородного родителя!

Улдай засмеялся:

– Мы тебе будем давать на выделку овчины не простых, а высокородных овец!

– Дурак! – сказал Тэмуджин.

– Но-но, умный нашелся! Посмотрю, каким ты станешь через несколько дней.

Они уехали. Тэмуджин сел на землю, привалился спиной к стене юрты, закрыл глаза. Под ресницами лежали темные тени, сухая кожа туго обтягивала скулы. Булган принесла воды, присела перед ним:

– Выпей, сынок.

Тэмуджин отодвинул руку с чашкой:

– Не хочу. Дай что-нибудь поесть.

Булган растерянно посмотрела на сына – в юрте не было ни крошки съестного. Только вечером она сможет получить у баурчи Таргутай-Кирилтуха немного молока и хурута. Тайчу-Кури в ответ на ее взгляд виновато потупился:

– Может быть, я схожу к соседям?

– Иди, сынок, к Сорган-Шира́.

Сорган-Шира делал для Таргутай-Кирилтуха кумыс и тарак[25], у него всегда было в запасе что-нибудь съестное. Она надеялась, что сосед не откажет ради такого случая. И верно, Тайчу-Кури вскоре вернулся с большой чашкой творога и котелком кумыса. А следом пришел и сам

[25] *Тарак* – молочный продукт.

Сорган-Шира, кривоногий мужчина с лысеющей головой, настороженно оглянулся и поклонился Тэмуджину:

– В моем сердце живет добрая память о твоем родителе.

Булган с жалостью смотрела на тонкую шею Тэмуджина, до красноты натертую березовой кангой. Непонятно было, слушает он Сорган-Шира или его мысли далеко отсюда. Съев творог и запив его кумысом, он взглянул на Сорган-Шира, и в его глазах неожиданно промелькнули насмешливо-злые огоньки.

– Если в твоем сердце так крепка память о моем отце, сними с меня колодку, дай коня и седло. А?

Сорган-Шира снова боязливо оглянулся, крепко потер лысину:

– Ты бы лучше помалкивал, молодой господин, об этом. Неужели еще не понял, кто такой Таргутай-Кирилтух? Мы-то его хорошо знаем.

– Лучшего господина вы и не заслуживаете! Смирный конь одинаково везет и хозяина, и вора. – Тэмуджин отвернулся.

Смущенный Сорган-Шира ушел домой. Булган пригласила Тэмуджина в юрту, отрезала от своего одеяла кусок овчины, подложила под колодку, чтобы она меньше натирала ему шею.

Работать утром Тэмуджин не стал. Он сидел в тени юрты, подогнув колени, положив на них руки, на руки – голову, молчал; Тайчу-Кури, обливаясь потом, тер крюком овчины, время от времени просил его:

– Ты хотя бы для виду поработай. Палками бить будут. Ох и больно они бьют палками!

– Молчи! Не буду я выделывать вонючие овчины.

– Это не тяжело, – уговаривал Тайчу-Кури. – Видишь, я работаю, и ничего.

– Ты – харачу. Ты для этого и рожден.

Тайчу-Кури благодушно улыбнулся:

– А слышал, что сказал Аучу-багатур. Я теперь вроде как твой хозяин.

– Поговори еще так! Возьму твой крюк и тресну по башке!

– Да я же шучу. Вот чудак какой! Если бы вправду я стал хозяином, разве стал бы держать в колодке и заставлять работать на себя! Иди куда хочешь, делай что хочешь. У меня свои руки есть.

– Глупый ты парень, как я погляжу. Надоел своей пустой болтовней!

– Может быть, и глупый, – охотно согласился Тайчу-Кури.

Булган слушала их разговор, согнувшись над овчинами. Упрямство Тэмуджина было ей по душе. Только зря он думает, что ее Тайчу-Кури глупый. Он очень верно говорит. Если бы над человеком было поменьше всяких разных хозяев, если бы хозяева не захватывали людей друг у друга вместе с табунами и стадами, жилось бы много лучше.

Несколько дней ни Аучу-багатур, ни Улдай не появлялись. Все эти дни Тэмуджин не работал. Булган и Тайчу-Кури выбивались из сил, чтобы выделать все овчины. Но разве могли они сделать вдвоем то, что дали на троих? Булган со страхом ждала Аучу-багатура.

Он пришел вместе с Улдаем и тремя нукерами. Все были навеселе. Сытое лицо Улдая пылало, Аучу, напротив, был бледен, только малиновый шрам на покатом лбу горел, словно раскаленный. Они пересчитали овчины. Четыре остались невыделанными.

– Восемь палок мало! – с сожалением сказал Улдай. – Я думал, он больше заработает. Может быть, мы не будем его бить? Смотри, Аучу, своими высокородными руками он выделал овчины так хорошо, что я, пожалуй, велю из них сшить шубу себе.

– Отведав палок, он будет выделывать овчины и вовсе хорошо. Снимай штаны, Тэмуджин.

Глаза Тэмуджина налились темнотой, стали почти черными. Казалось, он бросится на своих врагов, вцепится зубами в горло.

– Штаны снимать он стесняется! – Улдай глумливо хохотнул.

Тайчу-Кури поклонился Аучу-багатуру:

– Не трогайте его. Эти овчины не выделал я. Мне нездоровилось.

– Ты не выделал? – удивился Аучу, мутными глазами посмотрел на него, кивнул. – Хорошо. Нукеры, дайте ему восемь палок.

Нукеры повалили Тайчу-Кури на землю, содрали штаны. Один сел на ноги, другой на голову, третий с придыханием, так, будто колол дрова, начал бить.

– Раз, два, три… – отсчитывал удары Аучу.

Булган зажала рот рукой, чтобы не закричать. Тэмуджин вздрагивал при каждом ударе, словно били его, а не Тайчу-Кури.

Когда Аучу и Улдай с нукерами ушли, Булган упрекнула Тэмуджина:

– Твое своенравие дорого обошлось моему сыну. И всегда так…

Тэмуджин ничего не сказал. Но утром взял крюк и с остервенением начал драть овчину. Он был непривычен к этой работе, ему мешала тяжелая канга, однако до обеда ни разу не передохнул. Сердце Булган отмякло. Она сходила к Сорган-Шира, выпросила сыру и тарака, накормила ребят досыта, сказала:

– Вы сильные парни. Будете дружно работать, будет время и для отдыха. А уж я позабочусь, чтобы вам не было голодно.

И в этот раз Тэмуджин промолчал.

Вечером, укладываясь спать, Тайчу-Кури лег было на отбитую спину, охнул, перевернулся на живот. Тэмуджин засмеялся:

– Не будешь, дурак, подставлять за других свою спину!

– А-а, ничего. Мне это не в новинку.

IX

Багряно пламенели молодые кусты черемухи, желтела, осыпалась листва с берез и осин. Лес осветлялся, становился неуютно-просторным, словно пустая юрта перед кочевкой. Оэлун шла по тропе, сгибаясь под тяжестью берестяного короба с ягодами. Палый лист сухо шуршал под ногами, изредка звонко щелкала сломленная ветка.

Раньше Оэлун боялась леса. Ей, дочери степей, он казался угнетающе тесным, полным неясных опасностей. Она боялась оставаться в нем одна. А теперь даже полюбила бродить одна по звериным тропинкам. Прежнего страха перед лесом не было. Давно поняла: люди опаснее и диких зверей, и злых духов. Сколько горя и страдания принесли они ей! По правде говоря, в ее жизни светлым было лишь детство. А все остальное… Сначала Есугей. Он привез ее в свою юрту силой. Смирилась, может быть, даже полюбила его. Но каких душевных мук стоило это! Потом домогательства коротышки Отчигина. Потом Таргутай-Кирилтух. Он разорил, обездолил ее. В душе она примирилась и с нищетой, и с одиночеством. Все бы вынесла на своих некрепких плечах. Схватили сына. Что злого, худого сделал Тэмуджин? Чем прогневили Небо она и ее дети?

Оэлун присела отдохнуть на валежину, сняла короб, растерла натруженные плечи. Из-под колоды выбивался говорливый родник. Наклонилась над ним. Вода была холодной, от нее ломило зубы. Над головой с криком пролетела суетливая сойка. Лист осины упал в воду родника, закачался, прибиваемый течением к травянистому берегу. На минуту Оэлун позабыла все свои горести. Ей хорошо было сидеть и слушать лопотание родника, смотреть на деревья, на зеленые блестящие листочки и ярко-красные ягоды брусники, чувствовать томящую усталость во всем теле. Много ли нужно человеку для счастья? Если бы дома был Тэмуджин, если бы злобный Таргутай-Кирилтух оставил ее в покое, она бы ничего больше не желала. Дети стали большими, все они здоровые, крепкие ребята, голод им уже не угрожает – что еще нужно? Так нет, привязался этот проклятый Таргутай-Кирилтух! Что он сделал с ее Тэмуджи-

ном? Ни днем, ни ночью не может она забыть о старшем сыне. Болит, кровоточит материнское сердце. Может быть, Тэмуджина уже нет в живых?

Взвалив короб на плечи, Оэлун стала спускаться вниз, в долину. Лес становился все реже. Наконец вдали за ветвями берез она увидела пасущихся лошадей, юрту. У юрты, возле коновязи, топтались два подседланных коня. Кто это? Что, если снова люди Таргутай-Кирилтуха?

Придерживая руками заплечные ремни короба, она почти бежала. Ремешок, стягивающий волосы на затылке, развязался, они рассыпались, лезли в глаза. Прямо с коробом протиснулась в юрту, откинула волосы. У очага сидели Мунлик и его сын – шаман Теб-тэнгри. Она с облегчением перевела дух, но тут же встревожилась снова: с какой вестью приехал Мунлик?

Хоахчин помогала ей снять короб, участливо заглядывая в лицо.

– Устала, фуджин? Ой-ё, какое у тебя лицо! Сейчас покормлю…

По тому, как вела себя Хоахчин, она поняла, что ничего страшного нет. Случись что с Тэмуджином, она бы не стала говорить о ее усталости. И все же не удержалась, спросила у Мунлика:

– Что с моим Тэмуджином?

– Теб-тэнгри видел его два дня назад.

– Как он там? – Она повернулась к шаману.

– Ходит с кангой на шее, – сказал Теб-тэнгри. – Черным рабом, будто пленного врага, сделал его Таргутай-Кирилтух…

Оэлун, закрыв глаза, увидела сына, высокого, худого, с тяжелой колодкой на тонкой шее, и закусила губу, чтобы не расплакаться. Хоахчин подала ей свежего овечьего сыру и чашку кислого молока, но Оэлун не могла есть. Невыплаканные слезы комом застряли в горле. Бедный Тэмуджин. За какую вину мается? Как все это терпит мать-земля, не разверзнется под ногами мучителей, не проглотит их!..

Она подняла голову и увидела глаза Мунлика. В них было сострадание и глухая печаль.

– Оэлун, я хочу съездить к кэрэитам, – сказал он.

– Зачем? – душевно болея за сына, спросила она.

Мунлик осторожно потеребил узкую, длинную бороду:

– Надо же как-то освобождать Тэмуджина… Хан Тогорил, думаю, не забыл, что он был клятвенным братом Есугея, что Есугей возвратил ему отнятое ханство.

– Ты затеваешь войну?

– И без того у Таргутай-Кирилтуха и Тогорила нет мира. Правда, и войны тоже нет. Набегают друг на друга. А до войны дело не доходит – побаиваются друг друга. Надо скрытно привести воинов Тогорила сюда и ударить прямо в сердце улуса тайчиутов – на курень Таргутай-Кирилтуха.

– Нет, Мунлик, нет. – Оэлун медленно качнула головой, ладонями сжала виски. – Мы пробовали драться – ну и что? Зря погибли люди. Война – всегда кровь. И сироты. Разрушенные очаги. Ограбленные юрты. Война – огонь в степи, сжигает и худые, и хорошие травы.

– Как же вызволить Тэмуджина?

– Не знаю… Но не води сюда кэрэитов. Уж лучше я поеду к Таргутай-Кирилтуху, паду перед ним на колени, буду слизывать пыль с его сапог. Неужели у него нет сердца? Неужели не отпустит Тэмуджина?

Шаман улыбнулся жалостливо, мягко, как улыбаются умудренные жизнью взрослые, слушая неразумные речи детей, проговорил:

– Не отпустит. Когда орел-хищник когтит ягненка, блеяние овцы не остановит его. Но и воинов Тогорила сюда вести нельзя.

Он не оставлял матери никаких надежд. Оэлун растерянно и просяще глянула на Мунлика, будто призывая заставить замолчать шамана-сына. И Мунлик, все более туго накручивая на палец прядь бороды, все более жестко подергивая ее, сказал Теб-тэнгри:

– Воинов хана вести нельзя, просить Кирилтуха не следует – как же быть? Что-то я тебя не пойму, сын. Ты отдалился от всех нас, слишком много времени проводишь у юрты Таргутай-Кирилтуха. Твоих дум я не знаю.

– Конь хочет быть первым среди скакунов, мужчина – среди воинов, шаман – среди тех, кому ведомы тайны Неба, – вяло, с неохотой, как о чем-то давно известном, сказал Теб-тэнгри; заметив, что отец ничего не понял, добавил: – Резвость коня проверяется скачкой, отвага воина – сражением, сила шамана – умением полонить ум могущественных.

– Поло-онить, – протянул Мунлик. – Таргутай-Кирилтух кровный враг нашего рода! Ты забыл, что копье его нукера прервало земной путь моего отца и твоего деда Чарха-Эбугена? Поло-онить… Чего же ты добился?

– Ничего, – нехотя ответил шаман. – Таргутай-Кирилтух прогнал меня.

– Так тебе и надо!

На время все замолчали, и Оэлун острее прежнего почувствовала свое бессилие, свою обреченность. Лоб Мунлика бороздили трудные думы, но он молчал. А когда заговорил, в его голосе не было уверенности:

– Может быть, нам помогут твои родичи – олхонуты? Или ваш сват Дэй-сэчен?

– Чем они нам помогут? Пока у нас один помощник и заступник – ты, Мунлик.

В его лице что-то дрогнуло, казалось, он всей душой потянулся к ней, в печально-ласковом взгляде было много невысказанного. Ничего такого она раньше не замечала, и это удивило, даже почему-то встревожило. Скрывая неловкость, наклонилась над столиком, стала разламывать кусочек сыру, а когда снова подняла голову, лицо Мунлика было прежним, озабоченно-строгим.

– Не ищите помощи у кэрэитов и олхонутов, – сказал Теб-тэнгри, помедлил, как будто сомневаясь, нужно ли говорить об этом, продолжал, переводя взгляд с отца на Оэлун: – Надо искать помощи в самом курене Таргутай-Кирилтуха. Там есть люди, которые помнят Есугея. И я не зря кручусь в курене.

– Что люди… – вздохнула Оэлун. – Они такие же невольники, как мой сын, только без канги на шее. А ты… Ну что можешь сделать ты, Кокэчу?

Она назвала его прежним, детским именем. Для нее он и не был Теб-тэнгри, шаманом, чье имя известно во многих куренях.

– Будет на то воля Неба, я сделаю все, что нужно, – сказал шаман и вышел из юрты.

Они с Мунликом остались вдвоем. Сидели, разделенные столиком. Оэлун разламывала сыр на крошки, складывала их горкой. Две слезы скатились по щекам и упали на крышку стола.

X

Ночью выпал снег, и все юрты куреня были белыми. В стылом воздухе пахло дымом и жареным мясом. Тэмуджин постоял, втягивая ноздрями запахи сытости и благополучия, взял пешню, положил на плечо – железо глухо стукнулось о колодку. Свежий, неулежавшийся снег тихо поскрипывал под разбитыми унтами с вылезающими из дыр травяными стельками. На тропе, бегущей к реке, не было ни одного следа, и она резко выделялась чистой белизной.

Только что рассвело. Зимнее небо было неприветливым, серым. С низовьев реки тянул ветерок, и Тэмуджину в его дырявой короткой шубейке стало холодно. Он, согреваясь, сбежал на реку, прокатился по льду, распахивая унтами мягкий снег. Возле ледяного корыта для водопоя животных из-под снега чернели кучи конского и коровьего навоза, на голубоватом осколке льда трепыхался примерзший клок овечьей шерсти. Дальше стлалось ровное, запорошенное снегом поле льда. Тэмуджин вспомнил игру в бабки на Ононе, и тоска тупо толкнулась в сердце. Какое счастливое было время! Где сейчас Джамуха-анда? Знает ли он о злой доле своего побратима? Недавно видел здесь Хучара. Вместе с дядей Даритай-отчигином они приезжали к Таргу-

тай-Кирилтуху. Встретился с ними случайно. Шел с ведром воды, остановился, увидев незнакомых всадников. Оба, в теплых шубах и лисьих малахаях, на сытых лошадях ехали навстречу. Его напряженный взгляд заставил их остановиться.

– Тэмуджин? – Хучар резко натянул поводья.

– Племянничек! – завопил Даритай-отчигин. – Да за что же тебя так? Почему ты не дал мне знать?

Они наговорили кучу хороших слов, пообещали выручить. Но он напрасно ждал. Не дождался ни освобождения, ни дяди с двоюродным братом. Не могли ничего сделать? Может быть, и так. Но хотя бы заехали, сказали, как и что, хотя бы дали кое-какой одежды. Вот тебе и родичи, вот тебе и люди одной крови. Каждый печется лишь о себе, о других подумать некому. Такими стали потомки Хабул-хана.

Тэмуджин ударил пешней о лед, и ломкий звук удара покатился по реке. Из-под острия пешни вылетали ледяные брызги, секли лицо. Раздолбив прорубь, он очистил, углубил корыто и кожаным оледенелым ведром стал черпать воду.

К водопою потянулся скот. Лошади в серебре инея подходили к корыту, шумно втягивали воду и резво, играя селезенкой, бежали на пастбище. Степенно, лениво спускались к воде быки и коровы, теснясь, дробно стуча копытами, сбегали овцы, толстые в своих теплых шубах.

Тэмуджин черпал и черпал воду. Брызги, падая на унты, на кожаные штаны, на полы шубенки, застывали, и скоро одежда, унты залубенели, перестали гнуться.

Напоив скотину, он обколотил палкой лед с одежды и пошел в курень. Тайчу-Кури уже, наверное, запряг быков и ждет его. Надо ехать в лес за дровами. Возвратятся из лесу, будут возить воду к юртам нойонов, а вечером нужно снова поить скотину. После водопоя он должен зайти к Аучу-багатуру или Улдаю, рассказать, что сделал за день. Это самое трудное.

Из куреня с шумной ватагой нукеров выезжал на охоту Таргутай-Кирилтух. Промерзшие за ночь кони нетерпеливо перебирали ногами, уминая рыхлый снег. Тэмуджин свернул с дороги, остановился, пропуская всадников. К нему подлетел Аучу-багатур, зло крикнул:

– Ослеп? Не видишь своего господина? Кланяйся!

Тэмуджин смотрел мимо него, молчал. Он теперь всегда молчал, когда они ругали его или издевались над ним. Кланяться Таргутай-Кирилтуху? Нет! Выделывать овчины, рубить и возить дрова, собирать сухой навоз – пожалуйста. Но головы своей перед ними он, сын Есугея-багатура, не склонит. Он никогда не будет таким, как дядя или Хучар, не унизит своего рода.

– Я кому говорю?!

Конь Аучу-багатура, оскалив широкие зубы, храпя и обдавая горячим дыханием, теснил Тэмуджина в сугроб. Он попятился, упал, и тут же удар плети ослепил его.

– Оставь! – сказал Таргутай-Кирилтух.

Тэмуджин сел, вытер снегом лицо. Рубец, оставленный плетью, горел, из глаз бежали слезы.

Увидев его, Булган охнула:

– Это кто же тебя так? Они?

– Они, – глухо подтвердил Тэмуджин. – Злобный пес Аучу.

В юрту вошел Тайчу-Кури. От его задубевшей на морозе шубы струился дымок. Он протянул руки к огню, потер ладони, крякнул:

– Холодно как сегодня. – Поднял глаза на Тэмуджина. – Ой, что это?

– Оса укусила. – Тэмуджин гладил пальцами ноющий рубец.

– Ос зимой не бывает.

– Молодец, Тайчу-Кури, все знаешь! Не оса – дурная муха. На них ни зимой, ни летом погибели нету.

– Верно, дурные мухи! – подхватила Булган. – На кого взгляд упал, того и жалят. – Она понизила голос: – В народе ходят слухи – недолго осталось властвовать Таргутай-Кирилтуху. Шаману Теб-тэнгри открылось будущее. Владеть улусом станет человек с рыжими косами и серыми, как яйца жаворонка, глазами. У тебя, Тэмуджин, голова рыжая. Вот глаза…. Не всегда серые. Бывают зелеными, как молодая трава, темными, как ночью вода. Но я все равно думаю: не ты ли будешь нашим повелителем?

– Зачем такие разговоры, мама? – с укором сказал Тайчу-Кури. – Дойдет болтовня до ушей Таргутай-Кирилтуха – не жить Тэмуджину.

– Это не болтовня. Сорган-Шира сам говорил с шаманом.

– Добро бы так, но лучше об этом, мама, помалкивать. Ты, Тэмуджин, оставайся дома. В лес я поеду без тебя.

– Один не нарубишь столько дров.

– Я нарублю.

Тэмуджина всегда удивляла готовность Тайчу-Кури взваливать на себя чужую работу. В душе он даже презирал парня за это, считая его услужливость свойством природного раба. Но сейчас был ему благодарен. Что станет с лицом, если целый день пробыть на морозе?

Он лег в постель, прикладывал к рубцу клочья шерсти, намоченные в холодной воде, думал о словах Булган. Если бы слухи были правдой! А почему бы им не быть правдой? Самим Небом его род, род Кият-Борджигинов, предназначен повелевать другими. Так говорил ему еще отец, и Дэй-сэчен, его будущий тесть, говорил то же самое.

Вечером Аучу-багатур прислал за ним нукера. Аучу ужинал. На столе в деревянном блюде высилась гора мяса, стоял котелок с подогретой архи. Аучу пил вино прямо из котелка, кряхтел, смачно обсасывал косточки молодого барашка. Блестели крепкие белые зубы, лоснилось потное лицо, ярко лиловел шрам на покатом лбу. Тэмуджин стоял у порога, чуть склонив голову, чтобы колодка не давила на горло.

– Надо было тебя побить как следует, но наелся, вставать не хочется. – Аучу вытер руки о штаны, всмотрелся в распухшее, обезображенное рубцом лицо Тэмуджина, и его губы сложились в ухмылку. – Хорошо я тебя дернул?

– Хорошо, – подтвердил Тэмуджин.

Страха перед Аучу-багатуром не было, Тэмуджин смотрел на него со спокойной ненавистью.

– Ты хочешь есть? – неожиданно спросил Аучу.

– Нет, я не хочу есть.

– А выпить?

– Не хочу и пить.

– Видишь, как хорошо тебе живется. И сыт, и от выпивки отказываешься, и в лес сегодня не ездил. Дурак Тайчу-Кури работает за тебя.

– За меня никто не работает. Я не нанимался к вам работать.

– Ты сегодня разговорчивый. Может быть, до тебя дошли кое-какие слухи? А? Не радуйся. Мы вырвем шаману его лживый язык, и слухов не будет. А тебе надо понять вот что. Случается, богатый в один день становится нищим, сильный – немощным. Наоборот, запомни, никогда не бывает. Господин нередко становится рабом, но раб господином – никогда. Не поймешь этого – до конца своей жизни не снимешь колодку.

– А если сниму? Ты, Аучу-багатур, слуга моего отца, не задумывался над тем, что будет с тобой тогда?

Отхлебнув архи, Аучу зубами оторвал от кости кусок мяса, прожевывая, трудно ворочал лоснящимися челюстями, говорил невнятно:

– Я твоему отцу служил честно. Его не стало – служу Таргутай-Кирилтуху. Хуже или лучше он твоего отца – не мое дело. Я знаю одно: его благополучие – это и мое благополучие. И таких, как я, тут много. Вот почему ты никогда не снимешь кангу!

Аучу-багатур был почти благодушен, не кричал, как обычно, не издевался, и от этого его слова звучали для Тэмуджина с особой силой. В них была страшная для него правда.

– Из уважения к памяти твоего отца дам один совет: смирись со своей участью, тем облегчишь судьбу. Может быть, я сумею чем-то помочь тебе.

Тэмуджин повел плечами. Невыносимо давила колодка. Рубец стянул кожу лица, слезился запухший глаз, дразнил запах мяса. Почувствовал себя маленьким, растоптанным и, боясь своей слабости, сказал с вызовом:

– Мне не нужны ни твои советы, ни твоя помощь.

– Как хочешь… В юрту к дураку Тайчу-Кури больше не вернешься. Будешь работать у кузнеца Джарчиудая. Помашешь молотом – умнее станешь.

Нукер привел Тэмуджина в маленькую юрту, тускло освещенную гаснущим очагом. Кузнец Джарчиудай, пожилой человек с клочковатыми бровями, угрюмо вгляделся в обезображенное лицо Тэмуджина, проворчал скрипуче:

– У-у, рожа-то какая! Я просил подручного, а вы даете разбойника. Веди его обратно.

– Я ничего не знаю, – сказал нукер. – Говори с Аучу-багатуром.

– И поговорю! Неужели не нашлось порядочного человека? – нудно скрипел кузнец.

Нукер, посмеиваясь, ушел.

Кузнец подбросил в очаг сухих лучин. Пламя вспыхнуло, осветив юрту с черными от копоти решетками стен. За очагом на постели, вытаращив любопытные глаза, сидели мальчик лет десяти и подросток.

– Джэлмэ, бездельник, ты чего сидишь? Принеси аргала.

Подросток сунул ноги в большие гутулы, вышел. Кузнец повернулся к Тэмуджину:

– А ты почему стоишь, будто столб коновязи? Пришел – раздевайся.

Сняв шубенку, Тэмуджин положил ее у порога. Кузнец скосил на него угрюмые глаза, приказал мальчику:

– Чаурхан-Субэдэй, повесь шубу. Нойон даже в колодке любит, чтобы за ним ухаживали.

Если до этого Тэмуджин думал, что кузнец принимает его за обычного колодника и потому так ворчит, то теперь стало ясно: он хорошо знает, кто перед ним. Тоже, видать, верная собака Таргутай-Кирилтуха.

Мальчик поднял шубенку, но не смог дотянуться до вешалки. Тэмуджин отстранил его, повесил сам, сел к очагу.

Джэлмэ принес и аргала, и дров, бросил в огонь смолистое полено, пламя сразу поднялось почти до самого дымохода. В юрте стало тепло, даже жарко. Джарчиудай разогрел на огне суп – остатки ужина, поставил перед Тэмуджином, коротко приказал:

– Ешь!

В котелке плавали желтые блестки жира и темные крошки приправы – дикого лука – мангира. Тэмуджин проглотил слюну. Надо было бы, как и в юрте Аучу-багатура, отказаться от угощения. Но очень уж хотелось есть. Презирая себя, стал хлебать суп. Джэлмэ подсел к нему, потрогал руками колодку, спросил:

– Тяжелая?

– Вот наденут на тебя – узнаешь.

Джэлмэ не смутился. Сел еще ближе, шепнул:

– Ты нашего отца не бойся. Он сердитый, но хороший.

– Тому, кто упал в воду, бояться дождя нечего, – хмуро ответил Тэмуджин.

Утром пошли работать. Кузница была в соседней юрте. У маленького горна с кожаным мехом на обожженной чурке стояла наковальня, возле нее на крючках висели клещи, моло-

точки, у дверей кучей лежали ржавые железные обломки. Джарчиудай заставил Тэмуджина разжигать горн, сам гремел железом у наковальни, искоса смотрел за его работой. Тэмуджин надавил рукоятку меха, воздух с шумом ворвался в горн, пламя загудело, охватывая угли. Он надавил на рукоятку сильнее, и горячие угольки брызнули во все стороны. Кузнец шагнул к нему, плечом отодвинул от меха, стал качать сам. Воздух из меха пошел ровной, беспрерывной струей.

– Вот так и качай! Ничего не умеешь!

Здесь, на работе, кузнец был совсем невыносим. Ругался без конца. Джэлмэ приносил в кузницу угли, воду, железо, подмигивал Тэмуджину, как бы спрашивая: «Достается тебе?»

Тэмуджину долго не удавалось правильно бить молотом по раскаленному куску железа. Удары получались либо слишком слабые, либо слишком сильные, либо не очень точные. Кузнец выходил из себя, выхватывал из его рук молот, кидал на землю, топал ногами.

– Прогоню! Заставлю Аучу избить тебя палками! Из сынка нойона подручный как из осла скакун.

– Нойон должен быть воином, не кузнецом! – запальчиво возразил Тэмуджин.

– А кто воину кует меч, наконечник копья и стрелы? – Лохматые подпаленные брови тучей нависли над суровыми глазами. – А кто делает стремена для седла, удила для узды? Все эти вот руки? – Он ткнул под нос Тэмуджину руку с черной, задубелой кожей и кривыми, обломанными ногтями. – Что даете нам вы, нойоны? Оружие, которое мы куем на врагов, подымаете друг на друга и проливаете кровь наших братьев.

– При чем тут я?

– Как при чем? Дай тебе волю – лучше других будешь!

– Уж таким, как Таргутай-Кирилтух, не буду!

– А каким? Сам не знаешь. Бери молот.

Вечером, как всегда, Тэмуджин собрался идти к Аучу-багатуру. Кузнец не пустил его. Утром Аучу сам приехал в кузницу, спросил:

– Почему не пришел?

– Ты у меня спрашивай, – сказал кузнец. – Ты его дал мне, я за него отвечаю. Будет ходить взад-вперед. Работать надо, а он будет ходить.

– Ладно, – милостиво согласился Аучу, – держи его в строгости.

– Нет, беличьим хвостом по щекам гладить буду!

Аучу-багатур засмеялся:

– Мне говорили: ты учишь его так, что весь курень слышит. Так делай и впредь.

– Без тебя знаю!

Тэмуджин готов был поклониться старику в ноги: он избавил его от ежедневных унизительных разговоров с Аучу-багатуром и Улдаем. Но он не поклонился, даже не поблагодарил, вместо этого вечером остался в кузнице и, превозмогая усталость, махал молотом, овладевая умением бить точно, соразмерять силу удара. Ему не хотелось, чтобы кузнец считал его никуда не годным и ни на что не способным.

Джарчиудай оценил его старание, ругался реже, хотя был таким же вредным и колючим. Но, как заметил Тэмуджин, кузнец и своих сыновей, особенно Джэлмэ, не щадил. И всем от него доставалось. Он не стеснялся поносить и Аучу, и самого Таргутай-Кирилтуха. Его суждения о людях были меткими и злыми… Здесь Тэмуджин начал понимать, что его собственные суждения о жизни, о людях были слишком уж простенькими, детскими. Давно ли он любил всем напоминать с заносчивостью: «Я – сын Есугея!» Тут, под суровым взглядом Джарчиудая, подобные слова застревали в горле. Тут эти слова ничего не стоили.

И чем глубже он понимал всю непростоту жизни, зависимости людей друг от друга, тем сильнее хотелось вырваться отсюда. Ни днем ни ночью не оставляли его мысли о побеге, и тоска о родных, о воле давила на сердце тяжелее, чем колодка на плечи.

XI

Теплый ветер великой Гоби слизал снега, и на склонах щебнистых сопок заголубели цветы ургуя, в низинах, прогретых солнцем, просеклась молодая трава; среди метелок седого дэрисуна, обтрепанного зимними буранами, бойко шныряли суслики; высоко в небе, чуть пошевеливая крыльями, парили коршуны, сытые, равнодушные к легкой добыче; от озера к озеру по извечным путям тянулись несметные стаи перелетных птиц, и вечерние сумерки гудели от шума крыльев, гогота, кряканья, посвиста; табунные жеребцы, зверея от ревности, носились по степи, отгоняя от кобылиц бродячих соперников; налив кровью глаза, взрывая копытами землю, бодались быки; звенели первые, редкие еще комары. И эти звуки, и запахи ветра великой пустыни беспокойно-томительной радостью входили в душу Тайчу-Кури.

В стороне от куреня, у родника, выбегающего из леса, стояла одинокая юрта. Тайчу-Кури направился к ней. Он был бос, и ступни ног, привыкшие за зиму к обуви, покалывала сухая трава, но до чего же хорошо было идти вот так, ощущая подошвами траву и прохладу сырой земли.

Он уже подошел к юрте, когда из-за нее, злобно лая, вылетел тощий пес, рванул Тайчу-Кури за штаны. Лягнув собаку пяткой в бок, Тайчу-Кури бросился в сторону, но она снова вцепилась в штаны. Из юрты прибежала девушка, закричала на собаку, и та, опустив хвост, повизгивая, потрусила в сторону.

– Укусила? – Девушка остановилась рядом с Тайчу-Кури.

– Нет. Только вот штаны…

Тайчу-Кури выставил вперед правую ногу. Ветхие, много раз чиненные штаны из козьей кожи были разорваны от колена до низа. Девушка засмеялась. Один верхний зуб у нее был с заметной щербинкой, от этого она показалась Тайчу-Кури некрасивой. На ней был халат из дешевенькой ткани, с засаленным подолом и обтрепанными рукавами.

– Ты идешь к нам? – спросила девушка.

– Да, мне нужен хозяин этой юрты.

– Он мой дедушка. Но его сейчас нет, тебе придется подождать. А пока давай я зашью штаны.

– Мне их снять?

– Вот еще! – Девушка покраснела, пошла в юрту.

Тайчу-Кури тоже покраснел, поняв, что сказал глупость. И ему стало весело от этой своей глупости. Покрутил головой, сел на березовый обрубок у входа в юрту. Девушка принесла нитки из сухожилий, иголку, стала перед ним на колени, принялась за работу. Он смотрел на ее тонкие, проворные пальцы с выпуклыми ногтями, на неровный пробор в гладко зачесанных волосах, на розовые уши, и ему вдруг захотелось сжать в руках ее пальцы, слегка подергать за уши или за волосы. Но он боялся, что девушка может рассердиться, и сидел неподвижно.

– У тебя есть отец? – спросил он.

– Нет. Его убили татары.

– А мать?

– Мать увели в плен меркиты.

– Кроме дедушки, у тебя никого нету?

– Никого…

– А у меня есть мать, – сказал Тайчу-Кури и, подумав, что это звучит хвастливо, поправился: – У меня, кроме матери, тоже никого нет. Мой отец тоже был воином Есугей-багатура, но его убили не татары, а нукеры Таргутай-Кирилтуха.

Он замолчал, положил руку на ее голову, провел по волосам.

– Ты чего? – Она подняла голову, в черных блестящих глазах было удивление.

– У тебя волосы гладкие-гладкие. Ты их маслом смазываешь?

– Нет, они сами по себе такие.

– А у меня жесткие. Прямо как на хвосте у быка. – Он наклонился, взял ее руку и приложил к своей голове.

– И верно, – сказала она, убирая руку. – У кого волосы жесткие, у того и характер жесткий…

– А я не знаю, какой у меня характер… А у тебя?

– И я не знаю. – Она откусила нитку, провела ладонью по шву. – Ну вот, опять как новые.

Улыбнулась лукаво. Ее лицо с широко расставленными глазами и маленьким, чуть вздернутым носом на этот раз нисколько не портил зуб со щербинкой.

Тайчу-Кури стукнул девушку по плечу, со смехом сказал:

– Сколько времени сидим с тобой, а я даже не спросил, как твое имя. Ну скажи, не дурак ли?

– Меня зовут Каймиш.

На пригорке среди редких осин показался старик с вязанкой тонких палок за спиной. Пес вертелся вокруг него, прыгал, весело крутил хвостом. Каймиш побежала навстречу деду, взяла у него вязанку, взвалила на свои плечи. Тайчу-Кури только сейчас вспомнил, что пришел сюда по делу, встал, сдержав вздох, сказал:

– Меня послал сын Таргутай-Кирилтуха Улдай. Он велел тебе сделать для него сто стрел.

Дед равнодушно посмотрел на Тайчу-Кури, ничего не ответил. Он был очень стар. Худое, с выпирающими скулами лицо изрезали морщины, редкие волосы усов и бороды были уже не белые, а желтые, как прошлогодняя трава. И халат, и гутулы на нем тоже были старые, в заплатах. Он устало присел на березовый обрубок.

– Садись, парень. Или торопишься?

Тайчу-Кури сел. Солнце склонилось к закату, тени от сопок и юрт легли на степь длинными полосами, в синем небе висело облачко с золотым боком. Пес подошел к старику, положил голову на его колени, розовым языком лизнул руки, оплетенные темными узловатыми жилами.

– Сделаю я стрелы Улдаю, – сказал старик. – Попробуй не сделать!

Каймиш разожгла возле юрты огонь, стала готовить ужин. Старик достал из вязанки березовую палку, прижмурив один глаз, внимательно осмотрел – прямая ли, начал сушить над огнем.

– А мне можно? – спросил Тайчу-Кури: ему очень хотелось быть полезным старику.

– Попробуй. Только у тебя ничего не получится. Стрелу сломать, потерять ничего не стоит. А сделать… Вот полдня проходил, а сколько палок срезал? Штук двадцать, не больше. Палка должна быть без сучьев, с прямослойной древесиной. Хорошее древко стрелы получается из березы. Еще лучше – из степной карганы. Но за карганой надо далеко ходить, а у меня сил маловато.

– Ты покажи, какие палки нужны, – сколько хочешь нарежу. Мне это ничего не стоит…

– Спасибо. Ты добрый парень. – Старик поворачивал палку над пламенем, и она дымилась, шипела.

– А почему на солнце не сушишь? – спросил Тайчу-Кури.

– Огонь лучше. Стрела, высушенная на огне, будет прямой и гибкой.

Разговаривая со стариком, Тайчу-Кури все время поглядывал на Каймиш. Иногда их взгляды встречались, и тогда Тайчу-Кури весело улыбался.

После ужина старик очистил палку от обгоревшей коры, тщательно срезал все неровности, на одном конце сделал полукруглый вырез, другой заострил и подогнал его к железному наконечнику.

– Готово? – спросил Тайчу-Кури.

– Нет, еще нет. Надо сварить рыбий клей и приклеить наконечник. И оперение надо приклеить. Самое лучшее оперение получается из крыльев орла. Но если нет орлиных, сойдут крылья лебедя, луня, вороны, даже сойки. После всего этого древко стрелы надо зачистить так, чтобы оно было гладким и блестящим, будто покрытое китайским лаком. Зачищает стрелы лучше, чем я сам, моя внучка.

– Ты научил меня, дедушка…

– Научил, верно. Пальцы у тебя чуткие. Когда я был молодым, мои пальцы тоже находили неровности, которые не видит самый острый глаз.

Стемнело. Тайчу-Кури пора было возвращаться домой, но идти не хотелось. Старик словно угадал его мысли, сказал:

– Если хочешь, приходи к нам каждый день. Я буду учить тебя делать стрелы.

– О, я очень-очень хочу научиться делать стрелы! – обрадовался Тайчу-Кури.

Старик посмотрел на него, на внучку, морщинки собрались у смеющихся глаз.

– Каймиш тоже хочет, чтобы ты научился. А, Каймиш?

Девушка опустила глаза, стала поправлять головни в огне.

– Ну, иди проводи парня, а то собака укусит.

В нескольких шагах от огня было так темно, что Тайчу-Кури не видел Каймиш, только слышал ее ровное дыхание и шелест травы под гутулами.

– Я буду к вам приходить? – спросил он.

– Как хочешь. Только… – Она засмеялась. – Штаны покрепче надевай.

– Ничего, ты зачинишь! – тоже смеясь, ответил он. – Да и нет у меня других штанов.

Он протянул руку, обхватил девушку за шею, притянул к себе. Но Каймиш вырвалась, толкнула его и убежала. Он медленно пошел к огням куреня, останавливался, смотрел на крупные звезды, на огонек у юрты старика и чувствовал, как душа наполняется незнакомой для него радостью.

Дома его ждали гости. В юрте у очага сидели Сорган-Шира и шаман Теб-тэнгри. Мать упрекнула его:

– Где ты ходишь? Я уже хотела тебя искать.

– Я не теленок, мама, не потеряюсь.

– Тайчу-Кури, ты видишь Тэмуджина? – спросил Теб-тэнгри.

– Нет, с тех пор как он работает у Джарчиудая, я его не вижу. Я к ним не хожу. Этот кузнец очень сердитый. Вот старик, делающий стрелы, хороший человек!

– Подожди, Тайчу-Кури, – остановил его Сорган-Шира, понизив голос. – Теб-тэнгри приехал просить нас помочь Тэмуджину бежать отсюда.

– Помогать надо было раньше, пока жил у нас.

– Вот и я говорю то же, – сказал Сорган-Шира. – Теперь как поможешь? Каждому своя жизнь дороже чужой.

Булган, сидевшая в стороне, поднялась, удивленно всплеснула руками:

– Да вы что? Разве Тэмуджин перестал быть нашим природным господином? Разве его отец не оказывал милостей тебе, Сорган-Шира? Разве не в одежде Тэмуджина вырос ты, Тайчу-Кури?

Теб-тэнгри, слушая Булган, одобрительно кивал головой:

– Так, так… Какие времена настали: женщина говорит языком мужчины, а мужчина – языком женщины. Ты боишься за свою жизнь Сорган-Шира? А гнева духов не боишься? Вы знаете, что мне Таргутай-Кирилтух угрожал вырвать язык. Однако я пришел сюда, не испугался. Духи открыли мне: тот, кто будет помогать Тэмуджину, обретет покровительство Неба.

– Зачем так много говорить? – удивился Тайчу-Кури. – Помочь я всегда готов. Только как поможешь? Подумать надо.

– Будем думать вместе, – сказал Теб-тэнгри.

Было уже очень поздно, когда они закончили разговор. Теб-тэнгри и Сорган-Шира направились к юрте кузнеца Джарчиудая. Тайчу-Кури подождал, когда в ночи стихнут их осторожные шаги, посмотрел в ту сторону, где была юрта деда Каймиш. Там все еще мерцал слабый огонек.

XII

В шестнадцатый день первого летнего месяца на Ононе, как всегда, проводились состязания борцов, стрелков из лука и скачки. А за два дня до праздника меркиты напали на айлы пастухов Даритай-отчигина и Хучара, разграбили юрты, угнали много скота, увели с собой десять молодых парней и около двадцати девушек.

Нукеры Таргутай-Кирилтуха могли перехватить меркитов, отбить людей и скот, но они не сделали этого.

Кузнец Джарчиудай, узнав, как все было, ругался целый день. В плен к меркитам вместе с другими парнями попал его племянник, тоже умелый кузнец.

– Видишь, какие вы нойоны! – говорил Джарчиудай Тэмуджину. – Собаки, когда волк нападает, вместе держатся, глупые овцы и те в кучу сбиваются. Только вы можете стоять в стороне и даже радоваться, когда с других летят клочья шерсти.

Тэмуджину было не по душе, что Джарчиудай говорит о нойонах вот так, без разбору. Всех свалил в одну кучу и тут же, походя, причислил его к ним. Заспорил и, разгорячившись, даже начал защищать Таргутай-Кирилтуха:

– Откуда тебе знать, почему он не напал на меркитов? А если сил не хватило!

– Молчи! – прикрикнул кузнец. – Осилить меркитов ничего не стоило. Но Таргутай-Кирилтуху это невыгодно. Твой дядя Даритай-отчигин того и гляди уйдет из-под его власти. Что плохо для Даритай-отчигина, то на пользу Таргутай-Кирилтуху. Вот и выходит: одного нойона грабят, другой радуется.

– Не может быть…

Джарчиудай не дал ему говорить, свирепо глянул в лицо, спросил:

– Почему ты здесь? Почему на твоей шее березовая канга? Почему тебя не освободит твой дядя Даритай-отчигин или двоюродный брат Хучар? Или Алтан? Или Сача-беки? Или Бури-Бухэ? Вон сколько у тебя родичей! А ты тут. Надо было не березовую – железную колодку надеть на твою шею, раз ты такой малоумный!

Кузнец притронулся к тому, о чем в последнее время с растущей обидой думал Тэмуджин. Почему его судьба безразлична для близких родичей? Или все они такие, как Таргутай-Кирилтух? Да и кто такой Таргутай-Кирилтух? Тоже человек одной с ним крови, тоже родич, хотя и не такой близкий, как Даритай-отчигин, Хучар, Алтай, Сача-беки и Бури-Бухэ. Неужели родичи не понимают, что, унижая его, Таргутай-Кирилтух унижает весь род? Верно говорят: где поселилась робость, оттуда ушла гордость.

Перед праздником вечером к юрте Джарчиудая подскакал Аучу-багатур, резко осадил коня, нетерпеливым жестом руки подозвал Тэмуджина.

– Рано утром вместе с Тайчу-Кури пойдешь на празднество. Будешь носить дрова, воду, чистить котлы.

– Он будет помогать мне, – сказал Джарчиудай – Слуг у вас и без Тэмуджина хватает.

– Но такой – единственный. Пусть те, кто заносится слишком высоко, посмотрят на него и подумают, какая участь ждет их, если воспротивятся воле Таргутай-Кирилтуха. А ты, кузнец, не суйся, когда тебя не спрашивают. Что-то больно уж часто свое своенравие выставляешь. Доберусь и до тебя.

– Хотела лисица волком быть. Коня за хвост поймала, да зубы потеряла, – пробурчал кузнец.

Шрам на лбу Аучу-багатура набряк, кожа на скулах натянулась. Но Тэмуджин ничего этого не заметил. Он предвидел, как будут пялить на него глаза любопытные и насмехаться недоброжелатели, стиснул зубы, замотал головой:

– Не буду прислуживать! Это твое дело – ползать у ног Таргутай-Кирилтуха.

Аучу-багатур поднял над головой плеть. Тэмуджин отскочил в сторону, и под удар попал Джарчиудай. Ветхий, сопревший от пота халат на его плече лопнул, но кузнец не сдвинулся с места, он будто окаменел, не мигая смотрел на Аучу-багатура. Тот с бранью умчался. Кузнец плюнул ему вслед, потер оголенное плечо.

– Так награждают нас нойоны за острые копья и звонкие мечи. Джэлмэ, позови Сорган-Шира. Поговорить надо…

Сорган-Шира часто захаживал к Джарчиудаю, они подолгу о чем-то говорили наедине. В последний раз разговор кончился спором. Сорган-Шира быстро вышел из юрты, испуганно оглядываясь и вытирая пот с лысеющей головы. А Джарчиудай долго после этого бубнил что-то под нос, сердито передергивал косматыми бровями.

Когда пришел Сорган-Шира, кузнец пригласил его в юрту, закрыл за собой полог. Тэмуджин вместе с Джэлмэ и Чаурхан-Субэдэем остались сидеть у огня. В курене было шумно: люди готовились к празднику. Из степи подъезжали всадники, тянулись повозки. У белых юрт Таргутай-Кирилтуха горели большие огни, возле них толпились люди. Недалеко от куреня, там, где должны были состояться состязания, тоже горели огни – их разожгли гости из дальних куреней и айлов.

Тэмуджину вспомнился тот праздник, где он участвовал в скачках. Как он радовался тогда красному халату, сшитому матерью, как не терпелось ему помчаться на гнедом по зеленому лугу, каким счастливым он был, оставляя позади наездников.

И там проклятый Таргутай-Кирилтух впервые зло, несправедливо обидел его. Если бы не он, угрюмый и безжалостный Таргутай-Кирилтух, его жизнь была бы совсем иной.

– Ты возьмешь меня на праздник? – спросил у Джэлмэ Чаурхан-Субэдэй.

Но и Джэлмэ было не до него. Он все время прислушивался к глухим голосам в юрте, ему так хотелось узнать, о чем ведут речь отец и Сорган-Шира, однако разобрать слова было невозможно, а тут еще мешает брат. Показал ему кулак:

– Вот тебе праздник! Неотвязный, как чесотка.

Джэлмэ встал и ушел от огня.

– А вот я, когда вырасту большим, буду всех маленьких ребят брать на праздник, – с обидой в голосе сказал Чаурхан-Субэдэй.

Тэмуджин, вспомнив своих братишек, обнял мальчика, подумал вдруг, что этот вечер, теплый, с яркими звездами над головой, с огнями в густой темноте, возможно, последний в его жизни. Он не будет прислуживать гостям Таргутай-Кирилтуха. Пусть лучше убьют. Если суждена такая жизнь, к чему она?

От горестных дум, от жалости к себе хотелось плакать, и он все крепче прижимал к себе худенькое тело Чаурхан-Субэдэя, не хотел, чтобы мальчик видел слезы на его глазах.

Из темноты неслышно подошел Джэлмэ, наклонился к Тэмуджину:

– Они хотят, чтобы ты убежал домой.

Тэмуджин не сразу понял смысл его слов, а поняв, встрепенулся:

– Врешь?

– Пусть злые мангусы вынут и съедят мою печень, если вру! Ты должен бежать, так они говорят.

И все равно Тэмуджин не поверил. Скорей бел-камень сам по себе треснет, чем Джарчиудай станет думать о его побеге. Зачем ему рисковать своей головой? Нет, Джэлмэ что-то напутал.

– А куда он побежит? – спросил у брата Чаурхан-Субэдэй.

– Молчи ты, настырный! – Джэлмэ стукнул его по спине. – Сболтни где-нибудь!

– Тэмуджин, скажи ему, чтобы не дрался. Я не маленький, не сболтну.

– Не дерись, Джэлмэ. А ты, Субэдэй, конечно, не маленький, и ты никому ничего не скажешь. Даже отцу.

Как хотелось бы Тэмуджину, чтобы Джэлмэ ничего не напутал! Он с нетерпением смотрел на двери юрты. В узкую щель пробивалась полоска света, голосов кузнеца и Сорган-Шира не было слышно. Они, видимо, стали говорить совсем тихо.

Наконец Сорган-Шира вышел, настороженно огляделся и исчез в темноте. Тэмуджин ждал, что Джарчиудай позовет его. Но он позвал Джэлмэ и Чаурхан-Субэдэя.

– Ложитесь спать.

– А ты? А Тэмуджин? – спросил Джэлмэ.

– Мы пойдем в кузницу. У нас есть работа.

Кузнец правой рукой взял за воротник Джэлмэ, левой Чаурхан-Субэдэя, впихнул их в юрту.

– Высунетесь – побью! – И опустил полог.

В кузнице Джарчиудай молча осмотрел железный запор на колодке, взял клещи, молоток, вырвал штырь. Звякнув запором, колодка упала на землю. Тэмуджин постоял, растирая шею, сделал шаг и чуть не упал, потеряв равновесие без привычной тяжести на плечах. Сердце стучало гулко, неровно. Неужели воля?

А Джарчиудай поднял колодку, протянул ее Тэмуджину.

– Возьми. Сейчас ты снова наденешь ее. Утром пойдешь на праздник. Все нукеры будут крепко выпивши. Лучшего случая для побега не дождешься. Когда придет время, ты выдернешь штырь руками. Сорган-Шира приготовит тебе коня и пищи на дорогу.

– Джарчиудай, ты хороший человек. Я этого никогда не забуду!

– Сначала унеси ноги…

– Мне бы только вырваться в степь на коне! – Тэмуджин зажмурился, тряхнул головой, пьянея от одной мысли о воле.

Ночью он почти не спал. Мысли бежали, как горный ручей по камням, он ни на чем не мог сосредоточиться: то видел себя далеко от этих мест, среди родных людей, то вдруг начинал бояться, что побег не удастся, его поймают, будут бить, а может быть, даже лишат жизни. Едва в дымовом отверстии юрты посветлело небо, он поднялся, осмотрел колодку, увидел небольшой скол в том месте, где сидел штырь, замазал его пеплом и землей, чтобы никто не заметил. Проснулся и Джэлмэ. Выскочив из юрты, он знаками позвал Тэмуджина.

– Ты убежишь сегодня. Я знаю.

– Опять подслушивал?

– Угу. – Джэлмэ протянул ему широкий короткий нож. – Возьми, пригодится.

За Тэмуджином пришел Тайчу-Кури, и они отправились к тому месту, где должны быть состязания. Солнце только что взошло, над светлой лентой Онона, над прибрежными тальниками поднимался теплый прозрачный пар, в кустах щелкали и пели птицы. На месте празднества теснились телеги с неразборными юртами, стояли походные шатры, курились дымки под котлами. Слуги готовили пищу, нойоны в окружении жен, детей сидели на войлоках, жмурились от яркого солнца, зевали и лениво потягивались.

Прискакал Аучу-багатур, выбрал место для стоянки Таргутай-Кирилтуха, и Тэмуджин вместе со слугами ставил юрты. Потом баурчи нойона заставил его и Тайчу-Кури собирать сухие палки на дрова, чистить котлы, носить из реки воду. Он не давал им никакой передышки. Когда начались состязания, им не удалось посмотреть ни борьбу, ни стрельбу из лука, ни скачки. От грохота барабанов, от криков многоголосой, горластой толпы в ушах Тэмуджина стоял звон. Солнце поднялось высоко и пригревало все сильнее, колодка противно скользила

по мокрым от пота плечам; сейчас, когда Тэмуджин знал, что может сбросить ее в любое время, она стала особенно ненавистной. И веселый шум праздника вызывал в нем злобу.

После состязаний у юрт Таргутай-Кирилтуха собрались знатные гости, начался пир. Среди гостей были и родственники Тэмуджина: Даритай-отчигин, Хучар, Сача-беки, Алтан, Бури-Бухэ – все, как и он, потомки прославленного Хабул-багатура, его прадеда, первого хана монголов. Перед ними стояли чаши с вином и огромные деревянные блюда с мясом, а он, потный, в грязной и рваной одежде, с позорной и тяжкой колодкой на шее, словно черный раб, добытый копьем в чужих землях, прислуживает медлительному баурчи Таргутай-Кирилтуха. И ему, и им, и всем гостям понятен смысл происходящего. Отводит глаза Хучар; не сидит на месте, вертится, будто под ним не мягкий войлок, а подстилка из ветвей шиповника, Даритай-отчигин; хмурится коренастый крепыш Сача-беки; покусывает губы красавец Алтан; недовольно сопит силач и забияка Бури-Бухэ. И только всегда насупленный Таргутай-Кирилтух сегодня добродушен и приветлив. Для него Тэмуджин одна из стрел, выпущенных в супротивников. Эта стрела, он видит, попала в цель. Что же, радуйся, Таргутай-Кирилтух! И вы, дорогие родственники, смотрите, как унижают одного из вас, смотрите и помните.

Баурчи снова послал его за дровами. Он взял веревку, огляделся. Пирующие заметно захмелели, на него уже не обращали внимания. И он подумал, что больше сюда не вернется. Хватит. Будь что будет.

Вместе с ним пошел и Тайчу-Кури.

– Ты не ходи, – сказал он ему.

– Аучу-багатур приказал ни на шаг на отставать от тебя. Замечать всех, кто попробует говорить с тобой.

– И все-таки останься.

Тайчу-Кури вытер потное лицо, посмотрел на солнце.

– До ночи еще далеко.

– О чем ты говоришь? – насторожился Тэмуджин.

– Просто так. – Тайчу-Кури простодушно улыбнулся.

Но Тэмуджин не поверил его простодушию. Он встревожился еще больше. Если Тайчу-Кури догадался о его замысле, догадаются и другие. Надо бежать, не теряя и мгновения.

В кустах он выдернул из колодки штырь, бросил ее в траву.

– Не надо, Тэмуджин! – забеспокоился Тайчу-Кури. – Рано еще.

– Не твое дело! Твое дело молчать.

– Ладно, – уныло согласился Тайчу-Кури. – Только ты свяжи меня и стукни по голове колодкой.

Тэмуджин захлестнул веревку петлей на его ногах, связал за спиной руки. Тайчу-Кури встал на колени, опустил голову:

– Бей.

Он посмотрел на его голову с прямыми жесткими волосами и двумя вихрами на макушке, отвернулся. Не мог он его ударить.

– Стукни, Тэмуджин. Хорошо стукни. Иначе мне смерть.

Пересиливая отвращение к самому себе, Тэмуджин поднял колодку и с силой опустил ее на голову. Тайчу-Кури ткнулся в траву, застонал. Приподнялся. От его лица отхлынула кровь, на бледном лбу дрожали крупные капли пота. Он попытался улыбнуться:

– Хорошая шишка будет. На память. Беги. Пусть духи-хранители оберегают тебя.

Тэмуджин пошел вниз по реке, в сторону куреня. В Ононе по колено в воде стояли лошади, опустив головы и помахивая хвостами, под кустом, в тени, сидели два нукера. Прячась за тальниками, Тэмуджин стал обходить караульных. Но они его заметили, окликнули. Тэмуджин побежал. Воины бросились за ним, но сразу же отстали. Это его не успокоило. Если они наткнутся на Тайчу-Кури, сразу поймут, кто беглец, и тогда ему несдобровать.

Так, видимо, и получилось. Вскоре он услышал за спиной стук копыт. Судя по всему, за ним гналось множество всадников. Одни мчались следом по кустам, другие – по степи, обходя его справа. Он побежал, не останавливаясь и не прислушиваясь к погоне. Ветви хлестали по лицу, рвали ветхую одежду. И вдруг тальники кончились. Впереди была открытая, чуть всхолмленная местность с низкой, выгоревшей на солнце травой и редкими метелками дэрисуна. Ни убежать, ни спрятаться. Слева плескалась река. Тэмуджин бросился в воду, намереваясь переплыть на ту сторону, но тут же понял, что не успеет, всадники сейчас будут здесь, закидают его стрелами или пойдут вплавь, догонят, выволокут из воды, как рыбу тайменя.

Он вернулся к берегу. Ноги под водой нащупали корягу. Подсунув под нее ступни, он присел, ухватился за ветку, подтянул ее к лицу. Сейчас, когда над водой было только его запрокинутое лицо, погоня могла пройти мимо.

С шумом, словно ветер-бурелом, промчались по берегу всадники и остановили коней за кустами. Они тоже поняли, что убежать по чистому месту он не мог.

– Должен быть где-то здесь. Ищите. Не найдете – всех запорю!

По голосу Тэмуджин узнал Аучу-багатура.

Нукеры спешились и начали обшаривать кусты. Один из них подошел к тому месту, где прятался Тэмуджин. Из-под его ног в воду сыпались комочки земли, упала и поплыла сухая ветка. Нукер сказал кому-то:

– На ту сторону переплыл. Тут искать нечего.

– Аучу-багатур послал людей и на ту сторону. Никуда не денется. Всем испортил праздник, рыжий волчонок.

– Попадется, ох и всыпем!..

Голоса постепенно отдалились. Наступила тишина. Выше, в омуте, затененном берегом и кустами, всплеснулась рыбина, и круги побежали по воде. На середине реки играли белые солнечные блики, их яркий свет слепил глаза. На той стороне по низкому песчаному берегу ехали всадники. Они останавливались, склоняясь, внимательно осматривали песок – должно быть, искали его следы.

На этом берегу нукеров не было больше слышно, но он не рискнул вылезать из воды. Когда стемнело, поплыл вниз по течению, прижимаясь к берегу. Напротив куреня вылез из воды и, где ползком, где на четвереньках, добрался до Сорган-Шира. В его юрте едва теплился огонь. Хозяин был напуган.

– Бери коня и уезжай скорей. Убьют из-за тебя. Тайчу-Кури едва ли жив будет. Как они его били!

Сыновья Сорган-Шира, Чимбай и Чилаун, сидели тут же, рядом с отцом. Они переглянулись. Старший, Чимбай, сказал:

– Нельзя ему сегодня ехать, отец. Везде нукеры. За куренем караулы.

– А здесь поймают, тогда что? – злым шепотом спросил Сорган-Шира.

– Надо сделать так, чтобы не поймали, – сказал Чимбай.

Пока Сорган-Шира спорил с сыновьями, его дочь Хадан принесла Тэмуджину кусок отварного мяса и чашку кислого молока, но он не стал есть, молча слушал спор, проводил ладонями по своему телу, отжимая воду из одежды. Ему хотелось сейчас же уехать отсюда. Но он понимал, что выбраться из куреня незамеченным вряд ли удастся. Пока крался от берега к юрте Сорган-Шира, заметил, что курень гудит так, будто на подступах к нему находится враг.

Хадан поддержала братьев:

– Мы его спрячем в воз с шерстью. Никто не найдет.

– Ладно, – нехотя согласился Сорган-Шира.

Братья и Сорган-Шира свалили воз шерсти, Тэмуджин лег на дно телеги, и они снова сложили шерсть, затянули веревками.

На другой день опять нещадно палило солнце. Тэмуджин задыхался от жары, от запаха шерсти, страшился неизвестности. В полдень кто-то постучал по дну телеги.

– Это я, Чимбай. Они ищут тебя по юртам. Лежи тихо.

Тэмуджин достал из-за пазухи нож – подарок Джэлмэ, стиснул его в руке. Если найдут, пусть попробуют взять. Но эта мысль не принесла успокоения. Он себя чувствовал беспомощным птенцом в гнезде, рядом с которым шныряет голодная лисица. Хотелось выскочить и бежать без оглядки, все равно куда, лишь бы не ждать…

Возле юрты послышались голоса. Кто-то быстро прошел мимо телеги.

– Тэмуджина ищете? – Это голос Сорган-Шира, он звучит с умильным подобострастием. – Хорошо ищите негодника. Вот здесь посмотрите. И там. Кто его знает, где ему взбредет в голову спрятаться. Говорят, парень больно уж хитрый.

Голоса приблизились к телеге.

– Чья шерсть?

– Моя. А сам я верный слуга высокочтимого Таргутай-Кирилтуха. Значит, и шерсть его.

– Развязывай веревки.

– Хорошо. Я сейчас. Узел затянулся… Фу, жарища какая! Кто может усидеть в шерсти в такую жарищу? Сейчас хорошо сидеть в прохладной юрте и пить кумыс.

– У тебя есть кумыс?

– И кумыс, и архи найдется. Вот проклятый узел. Разрезать – веревку жаль.

– Брось. В такую жару и верно никто не усидит в шерсти. Пошли в твою юрту.

Тэмуджин понял, что и на этот раз вечное синее небо смилостивилось над ним.

Ночью он выбрался из куреня. Рассвет застал его далеко в степи. Под ним был добрый конь, в седельных сумах запас пищи и бурдюк с кумысом, в руках тугой лук. Теперь его никто не возьмет. Три-четыре дня в пути – и он будет дома.

Свежий ветер пригибал траву. На востоке полыхала кроваво-красная заря. В степи стояла тишина, какая обычно бывает перед грозой или затяжным ненастьем.

XIII

Булган поставила к постели чашку и вышла из юрты. Тайчу-Кури, стиснув зубы, сдерживая стон, повернулся на бок, хлебнул глоток прохладного, покалывающего в носу кумыса, снова лег на спину. Все тело было в синяках и ссадинах, лицо опухло, глаза заплыли, в голове беспрестанно звенело, и звон давил на виски.

На берегу его, кое-как связанного Тэмуджином, подобрали нукеры и поволокли к Таргутай-Кирилтуху. Тайчу-Кури лежал мешком, словно был без сознания, и покорно ждал решения своей участи.

Таргутай-Кирилтух осмотрел колодку.

– Один ее снять не мог. Кто помог?

– Кузнец Джарчиудай. Я так думаю, – сказал Аучу-багатур.

– «Думаю», – ворчливо передразнил его Таргутай-Кирилтух. – Раньше надо было думать. Пошли за кузнецом. А сам ищи Тэмуджина. – Пнул ногой Тайчу-Кури. – Ты, вшивый харачу, как посмел упустить его?

Тайчу-Кури замычал, крепче зажмурил глаза.

– Тэмуджин, кажется, бил его. Видите, какой он… – посочувствовал кто-то Тайчу-Кури.

– Притворяется, – сказал Аучу-багатур. – Они сговорились. Я это давно понял.

– Мы сейчас узнаем, притворяется или нет.

В то же время резкий удар плети ожег спину Тайчу-Кури, из горла само по себе вылетело:

– Ай!

Дернулся всем телом, рванул связанные руки. Нукеры, гости засмеялись. С него сняли веревку, поставили на ноги. Увидев гневное лицо Таргутай-Кирилтуха, он попятился, быстро заговорил:

– Он меня чуть не убил… Шишка на голове… Ой, больно…

– Дайте ему! – приказал Таргутай-Кирилтух.

Нукеры били его плетями, кулаками, пинали. Валяясь на земле и корчась от боли, он орал изо всех сил. Понемногу тело перестало чувствовать, и удары воспринимал как безвредные толчки. А потом и совсем ничего не чувствовал.

Очнулся, когда на берегу уже никого не было. Садилось солнце. Сырой, прохладный воздух тек от реки. Звенели комары. Пролетела стрекоза, сверкнув прозрачными крыльями. Белая трясогузка села у погасшего огня, покачивая длинным тонким хвостиком, побежала по земле, деловито цвикая. Тайчу-Кури заплакал – от боли, от обиды, от радости, что остался жив, что видит теплую синеву неба.

В сумерках за ним пришла мать. Опираясь на ее плечо, он еле дотащился до юрты. Тело было словно чужое, уже позднее пришла боль. Но он не стонал, не жаловался. Мать и без его стонов вся почернела от горя.

Два раза приходил Сорган-Шира. Он был испуган, от страха редкие волосы на лысеющей голове стояли торчком, наклонялся к уху, шептал:

– Молчи. Никому ни слова не говори. Джарчиудая они тоже били. Но он ничего не сказал. Он крепкий, как железо.

– Я тоже крепкий и буду молчать. Ты не бойся.

– Поправляйся. Пусть твоя мать приходит ко мне, я буду давать ей кумыс и хурут.

– Спасибо. А что слышно о Тэмуджине?

– Ничего. Ушел. Его ищут. Будет умным – не найдут: степь велика. Натерпелись мы из-за него. Но забудем об этом. Выздоравливай. Пей больше кумыса.

Кумыс – напиток добрый. Тайчу-Кури снова потянулся к чашке, выпил ее до дна. В открытую дверь юрты видна была степь. Под жарким солнцем увядала трава, нагретый воздух морщила мелкая рябь, неумолчно скрипели кузнечики. Он задремал. Сквозь дрему услышал в юрте шаги.

– Ты, мама?

– Нет! Это я.

У постели стояла Каймиш. В ее лице было удивление, испуг.

– Что они с тобой сделали?

– Толстый, да? Когда меня бьют, я всегда толстею. Ты была на празднике?

– Да, мы ходили все трое – дедушка, пес и я.

– И ты видела, как меня били?

– Нет, этого я не видела. Мы ушли домой сразу после состязаний.

– Зря. Надо было посмотреть. Знаешь, как это весело. Когда меня бьют, мне всегда весело.

– Ты всегда такой болтливый?

– Нет, только с тобой.

– Тебе очень больно? – Она осторожно притронулась к огромному синяку над правым глазом.

Он задержал ее руку, приложил ладонь к горячему лбу:

– Сейчас – совсем не больно.

К дверям юрты подошел пес. Тот самый, что рвал ему штаны. Посмотрел на них, протяжно зевнул, лег на землю, положив на передние лапы голову.

– Ты зачем его привела? Штаны мои рвать?

– Да. Он уже давно не рвал. Соскучился.

– А ты?

– А я давно не чинила. Тоже соскучилась.

– Так давай чини. Штаны у меня всегда рваные.

– Нет, я чиню только дома. Сюда пришла по делу. Меня послал дедушка. Он хочет, чтобы ты научился делать стрелы. Ты ему пришелся по сердцу. Он говорит: ты хороший человек. А только хороший человек может перенять его умение.

– А тебе я пришелся по сердцу?

– Ты красивый. Особенно сейчас. – Она засмеялась.

До чего же ей идет щербинка в верхнем ряду зубов! И почему она когда-то показалась некрасивой? Такой девушки нет во всем курене!

Он попросил ее налить в чашки кумыса и был счастлив, что есть чем угостить такую нежданную и такую желанную гостью. Девушка выпила кумыс, и это обрадовало его еще больше.

– Так что я скажу дедушке? – спросила она.

– Я же тогда сказал: хочу научиться. Буду приходить к вам.

– Нет, не так. Дедушка хочет попросить тебя в помощники.

– Не отпустят. Злые они на меня.

– Скажи, Тайчу-Кури, ты хотел, чтобы Тэмуджин убежал отсюда?

– Хотел, Каймиш.

– И знал, что тебя за это изобьют?

– К этому я привык. У меня от побоев кожа стала толстой, как у быка. Не веришь? Вот попробуй ущипни ладонь.

– Хитрый какой! Пословица есть: середину ладони и самые острые зубы не укусят.

Так они болтали почти до самого вечера. Потом пришла мать, и девушка сразу застеснялась, собралась идти домой. Тайчу-Кури хотел встать и проводить ее хотя бы до порога юрты, но не смог.

После того как она ушла, Тайчу-Кури опечалился. Ну что за жизнь у него? Не захочет Таргутай-Кирилтух или Аучу-багатур, и не быть ему человеком, делающим стрелы. А если загонят в дальний айл, не видать ему Каймиш, как тарбагану зимней степи. Тэмуджин даже с колодкой на шее был счастливее, чем он. Тэмуджин рвался на волю, думал о побеге, а ему и бежать некуда, и рваться не к чему: рвись не рвись – ты харачу, и над тобой всегда хозяин. Отобьешься от одного – попадешь к другому, уйдешь от всех людей – пропадешь. Отставшая от стада овца – добыча волка. Почему Небо одним дает все, другим – ничего? Ему не надо ни богатства, ни славы, ни почестей, ему бы юрту, коня, несколько десятков овец и немного воли – больше ничего не нужно. Нет, еще нужно, чтобы рядом была Каймиш. И дедушка ее чтобы тоже был рядом. Вечером все сидели бы у огня, разговаривали и сушили гибкие прямые прутья харганы. Разве это много? «Вечное синее Небо, духи, творящие добро, помогите мне обрести желанное!»

Часть третья

I

Во главе двух сотен воинов племени джаджират Джамуха приближался к куреню хана кэрэитов. На нем был шлем из толстой бычьей кожи, обложенной узкими железными полосками, начищенными до блеска; чешуйчатый куяк, сплетенный из прочных ремней, туго обтягивал грудь и плечи; на голубом шелковом поясе (подарок хана Тогорила) спереди висел нож с серебряной чеканной рукояткой, сбоку – кривая сабля в зеленых ножнах, украшенных медными кольцами; носки легких замшевых гутул упирались в бронзовые фигурные стремена; к седлу был приторочен сайдак, расшитый цветными нитками. Его воины были одеты много проще, однако оружие, правда без всяких украшений, было у всех. Остро вспыхивали отточенные жала копий. Над алгинчи – передовым – трепетал туг из белых конских хвостов.

Джамуха с гордостью оглядывался на воинов. Это его дружина, созданная, вооруженная им самим. Когда-то, опасаясь за свою жизнь, он вынужден был искать покровительства Тогорила. Хан принял его, помог занять место отца в своем племени. Но эту дружину он создал сам, своим умом и трудом, и теперь никто из соплеменников уже не смеет оспаривать его власти.

Солнце поднялось от земли на три копья, когда они въехали в курень. Огромная площадь перед ханским шатром была запружена всадниками в боевых доспехах. «Опоздал», – подумал Джамуха. Тогорил просил прибыть его в курень не позднее вчерашнего дня… Но не беда. Хан собрал воинов не для отражения врага, не для похода на чужие курени, а для торжественной встречи посла государя найманов – полководца Коксу-Сабрака. Тогорил хочет поразить ум посла многолюдием своего войска. Хан, видимо, надеется, что найманы выдадут Эрхэ-Хара – его брата и соперника. Перед этим Тогорил побывал в столице Алтан-хана китайского, обещанием платить дань и богатыми подарками купил у сына неба согласие помогать в борьбе с любыми врагами. Врагов у Тогорила хватает, но самый главный и опасный – хан найманский.

В толпе воинов началось движение. Они выстраивались, образуя перед входом в шатер узкий проход. В первых рядах становились воины в железных шлемах и рыжих накидках из шерстяной ткани, за ними – одетые похуже, в кожаных шлемах или просто в шапках. У входа в шатер на огромном войлоке в окружении старших нойонов стоял Тогорил. Из-под островерхой шапки, опушенной мехом соболя, на виски опускались черные с проседью косицы, малиновый халат тяжелого крученого шелка стягивал пояс из золотых пластин с узорной чеканкой, на гутулах с круто загнутыми носками поблескивало золотое шитье. Хану что-то говорил его брат Джагамбу, стройный, подтянутый, тоже в шелковом халате, но без золотого пояса. Сын хана Нилха-Сангун проехал на вороном коне по проходу, выравнивая ряды воинов. На нем был позолоченный шлем с назатыльником, набранным из колец, чешуйчатый железный куяк тускло взблескивал на солнце, меч в серебряной оправе позванивал о стремя. Молодое, безусое лицо Нилха-Сангуна с полными щеками и тупым подбородком было надменно-недоступным, голос звучал уверенно, властно, и Джамуха почувствовал зависть к великолепию его воинских доспехов, к его власти над этим многолюдным, хорошо уряженным войском. Глянул на свой ременный куяк, на яркий, но местами уже протертый шелковый пояс, на своих нукеров в простеньких халатах из мягкой кожи и нахмурился, стыдясь недавней гордости за дружину.

Соскочив с коня, он почтительно поклонился хану. Рябое лицо Тогорила лишь на мгновение осветилось приветливой улыбкой и тут же стало строгим, даже суровым…

– Почему ты прибыл только сегодня?

– Дорога дальняя. Лошади устали.

– Вот это-то и плохо! – Хан посмотрел на запыленные лица воинов. – Усталые люди, потные лошади… Что скажет посол? Ему станет ясно: я спешно собрал воинов со всех концов своего улуса. Это все, что у меня есть, подумает он. Поставь своих воинов в задние ряды. И пусть не высовываются.

Джамуха занял указанное ему место и остался с воинами, не вернулся к шатру: обиделся на хана. Дело совсем не в том, что тот упрекнул его за опоздание, а в том, что хан не делает различия между ним и своими нойонами. Улус его племени никогда не был улусом Тогорила. Его племя вольно выбирать друзей. Он мог сюда и совсем не приходить. Или хан думает, что если помог утвердиться на месте отца, принадлежащем ему по праву, то может вертеть им так же, как вертит своим хвостом собака?

Его нукеры тоже были недовольны. Их поставили позади боголов – рабов – племени кэрэитов. А они не рабы…

Среди воинов хана журчал веселый говорок, они гадали, будут ли состязания и праздничный пир в честь высокого гостя и перепадет ли им кое-что с богатого ханского стола.

К Джамухе подскакал Нилха-Сангун:

– Тебя зовет отец.

С неохотой ступил Джамуха на войлок перед шатром.

– Тебе подобает быть рядом со мной, – сказал Тогорил.

– Хорошо, я буду здесь.

– Ты чем-то расстроен?

Джамуха промолчал. Тогорил кивнул одному из нойонов. Тот исчез в шатре, принес темно-зеленый, расшитый на груди халат, подал его хану. Тогорил легонько встряхнул халат, кинул на плечи Джамухе:

– Это я привез из страны Алтан-хана китайского. Для тебя. – Взгляд умных глаз Тогорила задержался на хмуром лице Джамухи. – У меня два сына – Нилха-Сангун и ты. И оба близки моему сердцу. Я понимаю, ты утомлен дальней дорогой. Но крепись. Пусть Коксу-Сабрак увидит, какие у меня молодцы.

На холмике перед куренем показался всадник, помахал руками и помчался к куреню.

– Едут!

Вслед за ним на холмике появились еще всадники, и у шатра прошелестел взволнованный шумок. Всадники шагом приблизились к рядам воинов, спешились, пошли по проходу. Над воинами взлетели бунчуки и копья, зарокотали барабаны, пронзительно завыла медь трубы. Впереди шел узкогрудый и узкоплечий человек в простой одежде, без доспехов, лишь на широком ремне пояса с железной пряжкой висел короткий меч. Джамуху удивила не простота одежды, а то, что у знаменитого найманского полководца совсем не богатырский вид. Он перевел взгляд на Тогорила. Лицо хана было каменно-непроницаемым, как у истуканов, поставленных в степи древними народами, сходство с ними увеличивали темные рябинки на лбу и на щеках.

Коксу-Сабрак остановился в двух шагах, в знак уважения к хану приспустил пояс с мечом и только после этого ступил на войлок, склонил голову в поклоне, хриплым, но неожиданно сильным для тщедушного тела голосом сказал:

– Мой повелитель, отважный и мудрый Инанча-хан, велел передать, что он любит тебя, как дядя своего племянника.

Ноздри у хана Тогорила затрепетали, глаза гневно сузились, руки легли на золотой пояс.

– Я по отношению к великому Алтан-хану китайскому сын. Разве твой повелитель признан братом Алтан-хана, чтобы называть меня племянником?

– Кто осмелится сравниться с величием и могуществом сына неба! – воскликнул Коксу-Сабрак. – Но его от нас отделяет много дней пути, а наши нутуги лежат рядом, наши лошади пьют воду из одних и тех же рек.

Лукавый Сабрак ловко спрятал в обертку из вежливых слов угрозу. А что ответит хан?

Тогорил поджал губы, обвел взглядом ряды воинов, ощетинившихся копьями, чуть наклонился к Сабраку:

– Когда у человека есть отец даже в дальнем курене, он ближе сердцу, чем дядя в соседней юрте. Мне жаль, что твоему мудрому и почитаемому мною повелителю незнакома такая простая истина. Готов по-братски помочь ему уяснить эту, а попутно и другие истины.

Тогорил не поддался нажиму, на угрозу ответил угрозой. Теперь, как понимал Джамуха, посланцу Инанча-хана остается одно из двух: прервать переговоры и убраться восвояси или принять условия Тогорила. Сабрак переглянулся с советниками, дружелюбно улыбнулся хану:

– Мой повелитель эту истину знает. Ведомо ему и другое: важны узы родства, а не то, как они называются.

– Твой повелитель прав. Но я считаю, что самые крепкие узы – узы братства.

– Даже крепче тех, что связывают отца и сына?

После короткого раздумия Тогорил ответил:

– Да, если братья идут одной дорогой, а отец – другой.

Джамуха, позабыв обиду, напряженно внимал разговору, дивясь неуступчивости Тогорила. Но то, что хан так легко согласился пожертвовать своей договоренностью с китайским императором, показалось ему не слишком дальновидным, даже опрометчивым. Напрасно Тогорил думает, что добрые отношения с найманами важнее покровительства Алтан-хана. Платить дань, конечно, тягостно и унизительно, но зато из Китая придут купеческие караваны с товарами. А что можно получить от найманов? Голову Эрхэ-Хара. Однако стоит ли из-за его головы перерезать караванные пути дорогами войны? Навлекая гнев Алтан-хана, Тогорил рискует сам и ставит под удар улусы соседних племен – неужели ненависть к брату до того затмила его разум, что он этого не понимает?

Но все оказалось не так просто. Тогорил, вынудив Сабрака признать его равным с Инанча-ханом, пригласил посольство, старших нойонов в шатер, и здесь за чашами с кумысом начался главный разговор.

Сабрак повел речь о том, что степные племена, беспрестанно враждуя друг с другом, заливают землю кровью, от них нет покоя улусам мирных народов. Налеты, грабежи чаще всего остаются безнаказанными. Налетели – исчезли. Преследовать их все равно что гоняться на лошади за мышами. Так бесконечно продолжаться не может. Пришло время взнуздать нойонов степных племен. А сделать это можно лишь объединенными усилиями.

«Вон чего захотели!» – с удивлением и тревогой подумал Джамуха, и узкогрудый, хриплоголосый Коксу-Сабрак стал ему неприятен.

Тогорил сидел, стиснув в кулаке подбородок, внимательно слушал Сабрака. Позволив ему выговориться, спросил:

– Как здоровье моего любимого брата?

– Эрхэ-Хара здоров и весел.

– Я соскучился по нему за долгие годы разлуки и хотел бы его видеть.

Сабрак развел руками:

– Сейчас это невозможно. Дороги опасны. Вот когда утвердим в степи свой порядок, он сможет приехать к вам.

К удивлению Джамухи, Тогорил не стал настаивать на выдаче брата.

– Пусть будет так, – сказал он. – Каждому свое. Орлу – высота, щуке – глубина, тарбагану – нора…

На опорном шатровом столбе, увитом разноцветными лентами, висел большой бронзовый крест. Тогорил поднял глаза на крест, добавил:

– Не нам менять установленное господом богом.

Сабрак тоже посмотрел на крест быстрым, обеспокоенным взглядом. Он, кажется, ожидал, что Тогорил будет спорить и торговаться из-за Эрхэ-Хара. Если этого не делает – почему? Джамуха понял причину уклончивости Тогорила. Вольные племена чаще всего беспокоят найманов. Мир в степях приведет к тому, что найманы усилятся, но именно этого Тогорил желал меньше всего. С другой стороны, Тогорил не смеет прямо и определенно отклонить предложение Инанча-хана. Какой дорогой обойдет он затруднение? Где уступит? Чем пожертвует? Для Джамухи и его соплеменников все это важно не меньше, может быть даже больше, чем для кэрэитов.

К досаде Джамухи, хан прервал переговоры. Баурчи и его подручные принесли вино и угощение. Джамуха любил пиры, веселье, но в этот раз выпил совсем мало, его не прельстили крепкие китайские вина и сушеные фрукты из сада, как уверял Тогорил, самого Алтан-хана. С возрастающим беспокойством старался он предугадать, что надумает хан Тогорил, какое примет решение. Ясно, что он постарается извлечь из всего этого возможно бóльшую выгоду. Но то, что выгодно Тогорилу, не всегда выгодно соседствующим с кэрэитами племенам.

Беспокойство превратилось в тревогу, когда после пира хан сказал, что Джамуха вместе с воинами может возвращаться в свой курень. Это значило одно: Тогорил не желает, чтобы Джамуха присутствовал на переговорах.

– Хан-отец, я благодарен тебе, что ты не задерживаешь меня здесь. В родном курене меня ждет молодая жена и забота о благополучии моего племени. – Джамуха изо всех сил старался быть любезным, но сердце болело от обиды и тревоги.

Длинный путь по бескрайней степи, удалые песни воинов, прихвативших в дорогу вина, не успокоили его. До сих пор Тогорил был милостив к нему, по-отечески ласков и заботлив. Не будь хана, его ждала бы участь анды Тэмуджина. Где он сейчас, его брат и друг, что с ним? Слух был, что он ушел от Таргутай-Кирилтуха. С тех пор его никто не видел Может быть, даже в живых нет. Сколько раз хотел он отбить Тэмуджина, но Тогорил не велел даже думать об этом: война с тайчиутами сейчас была бы гибельной. И он не думал о спасении анды. Все делал по велению Тогорила. И седлал, и расседлывал коней по его слову – он, нойон вольного племени. Нужен – будь под рукой без опоздания, не нужен – отправляйся домой без промедления.

По сравнению с огромным шатром хана собственная юрта показалась Джамухе бедной и тесной. Жена сама, без помощи слуг, приготовила ужин. После ужина она взяла хур[26] и стала петь лукавые, веселые песни. Он покрутил головой:

– Не надо, Уржэнэ.

Она удивленно замолчала. Его жена не отличалась особой привлекательностью, но у нее был редкостный голос. Чистый, сильный, он мог тронуть и самое черствое сердце. Для Джамухи не было ничего дороже, чем песни жены, он мог ее слушать бесконечно. И Уржэнэ знала это. Вот почему она так удивилась. Но посмотрела на него, и удивление на ее лице сменилось сочувствием, словно она разом поняла его душевную сумятицу.

– Хочешь послушать улигер? – спросила она.

Джамуха кивнул головой.

Старинных сказаний она знала великое множество. В них говорилось о храбрых багатурах, которые умели отражать врагов, хранить дружбу, устраивать веселые игры и забавы.

– «Могуч был Хутула-хан, – начала Уржэнэ. – Голос его можно было услышать через семь холмов; кисти его рук как лапы медведя; самого сильного человека он сгибал пополам и переламывал, словно деревянную стрелу…»

А Джамуха с грустью думал, что древним багатурам было проще жить и легче биться. Тогда племена не истребляли друг друга. Если угрожал враг, все они объединялись и шли сра-

[26] *Хур* – музыкальный смычковый инструмент.

жаться, а в мирное время жили всяк по-своему, и не нужно было угождать какому-нибудь Таргутай-Кирилтуху, бояться Тохто-беки или жеребенком бежать возле повозки хана Тогорила.

Тихо звенели струны хура. Уржэнэ вполголоса не то пела, не то рассказывала нараспев о старинных обычаях, о сражениях и дружеских состязаниях. И Джамуха все острее понимал, что наступают иные времена. Скоро совсем не будет вольных племен. Что будет, если Тогорил сговорится с Инанча-ханом? Они, по всей видимости, сговорятся. Недаром же хан выставил его из своего куреня. Значит, замыслил что-то такое, что может быть не по нраву ему, Джамухе, нойону свободного племени джаджират. Что бы ни замыслил хан, ему трудно помешать. Эх, если бы во главе тайчиутов стоял Тэмуджин! Уж вдвоем бы они никому не позволили посягать на обычаи, по которым живут племена с незапамятных времен. Но Тэмуджин неизвестно где, если он и жив, вряд ли у него есть даже лошадь с седлом… Так что нужно полагаться только на самого себя. А что он может сделать?

Джамуха совсем перестал слушать жену. В его голове увертливо крутилась хитрая задумка…

Утром он поднял воинов, приказал каждому взять по заводному коню и повел их в степь, туда, где соприкасались кочевья кэрэитов и найманов. На первой ночевке у озера с горько-солоноватой водой он сказал воинам:

– Мы должны перехватить Сабрака и убить. Иначе узел дружбы, завязанный двумя ханами, затянется на нашей шее. Одному Небу известно, что ждет каждого из нас. На время забудьте, что вы люди славного племени джаджират. Вы кэрэиты. Будут ломать кости, вырезать из спины ремни – вы кэрэиты. Кто не надеется на себя, может возвращаться.

Никто не возвратился.

Скрытно, никем не замеченный, подобрался Джамуха к тому месту, где должен был пройти, возвращаясь домой, Коксу-Сабрак. Здесь владения найманов и кэрэитов разделяла небольшая река с берегами, заросшими красноталом. За рекой стоял большой курень. Джамуха велел воинам спешиться в кустах и ждать его возвращения. Сам направился к куреню. Вброд переехал речку, не выезжая из кустов, слез с коня, снял с себя доспехи, подпоясался недоуздком и пошел к юртам.

Перед куренем на пологом холме, опираясь на копье, стоял караульный. Рядом паслась подседланная лошадь. Караульный с любопытством ждал приближения Джамухи.

– Ты кто такой? – спросил он еще издали.

– Не видишь – кэрэит. Лошадь у меня убежала на вашу сторону. Соловый конь с белыми передними ногами. Не проходил здесь?

– Нет, не проходил. А ты из-за реки?

– Из-за реки.

– Пешком?

– Вот чудак. Говорю – конь убежал. Значит, пешком.

– А почему у тебя гутулы сухие? Перепрыгнул через речку? – Караульный подозрительно всматривался в Джамуху.

– Ты, наверно, нойон, и гутул у тебя много. А у меня они одни. Поэтому реки перехожу босиком.

– Га! Бойкий какой! Пощекочу копьем – засмеешься?

– Ты что, не знаешь разве – у нас был ваш Коксу-Сабрак. Мы теперь будем жить в мире.

– Да уж знаю. Коксу-Сабрак только вчера возвратился с вашей стороны, а сегодня ты идешь сюда искать лошадь. Завтра захочешь найти тут целый табун. Убирайся!

Джамуха хмуро, исподлобья посмотрел на караульного: не врет ли? Да нет, не врет. Помирились-таки ханы. И помешать миру невозможно. Опоздал. Ушел Сабрак. Что же теперь делать? Джамуха вглядывался через плечо караульного в юрты куреня. Напасть на курень? Сил мало, слишком рискованно. Если только устроить хороший переполох… Что это даст?

Найманы легко отобьют нападение, кинутся преследовать. Да, так… А если вывести погоню на курень кэрэитов? Получится неплохо. Это, пожалуй, даже лучше, чем убийство Сабрака.

– Не шарь глазами возле наших юрт. Нет там твоего коня.

– А вот и есть! Видишь, стоят лошади у коновязи? Одна из них, кажется, моя. Пойду посмотрю.

– Я сказал: убирайся! – Караульный был неумолим. Его тешило чувство превосходства вооруженного человека над безоружным.

– Ладно, я пойду. – Джамуха успел наметить пути подхода к куреню и дорогу для отступления. – Но ты мне в наших нутугах на глаза не попадайся. Я запомнил твое лицо!

Караульный угрожающе поднял копье. Джамуха благоразумно отступил, пошел к кустам, оглядываясь на юрты куреня.

Вернулся к воинам и стал ждать наступления ночи.

На бледном небе проклюнулись первые звезды, от реки в степь поползла сырая свежесть, в курене замерцали огни. Джамуха подтянул подпруги, вскочил в седло.

– Пора!

К куреню приближались молча, шагом. Лишь когда заорал, поднимая тревогу, караульный, рванулись галопом на юрты. У огней заметались огромные уродливые тени, заплакали дети, завизжали женщины, залаяли собаки. Воины Джамухи метались возле юрт, опрокидывая котлы с пищей, отвязывали от коновязей лошадей, хватали седла, одежду, оружие – все, что подвернется под руку. Найманы сбились в центре куреня, возле большой юрты своего нойона. В небо с воем понеслись сигнальные стрелы, и почти тотчас над нападающими засвистели боевые стрелы. Одна из них чиркнула по рукаву Джамухи, с треском разорвав шелк подаренного Тогорилом халата. Два воина свалились с лошадей у огня и корчились в предсмертных судорогах. Джамуха приказал их поднять и дал сигнал к отступлению.

Найманы, как и рассчитывал Джамуха, не удержались от погони. Он уходил не торопясь, сберегая силы лошадей. А найманам, должно быть, казалось, что они вот-вот настигнут его и рассчитаются за дерзкое нападение. Теперь Джамуха боялся только одного – сбиться с пути и проскочить мимо куреня кэрэитов.

Низко над степью висела полная луна, и степь, залитая белым светом, казалась седой. Птицы, спавшие под кустиками ковыля и полыни, испуганно взлетали из-под копыт лошадей. Впереди блеснул слабый огонек, рядом возник и затрепетал другой. Курень кэрэитов! Джамуха перескочил на заводную лошадь и прибавил ходу. То же сделали и его воины. Найманы начали отставать.

Джамуха промчался мимо куреня, встревожив его топотом копыт, круто повернул на восток, к своим кочевьям. Дело было сделано. Теперь найманы неминуемо, словно камень, пущенный с горы, обрушатся на курень кэрэитов. А те не замедлят дать им отпор. Начнется вражда, яростная и непримиримая, потому что каждая сторона будет считать виновной другую.

Натянув поводья, Джамуха перевел лошадь на неторопливую рысь, улыбнулся. Нет, не ушло еще время вольных степных племен!

II

На расстоянии полета стрелы друг от друга в траве, за кустиками дэрисуна, притаились Тэмуджин, Хасар и Бэлгутэй. Перед ними стлалась опаленная солнцем степь с торчащими кое-где на высоких стеблях голубыми шарами мордовника. Вдали, расплываясь в дрожащем воздухе, маячили два всадника – младшие братья Хачиун и Тэмугэ-отчигин. Они двигались то в одну, то в другую сторону, медленно приближаясь. Тэмуджин до ряби в глазах всматривался в степь, но ничего не видел перед всадниками: мешала текучая дрожь воздуха над травой. Но он знал: где-то, теперь уже не очень далеко, настороженно оглядываясь на всадников, идут

тяжелые птицы дрофы. Если Хачиун и Тэмугэ-отчигин с умом будут нагонять птиц, не вспугнут, они выйдут сюда. Место очень удобное. Справа и слева крутые сопки. На них осторожные дрофы не полезут.

Тэмуджин приподнялся на локте и сразу же припал к земле: над травой далеко впереди качнулась голова птицы. Теперь нужно быть очень внимательным. Он положил на лук стрелу с широким заточенным наконечником, посмотрел на братьев. Хасар лежал неподвижно и был почти незаметен в своем сером халате – как раз под цвет травы. Бэлгутэй делал знаки, что тоже видит птиц. Тэмуджин погрозил ему кулаком, и Бэлгутэй замер.

Шесть птиц приближались к охотникам. Они обеспокоенно крутили головами, оглядывались на всадников. Вдруг одна остановилась, уставилась в ту сторону, где лежал Бэлгутэй, испуганно вскрикнула, и все птицы бросились прямо на Тэмуджина. Они бежали, оглушительно хлопая широкими крыльями, неправдоподобно огромные, тяжелые, им, казалось, никогда не оторваться от земли. Но примерно в двух выстрелах от Тэмуджина они поднялись, подобрали голенастые ноги и полетели, медленно набирая высоту. Он выждал, когда крылья зашумят над головой, вскочил. Звонко тенькнула тугая тетива, белой молнией блеснула на солнце стрела, и дрофа комом рухнула на землю, треснуло, ломаясь, древко стрелы, с сухим шелестом ударили крылья по траве. Дрофа высоко подпрыгнула, перевернулась вверх брюхом. На светлых нижних перьях, на обломке стрелы показалась ярко-красная кровь.

Это была первая птица, сбитая влет, и Тэмуджин взвыл от радости.

Прибежали Хасар и Бэлгутэй. Деловито выдернув обломок стрелы, Бэлгутэй взвесил птицу на руках, поцокал языком:

– Жирная! Посмотри-ка, Хасар.

– Лучше вот что посмотри! – Хасар сжал кулак, поднес его к лицу Бэлгутэя. – Вспугнул птиц – и ничего! Сейчас как дам!..

– Перестань, Хасар! – сказал Тэмуджин.

Ему очень не хотелось, чтобы ссора братьев омрачала его радость.

Хачиун и Тэмугэ-отчигин привели лошадей. Тэмуджин приторочил птицу к седлу, посмотрел на солнце. Время близилось к полудню. Жарища становилась невыносимой. По толстощекому, испачканному землей лицу Бэлгутэя катился пот. Вытирая лоб ладонью, Бэлгутэй с опаской поглядывал на худощавого, жилистого Хасара, все еще сжимающего кулаки.

– Поедем домой, – сказал Тэмуджин.

– Нет! – обозленно дернул головой Хасар. – Будем еще охотиться.

Ему, видимо, очень не хотелось возвращаться с пустыми руками. Он явно завидовал старшему брату. Все знали, что Хасар стреляет из лука лучше любого из братьев, в том числе и Тэмуджина. Однако на охоте всегда больше везло Тэмуджину, он редко возвращался в юрту без добычи.

Не ответив Хасару, Тэмуджин сел на коня и направил его к призрачным, словно плывущим над степью, лиловым холмам. Там на берегу маленькой речушки стоит их юрта. Место бедное сочными травами, но тихое, безлюдное. Жили здесь, никого не встречая, вот уже два месяца. А до этого приходилось менять стоянки очень часто. Стоило даже случайному путнику набрести на юрту, и Тэмуджин немедленно откочевывал в другое место. Он постоянно помнил о Таргутай-Кирилтухе.

Хасар нагнал его, хмуро попросил:

– Тэмуджин, оставь нас с Бэлгутэем в степи. Он вспугнул птиц и пусть гоняет на меня добычу, пока с ног не свалится.

Упрямство брата не понравилось Тэмуджину. Сухо сказал:

– Мы едем домой.

– Ты прикрываешь Бэлгутэя! Это несправедливо.

– Замолчи! – вспылил Тэмуджин. – Справедливо… Ну что ты понимаешь в справедливости?

Хасар обиженно отвернулся, натянул поводья, отставая.

Лошади шли шагом. В степи стояла тишина, все живое попряталось от жары, даже неугомонные кузнечики – и те умолкли; от солнца, от густой полынной горечи слегка кружилась голова. Раздражение, вызванное словами Хасара, долго не проходило. Тоже, берется судить о том, что справедливо, а что нет. Суждениями о справедливости слабые заслоняются, как щитом, а вот Таргутай-Кирилтух не рассуждает, творит все, что вздумается. Сделав его жизнь подобной жизни степного волка, рыскающего вдали от шумных куреней, Таргутай-Кирилтух ни разу не подумал, что это и несправедливо, и бесчестно. А ведь должна же быть справедливость – мера поступкам и нойонов, и простых людей. Трижды проклятый Таргутай-Кирилтух! Он не только обездолил семью. Страх перед ним, как соль рану, разъедает душу, лишает покоя. Из-за этого стал вспыльчивым, несдержанным. Мать уже не однажды говорила ему с упреком: «В гневе и прямое становится кривым, и гладкое корявым». Она, конечно, права. Надо научиться держать себя в руках, не обижать зря близких ему людей. Сейчас на Хасара прикрикнул зря. Он не так уж и не прав. Бэлгутэй, если следовать древнему обычаю, заслужил наказания. На облавах за невольные ошибки бьют, за умышленные – убивают. Оберегая свою радость, он, выходит, в самом деле поступил несправедливо.

Остановив лошадь, Тэмуджин подождал Хасара, черенком плети притронулся к его плечу.

– Не сердись, брат. Мы еще настреляем и дроф, и быстроногих дзеренов, и круторогих горных баранов. А Бэлгутэй в наказание за свою неосторожность будет завтра целый день собирать аргал. Как, Бэлгутэй, правильно это?

Добродушный Бэлгутэй попытался оправдаться:

– Я не виноват. Я лежал как мертвый. Даже ресницы моих глаз не шевелились. Ты же видел, Хасар… Но когда дрофы были совсем близко, проклятый муравей залез в штаны и укусил самое больное место. Другой бы тут же вскочил и закричал. А я только охнул и почесался.

Младшие братья засмеялись. Хачиун сказал:

– Бэлгутэй не виноват. Виноват муравей.

Время было уже далеко за полдень, когда подъехали к юрте. Их встретили мать и Хоахчин. Мать, оглядев сыновей, улыбнулась. Тэмуджин знал, как она боится за него, но никогда не говорит о своем страхе, только каждый раз, провожая на охоту, с тревогой смотрит вслед. Она почти не интересуется добычей, в первую очередь оглядит их с ног до головы – живы, здоровы? – улыбнется так же вот, как сейчас, и уйдет в юрту готовить обед. Иное дело Хоахчин. Любой, даже самый незавидной удаче она радуется куда больше, чем сами охотники. Отвязывая дрофу от седла, она весело смеялась, ее добрые глаза светились от счастья.

– Ой-ё, такой молодец Тэмуджин! Каждый день мясо едим. От хорошей птицы становлюсь толстой и ленивой. Ой-ё!

Низ войлока юрты был приподнят, создавался слабый сквознячок, и тут было прохладнее, чем снаружи. Мать поставила перед ребятами творог, наполнила чаши кумысом. Все они степенно, как и подобает мужчинам, побрызгали кумыс на онгонов, висевших в изголовье постели, принесли в жертву духу огня по крошке творога, младшие подождали, когда сделает первый глоток Тэмуджин, и только после этого иссохшими губами жадно припали к чашам.

– Взрослыми стали дети мои, – со вздохом сказала мать. – Пять сыновей, пять пальцев руки…

Тэмуджин посмотрел на свою руку, пошевелил пальцами, стиснул их в кулак. Ничего кулак, крепкий, двинуть кого в ухо – не устоит.

– Тебе, Тэмуджин, надо ехать к Дэй-сэчену. Пора семьей обзаводиться. Став зятем Дэй-сэчена, ты, возможно, сумеешь уговорить хунгиратов взять нас под свою защиту.

– Но ты же сама говорила, помогают сильным, а не слабым. Где у нас сила? Для поездки к хунгиратам мне даже некого взять в нукеры. Дэй-сэчен, скорее всего, не захочет и разговаривать со мной.

– С чего-то надо начинать, Тэмуджин. И большая река начинается с малого ручейка. Не вечно же нам бегать от Таргутай-Кирилтуха.

– А не лучше ли пробраться к Таргутай-Кирилтуху в курень? – спросил Хасар. – Перережем ему горло, и не нужно будет искать защиты.

Мать усмехнулась:

– Быстрые реки не доходят до моря, Хасар. Их съедает песок. Нам надо все делать тихо и обдуманно. Сначала склоним на свою сторону хунгиратов, потом побратима вашего отца Тогорила. А придет время – постоите сами за себя.

Тэмуджин промолчал. Его невеста Борте, девочка с круглым, как полная луна, лицом и узким, слегка приподнятым к вискам разрезом глаз, не однажды являлась ему в беспокойных снах. Однако он боялся ехать к Дэй-сэчену. Если Дэй-сэчен не примет его в зятья, расторгнет давний уговор, придется пережить еще одно унижение, лишиться еще одной надежды.

– Поедем, Тэмуджин! – сказал Хасар. – Мы с Бэлгутэем будем твоими нукерами. Если не захочет с нами говорить Дэй-сэчен, увезем Борте без разговоров.

И опять грустно-насмешливо улыбнулась мать:

– Эх, Хасар, Хасар, и удалой же ты парень! Но удаль без ума – лук без тетивы. Не лезь к Тэмуджину с глупыми советами. Пусть он подумает и все решит сам.

Она пошла помогать Хоахчин потрошить птицу. А Хасар, загоревшись, начал надоедать Тэмуджину своими безрассудными замыслами. Тэмуджин молча вышел из юрты, лег в ее тени. Зной понемногу спадал, и от речушки в степь потянулась скотина. Тэмуджину всегда радостно было смотреть на небольшое свое стадо. Свое! Он слишком хорошо помнил страшную зиму, когда остались в степи одни. Тогда казалось: на земле совсем нет людей – ни злых, ни добрых. Эта мысль так засела в голову, что он чуть было с ума не сошел. Теперь он ни о чем подобном не думает, порой даже хочется, чтобы степь вокруг их юрты опустела на месяц пути. Жить было бы спокойнее. Хотя нет, все-таки лучше бы здесь, рядом, стояли юрты друга отца – заботливого Мунлика и его сына-шамана Теб-тэнгри, Тайчу-Кури и его матери, кузнеца Джарчиудая, поставщика кумыса для Кирилтуха Сорган-Шира… Помогая ему, они не искали выгод. И добро бы были родственники, а то ведь все из других племен. Есть, оказывается, в людях что-то более сильное, чем чувство кровного родства. Что же это?

Каждый раз, стоит ему остаться наедине с самим собой, как начинают одолевать такие вот думы. Почему? Может быть, все думы от внутренней встревоженности, от вечного страха за свою жизнь. Вот поедет к Дэй-сэчену, женится на Борте, будет кочевать с хунгиратами, душа обретет покой. Он станет жить просто, присматривая за стадом, охотясь. Много ли человеку нужно – покой и пища. Степь велика и просторна, люди могут жить, не мешая друг другу. Могут. Но почему же они не живут в мире и согласии?

Солнце склонилось к закату, и степь стала совсем иной, чем в полдень. От бугорков потянулись тени, и те места, что днем выглядели ровными, сейчас казались изрезанными ложбинами. Едва ощутимый ветер чуть заметно покачивал траву. Тонко, напевно, словно птицы, свистели вылезшие из нор суслики, попискивали мыши, в озерке самозабвенно квакала лягушка, тускло-серый чекан сел недалеко от юрты, почикал, смешно приседая, и деловито побежал в кустики жесткого касатика. Тэмуджин повернулся, обводя взглядом степь, и вздрогнул. С сопки шагом спускались два всадника.

– Мама!

Мать оглянулась, быстро вскочила и бросилась в юрту.

– Скорее сюда!

В юрте братья затеяли веселую возню, перевернули всю постель. Бэлгутэй лежал на животе, Хасар и Хачиун держали его, а Отчигин шлепал ладонью по голой спине, для лучшей присадистости смачивая пальцы языком.

– Люди едут! – тихим, отчетливым шепотом сказала мать.

Ребята вскочили, высыпали из юрты. Она отвернула войлок, приказала Тэмуджину лечь на землю, закидала его одеждой.

Он услышал приглушенный травой топот копыт, вежливые голоса всадников, справлявшихся, здоровы ли хозяева, благополучно ли в стаде. Мать приказала Хасару и Бэлгутэю расседлать коней.

– Ваши кони устали. Издалека, должно быть, путь держите? – спросила она. В ее голосе не было ни робости, ни страха, но это еще ничего не значило, просто мать умела держать себя в руках.

Тэмуджин напряженно ждал ответа гостей.

– Мы едем, ты верно заметила, издалека. Были в гостях у родичей. Уже подумывали, где бы заночевать, но увидели вашу юрту.

– Проходите.

– Мы отдохнем немного здесь.

Говорил один из гостей. Второй гость, судя по голосу, моложе первого, поддакивал, повторяя за старшим его последние слова:

– Да-да, здесь.

– Я постелю вам кошму.

Мать вошла в юрту, наклонилась над постелью, прошептала:

– Лежи, не поднимайся.

Значит, она заподозрила что-то неладное. Тэмуджин чуть сдвинул с головы одежду, чтобы лучше слышать разговор.

– Э, у вас варится что-то вкусное!

И взволнованный голос Хоахчин:

– Зачем в чужой котел лезешь? Так гость делает, а?

Хоахчин, конечно, права, добрые гости так не делают.

– Не шуми, Хоахчин! – Голос матери был по-прежнему ровным. – Они с дороги, устали, проголодались. В котле не убавилось оттого, что в него заглянули.

– Ты говоришь разумно. Мы целый день не ели, и горло у нас пересохло.

– Да-да, пересохло.

– Заходите в юрту. Она бедна, но по чашке кумысу и архи завсегда найдется. Оружие оставьте здесь. Не подобает в мирное жилище входить с мечом и луком.

– Муж держит при себе жену, воин – оружие. Чтобы не воспользовались другие. – Гость засмеялся.

Послышались шаги, Тэмуджин поспешно прикрыл голову.

– Мама, он наступил на порог![27] – Это голос Хасара, дрожащий от злости.

– Не кричи, парень, не кричи! Задел невзначай, чего особенного?

– Нет, ты наступил преднамеренно! – закричал Хасар. – Я видел!

– Разве можно принимать угощение в юрте, где тебя встречают криком и бранью? Пошли.

Они возвратились к огню. Мать осталась в юрте, нацедила из бурдюка кумыса. Тэмуджин снова сбросил с головы одежду. Мать приложила палец к губам и вышла.

– Сначала пей сама. Нам, хозяйка, не хочется навсегда уснуть здесь.

– Почему так плохо думаете обо мне?

– Потому, что мы тебя знаем…

---

[27] *Наступить на порог* – считалось нанести тяжелое оскорбление хозяевам юрты.

– Да-да, Оэлун, знаем, – торопливо подтвердил другой.

– Где твой старший сын, Оэлун?

– Его нет. Он уехал на охоту.

– Мы подождем.

– Зачем он вам?

– Нам он не нужен. Его хочет видеть Таргутай-Кирилтух. Доставим Тэмуджина – получим награду. Нам очень повезло. Мы и вправду возвращались от родичей. Видим – юрта. Почему так далеко от всех кочевий? Не Оэлун ли со своими парнями прячется тут? Подъехали – и верно, ты.

– Тэмуджин сюда не вернется. Вы не получите свою награду!

– Получим. Не вернется – увезем этого крикуна или любого из ребят. Сбегут – заберем тебя. Так говорил нойон, так мы и сделаем.

– Вы и ваш нойон – дикие звери, готовые сожрать себе подобных! В вашей груди не сердце человека – змея, источающая яд!

– Смотри-ка, она ругается.

– Да-да, ругается.

– А ругаться тебе ни к чему. Нойону хочется, чтобы кто-то из вас жил рядом, под боком. Так ему спокойнее. Если что-то затеет ваш род или ваши доброжелатели, заложник отправится к своим предкам, зажимая собственную голову под мышкой. Только и всего!

Тэмуджин до крови закусил губу. Ярость и злоба душили его. Неужели во всей великой степи нет места, где можно укрыться от ненавистного Таргутай-Кирилтуха? Он представил, как его, связанного, везут по раскаленной степи, как будут издеваться Аучу-багатур и Улдай, и противный холодок пробежал по телу. Неужели он позволит снова надеть на шею кангу?

Мать спросила у незваных гостей:

– Постлать вам постель?

Старший засмеялся:

– Э, да ты добрая! Но спать мы поедем в степь. А чтобы вам не вздумалось убегать, всех лошадей уведем с собой. Вот так, хозяйка. Налей еще кумыса.

Мать вошла в юрту, наклонилась над бурдюком так, чтобы закрыть собою дверь. Тэмуджин сел, знаками попросил нож. Она отрицательно качнула головой, еле слышно прошептала:

– Нельзя. Небо отвернется от того, кто прольет кровь человека у порога своего дома.

– Если бы это были…

– Тише! – И громко позвала: – Хасар, иди помоги мне!

– Ну что тебе? – Хасар шагнул в юрту, злой, с ожесточенно сжатыми губами.

– Свяжите их! – суровым шепотом сказала мать. – Сейчас. Я уроню чашу – кидайтесь. Тэмуджин – на того, что сидит справа. Хасар с ребятами – на второго.

– Ты чего возишься, хозяюшка?

– Идем.

Тэмуджин подполз к выходу, выглянул. Нукеры сидели спиной к юрте, держали в руках широкие чаши. Тот, что справа, сутулый, с короткими, присоленными сединой волосами, – старший. Это был верный нукер Аучу-багатура, безжалостный и непреклонный исполнитель его воли. Второй был незнаком Тэмуджину. Засаленный воротник халата врезался в его красную, потную шею.

Хасар и ребята стояли чуть в стороне от огня. Хасар им что-то шепнул, и братья испуганно переглянулись. Это сразу же заметил старший нукер.

– Чего шепчетесь?

– Боимся громким разговором помешать вам, – нагло ответил Хасар.

Солнце уже почти село, полосы теней слились в одно целое, лишь кое-где золотились бугры да огненным светом пылали метелки ковыля.

Старший поставил чашу. Мать взяла ее.

– Налить?

– Нет. – Он поднялся, похлопал себя по животу. – Хорошо наелся. Ты дай кумыса нам с собой. И мяса прихватим. – Глянул на Хасара. – Ты, крикливый, поедешь с нами.

Мать уронила чашу, вскрикнула.

В два прыжка Тэмуджин подскочил к нукеру, сцепил на его горле руки, надавил коленом на спину, рванул на себя. Вместе упали на землю. Нукер хрипел, его руки тянулись к рукоятке ножа, но маленькая рука матери опередила, выхватила нож, отбросила в сторону. И тут же с непостижимой быстротой и ловкостью захлестнула петлю сыромятного ремня на правой руке нукера. Подбежала Хоахчин, вдвоем подтянули левую руку, надежно связали. Тэмуджин разжал пальцы, поднялся. Второй нукер лежал лицом вниз, на нем верхом сидели все четыре брата и скручивали руки за спиной. Никто не произнес ни слова, слышалось лишь хриплое дыхание. Тэмуджин пнул нукера в бок:

– Вставай!

Нукер, кряхтя, поднялся. В его глазах было изумление. Пояс, оттянутый тяжелым мечом, сполз на низ живота, Тэмуджин подобрал с земли нож, полоснул им по поясу, и меч упал на землю. Сдернул с головы нукера потрепанную шапку и бросил на меч. То же самое сделал с молодым нукером Хасар, подтолкнул его к старшему. Без шапок, в распахнутых халатах, они выглядели совсем не воинственно. Губы Тэмуджина скривила усмешка.

– Еще кумыса хотите?

И с мстительной, сладострастной злостью ударил старшего нукера по лицу, потом еще и еще раз. Хрястнула переносица, из ноздрей нукера полилась кровь, она разбрызгивалась под кулаком Тэмуджина, обагряла руку. Мать, испуганная вспышкой его неутолимой, дикой ненависти, оттащила от нукера, повисла на плечах:

– Очнись! Очнись, сын мой!

Нукер согнулся, отхаркивая кровь, прохрипел:

– Ну, рыжеголовый дьявол, ты далеко пойдешь. Недаром тебя, как злобного пса, нойон хочет держать на привязи.

– Не удержит! – закричал Тэмуджин.

– Да уж вижу, что не удержит. Зря он не убил тебя. Зарежешь нас?

– Руками требуху вырву!

– Замолчи! – с отчаянием вскрикнула мать, повернулась к нукерам. – Уходите.

Старший нукер перестал отплевываться.

– До ближнего куреня четыре дня пути на лошади. Пешком, без еды и питья мы не дойдем.

– Да-да, без еды и питья, – плаксиво-жалостливым эхом отозвался молодой.

Хасар дал ему пинка:

– Шагай, поно́сящий телок!

Старший нукер попросил Оэлун:

– Развяжи руки.

Опережая ее, Тэмуджин сказал:

– Зубы есть – перегрызешь.

Нукеры побрели в сумеречную степь, провожаемые свистом и улюлюканьем братьев. Мать горестно качала головой.

Ночью Тэмуджин не спал, прислушивался к звукам за стеной юрты, ему все казалось, что нукеры вернутся и попытаются захватить или украсть лошадей, поставленных у коновязи. На рассвете он оделся, опоясался ремнем, захваченным у нукера, взял его сайдак с луком и стрелами. Проснулся и Хасар, поморгал заспанными глазами, проворно вскочил и, ни о чем не спрашивая, тоже прицепил к своему поясу меч и нож.

– Вы куда? – Мать приподняла с постели голову.

– Сегодня покочуем, а у нас стоят петли на тарбаганов. Надо снять.

– И далеко стоят ваши петли? – Мать пристально смотрела на него.

Ему стоило усилий не отвести своего взгляда.

– Мы скоро вернемся, мама.

Разговор разбудил Бэлгутэя. Он тоже увязался с ними. Заседлали своих коней, остальных пустили пастись.

– Я знаю, куда мы поедем, – сказал Хасар. – Я сразу догадался.

– Молчи ты! – поморщился Тэмуджин.

Поехали по берегу речки. Нукеры от нее удалиться не могут: в безводной степи их ждет верная гибель. Тэмуджин думал, что ушли они недалеко. Однако нукеры, пользуясь ночной прохладой, шли всю ночь. Настигли их далеко от юрты. Они шагали друг за другом, едва передвигая усталые, не привыкшие к ходьбе ноги. Заметив погоню, остановились – видимо, поняли: это конец, – и не хотели бесполезным бегством позорить последние мгновения своей жизни.

Подскакав на верный выстрел, братья спешились, выдернули из сайдаков луки и стрелы. Вчера Тэмуджин в припадке неистовой злобы мог задушить, забить ногами нукеров. Но сегодня той злости не было, и руки, натягивающие лук, заметно подрагивали, холодная испарина выступила на лбу. Должно быть, Хасар и Бэлгутэй чувствовали себя не лучше. Из трех стрел ни одна не попала в цель. Старший нукер выругался, обозвал их сопляками. Тэмуджин разозлился на себя, руки его отвердели. Когда они второй раз натягивали луки, молодой нукер не выдержал, побежал. Стрела Хасара в то же мгновение вонзилась ему меж лопаток. Тэмуджин послал свою стрелу в грудь старшему. Он покачнулся. Стрела Бэлгутэя попала в живот. Нукер медленно опустился на колени, протянул перед собой руки, будто хотел что-то поднять с земли, и свалился лицом вниз.

– Все, – не узнавая своего голоса, сказал Тэмуджин.

Хасар направился было к убитым, но Тэмуджин остановил его:

– Не ходи…

– А стрелы?

– Потом. Поехали…

Тяжелой, безмерной усталостью налилось тело Тэмуджина. Кое-как взобрался в седло.

Сняв петли, вернулись за стрелами. Из ран на землю натекла кровь, почернела на солнце, подсохла, по ней ползали мухи, а в небе черными хлопьями кружились вороны. Тэмуджин рванул повод, ударил плетью коня, поскакал. К горлу подступила, перехватывая дыхание, тошнота. И хотелось плакать.

Едва взглянув на него, мать поняла все. Гневное осуждение блеснуло в ее глазах.

III

В Чжунду прибыло посольство Инанча-хана. Хо целую неделю с раннего утра до поздней ночи незаметно, но неотступно, как тень, следовал за найманами – смотрел, слушал, запоминал. Такова была его служба. Она тяготила Хо. Куда лучше было делать горшки, торговать ими на рынке. Однажды осмелился попросить Хушаху освободить его, но тот даже не удостоил ответом. Позднее младший чиновник, некогда проверявший, правильно ли передает Хо подслушанный разговор татар, сказал ему недоуменно:

– Ты разве не знаешь, что служить императору – счастье?

– Знаю, но стать счастливым почему-то не могу.

– Жизнь у варваров испортила твою нравственность. Придется учить и воспитывать тебя. Ты еще скажешь спасибо мне, старому Ли Цзяну.

В свободное от службы время Хо приходил к нему домой. Усадьба Ли Цзяна была такой же старой, как ее хозяин. Краска на дверях дома и переплетах бумажных окон потрескалась, облупилась, глиняная ограда местами наполовину разрушилась, небольшой сад зарос сорными травами. Сам Ли Цзян не мог справиться с разрухой, а нанять людей было не на что: императорская казна скупо вознаграждала ревностную службу младших чиновников. Было у Ли Цзяна два сына, но оба погибли на войне с сунами[28]. Старшую дочь он выдал замуж, жил с женой и младшей дочерью-подростком. В первый же день старый чиновник дал понять, что учебу и заботу о его нравственности Хо должен будет оплачивать собственным трудом.

Заставив перекапывать землю под деревьями, чистить водоем или поправлять садовые дорожки, сам чиновник садился на тростниковую циновку, смотрел, как работает Хо, говорил:

– Руки у тебя, смотрю, ловкие и умелые, а разум туп – почему? Потому, думаю, что мысли мудрых были недоступны тебе. Ты даже не знаешь простых основ. Запоминай… Все живое на земле делится на пять частей: пернатые – раз, – Ли Цзян загнул один палец, – поросшие шерстью – два, покрытые раковиной и панцирем – три, чешуйчатые – четыре, безволосые – пять. – Все пальцы сжались в маленький сухой кулачок. – Высший вид пернатых – феникс, поросших шерстью – единорог, покрытых раковиной и панцирем – черепаха, чешуйчатых – дракон, безволосых – ты, человек. – Ли Цзян вытянул руку вперед, разжал указательный палец, нацелил его в Хо.

Хо провел ладонью по своей всклоченной голове:

– Не очень уж я и безволосый…

– Но очень глупый! – рассердился старик. – Никакого понятия о человеческих взаимоотношениях, одно варварство! Да будет тебе известно, что в основе наших нравственных правил лежат пять видов человеческих взаимоотношений. На первом месте – крепко держи это в своей пустой голове! – стоят отношения между государем и его подданными, на втором – между отцом и сыном, на третьем – между старшим братом и младшим, на четвертом – между супругами, и только на пятом – между друзьями. Ты это вот пятое отношение ставишь на первое место. А кто твои друзья? Люди, живущие в грязных юртах, пьющие молоко животных[29], не знающие ни в чем воздержания, – вот кого ты считаешь своими друзьями.

– Они такие же люди, как и мы.

– Нет, они другие. Им неведом свет древних, но никогда не стареющих истин, возвышающих душу, смягчающих нравы.

– Ладно… Мне хотелось бы знать, какие взаимоотношения должны быть у нас с вами? – Хо простовато улыбнулся. – Мы и не друзья как будто, не братья, не отец с сыном, не государь и его подданный.

– Я чиновник императора, – важно сказал Ли Цзян. – Ты его простой подданный. Через меня и таких, как я, ты связан отношениями с императором. Запомни это!

Жена Ли Цзяна болела, редко выходила из внутренних комнат. Все домашнее хозяйство вела его дочь Цуй. Заботы о семье сделали девушку не по годам самостоятельной. У Хо с ней установились беззлобно-насмешливые отношения (пятый вид, как определил Хо, – дружеские). Цуй прозвала Хо «Монголом», и эта кличка так пристала к нему, что даже старик иногда называл его не по имени.

Хо выполол в саду сорняки, посыпал дорожки крупнозернистым песком, у водоема построил легкую беседку, высадил вокруг нее вьющиеся растения и цветы. Потом исправил стену, выбелил ее известью, покрасил окна и двери… Ли Цзян похвалил его:

– Мысли мудрых пошли тебе на пользу.

---

[28] В Китае той поры правили две династии: на юге – Сунская, на севере – Цзиньская. Кроме того, на западе было государство тангутов.

[29] Китайцы не употребляли молока.

– Ты еще учи его, отец, – сказала Цуй, – смотришь, вымостит двор красным кирпичом.

– Да, дочь, учить надо, учить… И он будет знать не меньше, чем я сам. Если, конечно, прилежание и наперед останется в числе его немногих добродетелей.

Цуй всегда была рада его приходу. Едва он стукнет железным кольцом калитки и ступит во двор, она уже кричит:

– Отец, наш Монгол идет!

Хо даже казалось: Цуй поджидает его – ни разу не пришел незамеченным.

Ей очень нравилось верховодить им. Он подчинялся со снисходительной покорностью. Что бы он ни делал, Цуй, живая, подвижная, крутилась тут же, нередко бралась помогать, но только мешала. А ему с ней было много интереснее, чем с ее чопорным отцом. Хорошо еще, что старику или надоело делить все на пять частей и видов, или кончились его познания основ сущего, он переключился на историю, стал рассказывать о знаменитых императорах и прославленных династиях.

От него Хо узнал, что около трехсот лет тому назад северные соседи Китая – племена киданей – объединились под властью умного и храброго вождя Апаки. Они стали вмешиваться в дела империи, поддерживать мятежных военачальников и продажных сановников. Кончилось это тем, что им удалось посадить на императорский престол одного из военачальников. Новый император заплатил за это уступкой из своих владений части богатых земель и ежегодной данью в триста тысяч кусков шелковой ткани. Мало того – в сношениях с Апаки он должен был именовать себя его внуком. Столь жалкое и унизительное положение вознамерился было изменить преемник незадачливого императора. Но кидане разбили его войска, взяли город Бянь – тогдашнюю столицу империи, пленили самого императора. Независимым остался юг Китая, где позднее возвысилась династия Сун. А кидане образовали свою империю и по китайскому обычаю присвоили основанной династии новое имя – Ляо[30].

Бесконечные войны Ляо с сунами не смогли ничего изменить. Но лет семьдесят назад на севере объявился новый опасный вождь. Им был предводитель кочевого народа чжурчжэней Агуда. Суны, как могли, подстрекали Агуду и, чем могли, помогали его войскам. «Железная» империя киданей, просуществовав два века, пала. Агуда провозгласил себя императором, присвоив династии имя Цзинь. Он сказал, что кидане были неразумны и недальновидны, назвав свою династию Ляо. Железо – металл хороший, но его съедает ржавчина. Достаточно было доброго удара, и все разлетелось вдребезги. Цзинь – золото – никогда не теряет своих свойств, через века и тысячелетия оно будет сиять первозданной чистотой, и блеск его затмит все, что знали народы до этого.

Суны, так жаждавшие отвоевать руками чжурчжэней свои владения, просчитались. Едва утвердившись, чжурчжэни повернули оружие против своих покровителей, отбросили их далеко на юг, за реку Хуанхэ, заставили уплачивать ежегодную дань – двести пятьдесят тысяч лан[31] серебра и двести пятьдесят тысяч кусков шелка.

– Отсюда, – Ли Цзян назидательно поднял палец, – по примеру древних можно вывести поучение: несчастье приходит в ту дверь, которую ему открыли.

– Если я правильно понял, учитель, «золотая» династия – несчастье?

– Я не буду тебя учить, варвар! Ты глупее земляного червя, у которого нет головы!

– Достойный учитель, я ни о чем плохом не думал. – Хо почтительно поклонился.

Ли Цзян смягчился:

– Нельзя так говорить! Нами правит пятый государь «золотой» династии. – Он молитвенно сложил руки. – Пусть Небо пошлет десять тысяч лет жизни благословенному Ши-

---

[30] *Ляо* – железо *(кит.)*.

[31] *Лан* – денежная единица *(кит.)*.

цзуну! – И тут же своим обычным голосом: – Ши-цзун – китайское имя. А по чжурчжэнски его зовут Улу, что означает – Свищ.

Чтобы совсем успокоить старика, Хо сказал:

– Хорошее имя! А как зовут по-чжурчжэнски князя Юнь-цзы?

– Его имя Чунхэй.

– Достойный учитель, заранее прошу не сердиться. Я все хочу спросить у вас: почему монголов вы называете дикарями и варварами? Только потому, что они кочевники? Но и чжурчжэни были кочевниками…

– Молчи, неразумный! Чжурчжэни теперь живут по нашим обычаям и законам. А все, кто не признает этих законов и обычаев, есть невежественные, грязные варвары.

– Я это понял, учитель. Мы умны и мудры, мы лучше всех. Но из степей приходят варвары-кидане и правят нами двести лет. За ними идут другие варвары – чжурчжэни – и…

Старик боязливо оглянулся, попросил:

– Помолчи, глупый!

– Должен же я разобраться.

– Разбирайся про себя. Будешь разбираться вслух – уедешь к предкам на спине деревянного осла. Это говорю тебе я, старый Ли Цзян, видевший на своем веку столько несчастий, сколько нет на твоей голове и волос. В молодости, не зная отдыха, я познавал премудрости наук. Мне предрекали высокий путь. А я застрял на самой первой ступени чиновной лестницы. И все потому, что, как ты сейчас, любил задавать неуместные вопросы. Я мог бы стать богатым, но не брал взяток, как делают все, и этим навлекал на себя подозрения. Теперь я стал умнее…

– Вы принимаете взятки?

– Нет. Но я ни у кого ни о чем не спрашиваю. И свои суждения оставляю при себе. Живу поэтому, как ты сам видишь, спокойно. Да. Но самый лучший завтрашний день не вернет вчерашнего… И сыновей мне никто не вернет.

Незоркие глаза Ли Цзяна стали тусклыми, невыразительными, сам он сгорбился, под тонким стареньким халатом из дешевой материи обозначились острые лопатки. Хо, жалея его, сказал:

– Ли Цзян, если вы пожелаете, я буду для вас как сын…

– Э-э, Монгол, даже самый лучший вол не заменит скаковую лошадь. Не обижайся. И будь осторожен, Хо. Ты служишь в горячем месте. Ошибешься – сгоришь, как бабочка в пламени свечи.

Следуя всюду за людьми из посольства хана найманского, примечая, с кем они встречаются, о чем говорят, Хо много раз вспоминал наставления Ли Цзяна. По всему чувствовалось, что на севере медленно скапливаются грозовые тучи. К цзиньскому двору зачастили степняки. Дважды приезжали татары, следом побывал посланец меркитского владетеля Тохто-беки, только он уехал – прибыл хан кэрэитов Тогорил, а теперь вот найманы. Все стараются заручиться поддержкой Алтан-хана и его сановников, жалуются на своих соседей. Сановники никому не отказывают, обещают помощь и тем, и другим, и третьим. Посланцу Тохто-беки, надменному нойону Тайр-Усуну, Хушаху обещал помочь расправиться с тайчиутами, Тогорилу он сказал, что хан может и должен потеснить Тохто-беки. С найманами Хушаху и князь Юнь-цзы тоже любезны, обходительны, одаривают их дорогой одеждой, доспехами, оружием. Сабрак наговаривает на хана Тогорила, и они благосклонно внимают его речам. Почему так делают, Хо не мог понять.

Стремление найманов выставить хана кэрэитов – побратима Есугея – человеком, вынашивающим честолюбивые и потому опасные для всех замыслы, было неприятно Хо. Он злился на длиннорукого, хриплоголосого Коксу-Сабрака. Назвал его про себя обезьяной и с особым удовольствием запоминал каждое его опрометчивое слово, сказанное среди своих. Последний день пребывания найманов в срединной столице Хо провел на посольском подворье. Скорчив-

шись, сидел в тесной потайной каморке, вслушивался в голоса ничего не подозревающих найманов. За дни слежки он устал от постоянного напряжения и был очень обрадован, что найманы говорили недолго. Им надо было хорошо отдохнуть перед дорогой, почти сразу же после ужина они ушли спать.

Тайными переходами он вышел из посольского подворья. Солнце только что село. Раскаленные днем глиняные стены оград еще не остыли, от них несло теплом, как от хорошо протопленного кана[32], воздух был густой, пахнущий пылью, небо наполовину заволокли низкие черные тучи. Хо торопливо, почти бегом, направился к дому Хушаху. Сановник приказал ему прибыть сразу же, как только найманы улягутся спать. Но торопился Хо и по другой причине. Много дней он не был в доме Ли Цзяна, если удастся быстро управиться с делом, можно будет зайти еще сегодня.

У ворот дома Хушаху стояли четыре стражника в одинаковых бронзовых шлемах, у каждого в руках боевой трезубец. Хо показал им железную пластинку с выбитыми на ней иероглифами, и стражники расступились. Едва начало смеркаться, а во дворе уже зажгли бумажные фонарики. Красные, зеленые, синие, желтые – всех цветов и всевозможной формы: в виде корабликов, ажурных башен, сказочных птиц и зверей – они сияли ровным, торжественным светом. У дверей дома тоже стояли четыре стражника с трезубцами. И фонарики, и усиленная стража означали, что в доме находится князь Юнь-цзы. Хо свернул в сторону, вошел в дом через двери для слуг. Здесь его уже поджидал безбородый мрачный евнух – главноуправляющий домом Хушаху. Ни о чем не спрашивая, он повел его по ярко освещенному коридору, остановился перед пламенно-красной дверью, трижды легонько стукнул. Дверь бесшумно отворилась. Хо оказался в комнате с потолком и стенами, расписанными листьями лотоса и нежно-розовыми цветами пионов. За столиком, заваленным бумагой, на светло-голубом пушистом ковре сидел Юнь-цзы, рядом – юноша в красном халате, с другой стороны стола – двое военных, судя по одежде и поясам – не очень большого чина. Хозяин дома в длинном, до пола, зеленом халате, подпоясанный серебряным с золотыми насечками поясом, стоял чуть в стороне.

Пока Хо старательно кланялся, подавляя свою робость, все молча смотрели на него. Но едва он выпрямился, князь Юнь-цзы спросил:

– Довольны ли найманы приемом и дарами?

– Они очень расхваливали подарки.

– Что они говорили при этом?

– Они считают, что их здесь высоко ценят.

На полных губах Юнь-цзы появилась довольная усмешка, он взглянул на Хушаху:

– Ну?

– Это еще ничего не означает. – Широкие сросшиеся брови Хушаху были насуплены. – А не говорили они о том, что собираются делать, возвратившись домой?

– Говорили. Они считают, что надо немедленно воспользоваться поддержкой нашего милостивого государя, поставить на колени кэрэитов и покорить племена, кочующие у Онона и Керулена.

– Что-то много они захотели! – Князь Юнь-цзы поморщился.

– Они еще и не этого захотят, – сказал Хушаху и присел к столу. – Нам нельзя поддерживать Инанча-хана. В той стороне, – он неопределенно махнул рукой, – два опасных для нас врага – тангуты и найманы.

– А мне кажется, – один из военных, широколицый человек с веселым взглядом узких глаз, слегка наклонил перед Хушаху голову, – лучше иметь дело с одним Инанча-ханом, чем с десятками кичливых и ничтожных вождей племени.

Хушаху насупился еще больше.

---

[32] *Кан* – отапливаемая лежанка в китайских домах.

– Елюй Люгэ, – сказал он, – ты хороший воин, но…

– Елюй Люгэ судит правильно, – оборвал его Юнь-цзы, глянул на Хо. – Что же еще говорили найманы?

Хо уловил, что Хушаху по каким-то причинам не расположен к найманам, а князь, напротив, сочувствует им. В этом споре он мысленно стал на сторону Хушаху, быстро припомнил все, что говорили нелестного найманы о великом Алтан-хане.

– Еще я слышал, как Сабрак сказал своим людям: «Нам надо торопиться. Источники – и те иссякают, о благоволении золотого государя и говорить нечего, оно кончится в любое время».

Хо показалось, что Хушаху посмотрел на него одобрительно, продолжал уже смелее:

– Еще Сабрак сказал: «Если мы успеем покорить племена и хана Тогорила, благоволение золотого государя будет нужно, как шуба в летнюю жару».

Юнь-цзы беспокойно завозился, что-то шепнул юноше в красном халате, и тот, соглашаясь, кивнул головой. Военный, до этого молчавший, переглянулся с Хушаху, а Елюй Люгэ презрительно-насмешливым взглядом окинул Хо с ног до головы.

– Говори, говори… – Хушаху это произнес так, словно приказал Хо найти что-то еще, похожее на уже сказанное.

– Дальше они говорили, что, если сумеют выполнить задуманное, они… – Хо замялся, покорно поклонился Юнь-цзы и Хушаху. – Такие слова я лучше бы забыл, только ваш приказ заставил меня запомнить их.

– Мы слушаем, – наливаясь краской, сказал Юнь-цзы.

– Если они успеют укрепиться, то… то могут подергать за бороду и самого нашего государя – десять тысяч лет ему жизни! – глядишь, говорят, в руках останется несколько его золотых волос.

Хо похолодел от собственной наглости, про бороду он придумал сам.

Молчавший до этого военный громко, с возмущением сказал:

– В яму их за такие слова!

– Не горячись, Гао Цзы. Всему свое время. Я думаю, пусть они едут и надеются на нашу помощь. Но поможем мы не найманам, а кэрэитам. Что еще есть у тебя? – спросил Хушаху у Хо.

– Кажется, все…

– Иди. Постой. Ты хорошо служишь. Возьми. – Хушаху кинул ему небольшой серебряный слиток.

Кланяясь, Хо попятился к дверям. В коридоре он шумно вздохнул.

Началось время второй стражи[33], когда Хо подходил к дому Ли Цзяна. Небо совсем затянули тучи, сквозь них не светилось ни единой звездочки. В узких улицах города было темно и пусто.

Старый Ли Цзян в мягких войлочных туфлях, в шелковой безрукавке сидел за столиком, ужинал.

– Садись. Давно не был у нас. Цуй, неси гостю чашечку рису.

Необычно молчаливая Цуй подала на стол. Хо похвастал слитком серебра, но она, едва лишь взглянув на него, ушла во внутренние комнаты и больше не появлялась. Ли Цзян взвесил слиток на руке.

– Три лана будет. Не меньше. За что такая милость?

– Я и сам не знаю.

– Человек должен знать, за что его награждают, за что наказывают, – назидательно сказал Ли Цзян.

---

[33] В Китае время от 7 часов вечера до 5 утра делилось на стражи, по два часа каждая.

– Да тут разве что-нибудь поймешь. Сегодня говорят так, завтра иначе.

– Э, ты не прав… – Ли Цзян ушел в другую комнату, принес лист твердой бумаги, исписанный мелкими иероглифами. – Вот слушай. «Расстраивайте все то, что есть хорошего у ваших предполагаемых врагов, вовлекайте влиятельных людей в поступки постыдные, недостойные сана, и потом, при надобности, обнаруживайте их. Заводите тайные связи с самыми порочными людьми ваших врагов, делайте помехи правителям, сейте везде раздоры, возбуждайте ропот, возмущайте младших против старших, вводите музыку, смягчающую нравы; для окончательного развращения шлите к ним распутных женщин; будьте щедры на обещания, подарки и ласковые слова, обманывайте, если нужно для узнавания всего, что делается у предполагаемого врага, не жалейте денег».

Ли Цзян положил листок на стол, постучал по нему пальцем.

– Теперь тебе все понятно? Этому установлению должны следовать и высшие сановники, и младшие чиновники, и такие слуги, как ты.

– Выходит, мы преднамеренно обманываем всех – кэрэитов, татар, меркитов, найманов… А я думал…

– Без этого нельзя нам. Пусть чужие народы дерутся друг с другом – не будут драться с нами. Мы их держим в повиновении их собственными руками.

– Это нечестно, – сказал Хо.

За стенами дома, в деревьях сада прошумел порыв ветра. Крупные капли дождя ударили в бумагу окон. Ли Цзян прислушался, потер спину:

– Ненастье будет. Любую непогоду за три дня спиной чувствую.

Старик, как понял Хо, не хотел обсуждать с ним, честно это или нечестно – преднамеренно и так откровенно обманывать другие народы. Придвинув чашу с рисом, Хо начал есть. Скоро чаша опустела, и Ли Цзян налил ему чаю. Дождь все усиливался. Бубном гудела бумага на окнах.

– Ты будешь ночевать у нас, – сказал Ли Цзян, прислушиваясь к шуму дождя, посмотрел на неубранный стол, перевел взгляд на двери, ведущие во внутренние комнаты.

«Сейчас позовет Цуй», – подумал Хо. Но он тяжело, с кряхтеньем, поднялся, сам убрал посуду, смел со стола крошки. Лицо его, изрезанное мелкими морщинками, было слегка растерянным. Взял слиток серебра, сделанного в виде чуть искривленного, с прямо срезанным концом ножа – в древнейшие времена такими были бронзовые монеты, – провел пальцем по выпуклой вязи иероглифов.

– Кто так щедро одарил тебя?

– Хушаху. Но там был и князь Юнь-цзы, и еще какие-то люди. Один совсем молодой, в красном халате. Он сидел рядом с Юнь-цзы.

– Это, должно быть, князь Утубу.

– И два военных были. Имя одного – Гао Цзы.

– Ты зачем все это рассказываешь? Сколько раз говорю: не распускай язык.

– И вам нельзя рассказывать, учитель? – удивился Хо.

Ли Цзян подумал, важно разрешил:

– Мне можно… Так, говоришь, Гао Цзы? Все верно, где князь Утубу, там Гао Цзы. Они большие друзья. Кто еще был?

– Елюй Люгэ. У него еще глаза такие… веселые.

– Знаю, знаю. Как не знать такого человека. Это один из прямых потомков последнего императора династии Ляо. Важные люди слушали тебя, Хо! И они хорошо оценили твою работу. Не пригодились ли тебе мои поучения?

– Без вас, наставник, я получал не серебро, а палки… – сказал Хо, чтобы сделать старику приятное.

– То-то же.

Заснуть Хо долго не мог. Мешал шум дождя, и слишком много было всего, о чем следовало подумать. Награда все меньше радовала его. Слиток он получил за ложь. Не придумай он про золотую бороду Алтан-хана, вряд ли расщедрился бы Хушаху. Да, но и сами сановники, оказывается, лгут кочевникам. Почему так? Что он соврал – понятно. Ему хотелось помочь кэрэитам, а значит, и семье Есугей-багатура, своей сестре Хоахчин. Он бессилен был помочь им чем-либо другим. А для чего неправда сановникам? В их руках немыслимые богатства, сотни тысяч воинов. Непонятно…

В доме было тихо. Все, кажется, уже спали. Хо лег щекой на деревянный подголовник[34], закрыл глаза. Надо спать. Завтра целый день будет здесь. Он переложит печь… Цуй будет помогать ему. Почему она сегодня на себя не похожа? Не сказала ему ни одного слова.

Утром дождь перестал. Хо вышел в сад. На листьях деревьев, на лепестках цветов блестели дождевые капли, лужи воды стояли между грядок, на дорожке. Сбросив туфли и до колен закатав штаны, Хо принялся за работу. Отвел воду, поправил грядки.

Пришел Ли Цзян, сел на скамейку, зажмурился от солнца, казалось, задремал, пригретый яркими, теплыми лучами. Долго сидел так, встряхнулся, подозвал Хо.

– Важный разговор с тобой будет.

Хо сел, вытянул ноги, пошевелил пальцами, сбивая темно-бурую грязь.

– Ты хотел печку переделать? Успеешь сегодня?

– Не знаю. Но что за беда – закончу завтра.

– Завтра нельзя. У меня будут большие гости. Очень важные гости. О свадьбе будем сговариваться. Да, да, последняя дочь покинет меня, Хо. Как жить буду? Жена болеет, вот-вот позовут ее к себе предки. В монахи идти, что ли?

– Цуй – замуж? – ошарашенно спросил он. – Да вы что, учитель?!

– Мне не хочется с ней расставаться. Но жених хороший – сын чиновника казначейской палаты.

– Не выдавайте замуж Цуй, учитель! Нижайше прошу вас!

– Да ты что! Как можно, чтобы она сидела возле меня? Моя жизнь заканчивается, а ее только начинается. Старое дерево не должно закрывать свет молодой поросли. Лучше уж уйду в монахи. – Помолчал. – А может, мне усыновить тебя, Хо? А? Душа у тебя добрая. Женю на хорошей девушке… А?

– Не нужно мне ничего этого! – Хо, не замечая, рвал листья миндаля и бросал на свои грязные ноги.

– Ты непочтителен. Разве можно так отвечать своему учителю и наставнику? Наверное, я никогда не смогу избавить тебя от дикарских привычек. Ну вот, зачем листья теребишь!

Хо поднялся, пошел к дому. У дверей столкнулся с Цуй. Ее волосы были собраны на макушке в высокий узел и заколоты бронзовой шпилькой. Прическа взрослых! Хо только сейчас понял, что и вчера у Цуй была такая прическа. Он просто не успел ее разглядеть.

– Замуж собралась? – язвительно спросил он.

Она часто заморгала, отвернулась.

– Я не хочу замуж! Не надо мне мужа, Монгол! – Покрутила костяные пуговицы халата, сморщилась – вот-вот заплачет. – Поговори с моим отцом.

– Уже говорил.

– Поговори еще раз, Монгол.

Он вернулся в сад. Ли Цзян сидел на прежнем месте, задумчиво теребил бороду.

– Учитель, простите меня. Я буду вашим сыном, домашним рабом – кем хотите. Только пусть Цуй живет здесь. Не отдавайте ее чужим людям. Не губите свою дочь!

---

[34] В Китае вместо подушек пользовались твердыми подголовниками. Их изготовляли из дерева, кожи, циновок, бамбука, из керамики и фарфора.

– Я думаю, Хо. Я обо всем думаю, а ты мне мешаешь.

Всегдашняя вежливость Ли Цзяна была сейчас невыносимой. Хо стоило усилий оставаться почтительным.

– Вы для всех делаете плохо: для Цуй, для себя…

– С отцом жениха у нас давний уговор. Как я могу нарушить свое слово? Я всегда был честным человеком. Но я думаю еще и о другом. Для дочери бедного человека найти хорошего жениха потруднее, чем получить награду от высоких сановников.

Хо ушел от него обозленный. У дома его поджидала Цуй. В черных, широко расставленных глазах ее была надежда. Хо молча дернул плечами, постоял, мучительно соображая, что можно сделать.

– Далеко ли дом твоего жениха?

– Нет, совсем близко.

– Цуй, если ты согласишься, я попытаюсь помочь… Придут завтра гости, ты скажи, что нездорова.

– Мне и так нездоровится от всего этого. Но зачем так говорить?

– Надо, Цуй. Так надо. А теперь покажи мне дом твоего жениха.

Дом чиновника казначейской палаты был много больше дома Ли Цзяна. Шелковые занавески, клетки с говорящими попугаями, дорогие статуэтки и вазы – все говорило о безбедной жизни. Слуги не пустили Хо дальше порога, позвали хозяина. Чиновник, крупный черноусый мужчина в ярком, расшитом на груди халате и замшевых туфлях с круто загнутыми носками, строго-вопросительно посмотрел на Хо.

– Мне надо поговорить с вами, – кланяясь, сказал Хо.

– Проходи…

Чиновник пропустил его в небольшую комнату, запер за собой дверь.

– Достойный хозяин, от своего учителя, почтенного Ли Цзяна, я много наслышан о вас.

– А, ты тот самый варвар… Что тебе нужно от меня?

– Ничего. Но я узнал, что вы жените сына на дочери Ли Цзяна. Девушка умна и красива. Но она, бедняжка, страдает, как я слышал от нее самой, неизлечимым недугом. Может быть, это и не так…

– Погоди… Ты чего болтаешь? О каком недуге речь ведешь? Ли Цзян знает, что его дочь больна?

– Нет, он ничего не знает. Я тоже узнал случайно.

– Ты врешь! Не может Ли Цзян не знать… Вот я спрошу его!

– Достойный господин, вы только не говорите, что это вам сказал я. Если скажете, я погиб!

Чиновник брезгливо дернул губами:

– Ты, я вижу, глуп! Мне не к лицу ссылаться на такого, как ты. Но почему ты пришел ко мне? Не забота же о благе моего сына привела тебя сюда?

– Забота, господин, забота, и ничего больше.

– Врешь. Тебе, признайся, захотелось заработать на этом?

– Ну, это само собой. Я бедный человек. Мне ли пренебрегать возможностью заработать?

– Так и говори…

Чиновник принес связку медных монет[35], побренчал ими, встряхивая, с презрением бросил под ноги Хо. У него не было сил наклониться и поднять деньги.

– Что, мало? – насмешливо спросил чиновник. – Ты думал, я сделаю тебя богачом?

Хо поднял связку, подоткнул под пояс и, позабыв поклониться, вышел.

---

[35] В Китае монеты выпускали с квадратным отверстием посредине, их нанизывали на шнур в связки определенного достоинства.

IV

На место новой стоянки прибыли поздно вечером, юрту поставить не успели, переночевали под открытым небом. Утром все принялись за работу, а Бэлгутэй заседлал коня и поехал посмотреть, где водятся тарбаганы.

Поставив юрту, разожгли очаг, принесли жертву духу этих мест и священным куклам – онгонам. Разбрызгивая пальцами капли молока, Тэмуджин смотрел на синие горбы гор, врезанные в чистое, светло-голубое небо. Ниже синь гор незаметно переходила в зелень лесов, в них узкими языками втискивалась степь, пепельно-серая, с коричневыми пятнами песчаных наносов и выдувов. Речка Сангур крутой дугой огибала предгорье, на обоих ее берегах жались к воде кусты тальника, словно охраняя воду от степных суховеев. Неподалеку зеленели высокие камыши, сквозь них видна была светлая полоска озера. Над камышами кружились кряковые утки.

Где-то неподалеку отсюда была та стоянка, с которой Тэмуджина увели нукеры Таргутай-Кирилтуха… Вспоминать об этом Тэмуджину не хотелось. Он зашел в юрту, принялся сшивать лопнувший повод уздечки. Хасар сел напротив, достал из ножен меч, начистил его кусочком войлока, посмотрелся в зеркально блестевшее лезвие, поцарапал пальцем под носом – там, где чуть обозначились темные усики. Любимое занятие Хасара – наводить блеск на лезвие меча и рассматривать отражение своего лица. Торопится стать взрослым…

– Дай-ка сюда…

Тэмуджин взял из рук Хасара меч, поднес к своему лицу. В узкой полоске начищенного железа Тэмуджин увидел длинные всклоченные волосы. Надо как-то побрить голову и заплести на висках косы, а то голова как у последнего харачу. Если с такими волосами поехать к Дэйсэчену, вряд ли он отдаст Борте. Волосы у него почему-то почернели, рыжий оттенок еле заметен. А у отца голова была красная, цвета медного котла. У него тоже цвета медного, но словно закопченного котла.

Чуть повернул меч, и по лезвию пробежало отражение высокого чистого лба, показались светлые глаза под тяжелыми верхними веками, над ними – брови, короткие, прямые, слишком далеко отодвинутые от переносья. Под носом, на подбородке, пробились жесткие волосы. Тут они рыжие, ничего не скажешь, – наверное, такие вот и были у отца. И все равно Хасар много красивее его. У брата чуть скошенный назад лоб, резко обозначенные надбровные дуги, длинные, словно бы взлетающие острыми концами к вискам брови, – на такого раз взглянешь, и сразу видно, что это за человек, вся его резкая, стремительная натура видна. У Бэлгутэя характер другой. Он мягче, сговорчивее Хасара. И в лице нет ничего резкого, все закругленное, пухлое…

– Фуджин! Фуджин! – послышался испуганный голос Хоахчин. – Ой-ё, люди едут. Тэмуджин, тебе бежать надо!

Тэмуджин и Хасар выскочили из юрты. С верховьев реки рысью приближались шесть всадников. Тэмуджин огляделся по сторонам – бежать некуда! Вернулся в юрту, схватил лук и стрелы. То же сделал Хасар. Мать встала перед ними, будто хотела собою заслонить от взглядов неизвестных людей. Тэмуджин обошел ее, направился навстречу всадникам.

А всадники остановились, сбились в кучу, о чем-то поговорили и вдруг галопом помчались в сторону от юрты.

– Что такое? Куда они? – спросил Хасар.

Но Тэмуджин и сам не понимал, чего хотят всадники. В той стороне, куда они мчались, на пригорке паслись овцы и лошади. Овцы побежали, высоко вскидывая курдюки.

– Воры! – закричала мать. – Тэмуджин!

Тэмуджин побежал, перерезая им дорогу. Но где пешему состязаться с конными! Они завернули лошадей и погнали в степь. Из-под копыт взлетала пыль и легким облачком плыла над травой. Тэмуджин и Хасар выпустили стрелы, они, не долетев, воткнулись в землю. Один из всадников придержал лошадь, крикнул что-то, засмеялся, поскакал за своими товарищами. Братья смотрели вслед грабителям, пока они не скрылись из виду. Потом вернулись к юрте. Мать сидела на телеге, подпирая ладонью щеку, смотрела в степь, из ее глаз катились слезы. Хоахчин тоже плакала, всхлипывая и громко причитая:

– Ой-ё, как жить теперь будем!

Тэмуджин до боли стиснул зубы. За что их наказывает Небо? Не успеют справиться с одной бедой, другая тут как тут. Осталась одна лошадь на всех – это ли не беда! Ни перекочевать, ни уехать. Вот тебе и женитьба…

Приехал Бэлгутэй, слез с коня, расстегнул подпруги.

– Не расседлывай, – сказал Тэмуджин.

Он набил колчан стрелами, прицепил к поясу меч.

– Я, мама, поеду.

Мать безнадежно махнула рукой. Хасар взял лошадь под уздцы:

– Тэмуджин, разреши поехать мне!

– Отстань!

– Что случилось? А? Что случилось? – Бэлгутэй испуганно вылупил глаза.

– Ослеп, что ли? – зло крикнул Тэмуджин. – Где наши кони?

Взлетев в седло, с силой резанул плетью по боку коня. Всхрапнув и прижав к затылку уши, он понес его в степь. Сначала просто скакал в том направлении, где скрылись грабители, потом спохватился – так он их может потерять. Стал искать следы. Ему повезло. На белом солончаке (голая земля словно бы припорошена снегом) увидел свежие отпечатки копыт. Идти по следам было трудно, на возвышенностях с низкой жесткой растительностью они исчезали совсем. Все время нужно было смотреть под ноги, чтобы не уехать в сторону.

Ночь застала его в степи. Стреножив лошадь, он лег на землю, подложив под голову седло. Очень хотелось есть. Но еды он с собой не захватил…

Низко над головой висели крупные яркие звезды. Было тихо, лишь похрумкивала лошадь, срывая траву. Тэмуджин смотрел на звезды, тоскливо думал о том, что слабым в этом мире жить очень трудно. Будь у него нукеры, разве посмели бы подлые грабители так нагло, на глазах у всех, угнать лошадей. Они бы обошли его юрту далеко стороной. Надо что-то делать. Так жить невозможно. Рано или поздно зловредные люди погубят всех.

Утром он снова тронулся в путь. К полудню добрался до небольшого озерка с горьковато-соленой водой. Здесь грабители ночевали. Вокруг потухшего огня трава была истоптана, валялись чисто обглоданные кости, обрывок волосяной веревки и клочок кошмы. Тэмуджин пнул ногой кости – нестерпимо хотелось есть. Напоил лошадь, напился сам.

И вторую ночь пришлось ночевать в степи. Укладываясь спать, подумал было – уж не возвратиться ли? – но представил, как встретят его мать, братья, и отогнал от себя эту мысль. Без лошадей он не вернется. На край земли поедет, будет драться один против трех, десяти, целого куреня, но своего не отдаст.

Чувство голода притупилось. Только слабость во всем теле напоминала ему, как давно он не ел. Конь тоже измучился, шерсть на его боках и спине была мокрой от пота. Надо было остановиться, дать отдых лошади, поискать для себя дикого лука, корней судуна и подкрепиться, но он боялся, что трава, примятая копытами коней, выправится и идти по следу будет совсем трудно.

Неожиданно впереди блеснула речушка. На ее берегу пасся небольшой табун, у шалаша, крытого шкурами, горел огонь. Тэмуджин остановил коня, всмотрелся в табун. Его лошадей здесь не было. Подъехал к шалашу. Из него на четвереньках выбрался молодой парень. На нем

был короткий халат из хорошей материи, на витом ременном поясе висел нож с костяной рукояткой. Парень с безбоязненным любопытством рассматривал Тэмуджина. А Тэмуджин, не слезая с коня, настороженно заглянул в шалаш. Там больше никого не было. Это его успокоило.

– Ты кто такой? – спросил парня.

– Я Боорчу, сын Наху-Баяна.

– Ты не видел здесь людей?

– Видел. Утром проехали.

– Это воры.

– Воры? Как хорошо, что они не заметили ни меня, ни моего табуна! Ты их хочешь догнать и отбить коней? Один?

– Один.

– Ты смелый. Но что можешь сделать один? – Боорчу поцарапал затылок. – Я поеду с тобой.

– Сначала накорми меня. Есть у тебя что-нибудь?

– О, у меня всего вдоволь! Я тут пасу и дою кобыл. Хочешь молока? Кумыса? Хурута?

– Давай все сразу! – Тэмуджин улыбнулся: парень, кажется, славный.

Пока он ел, Боорчу поймал в табуне двух коней, привел к шалашу, расседлал савраску Тэмуджина.

– Пусть отдыхает. На нем сейчас ни догнать, ни убежать. Поедем на наших конях.

– А табун? Так, без присмотра, и оставишь?

– К вечеру приедет за молоком отец. Присмотрит. Надоело мне все это. Живу один, людей не вижу. – Боорчу заседлал коней, положил в седельные сумы хурута и бурдючок с кумысом. – Еще что нам нужно?

– Если есть лук и стрелы, бери.

– Нет. Были и лук, и стрелы. Отец забрал. Боится, что я ввяжусь с кем-нибудь в драку… «Лучше, – говорит, – пусть угонят кобылиц, чем убьют тебя».

Поехали. Боорчу говорил без умолку. Тэмуджин скоро узнал о нем почти все. У своего отца Наху-Баяна он единственный сын. Отец живет не бедно, скота хватает. С куренем не кочует. Живет сам по себе.

– Вы из чьего улуса? – спросил Тэмуджин.

– Из улуса тайчиутов.

Тэмуджин резко обернулся.

– Ты чем-то удивлен? – спросил Боорчу.

– Нет. Рассказывай…

Но он его больше не слушал. Готовность Боорчу помочь теперь выглядела иначе. Что, если этот парень в сговоре с грабителями? Завлечет его в засаду или ударит ножом в спину… Как тут быть? Может быть, сейчас, пока не поздно, прикончить его? Он остановил лошадь, слез с седла. Остановился и Боорчу.

– Что случилось?

– Подпруги ослабли. Ты поезжай. Смотри за следами.

Боорчу поехал. Тэмуджин вынул из колчана стрелу. Если этот разговорчивый парень замыслил черное дело, так просто не подставит затылок. Сейчас или остановится, повернется к нему, или, если понял, что его замысел открыт, бросится убегать. В том и другом случае надо стрелять. Но Боорчу ехал спокойным шагом, время от времени склонялся, всматриваясь в примятую траву.

Сунул стрелу в колчан, понемногу нагнал его. Боорчу навалился животом на переднюю луку седла, свесил голову.

– Ветерок потянул. Трава качается, и совсем ничего не видно, – сказал он.

Тэмуджин незаметно вглядывался в лицо Боорчу. Из-под летней войлочной шапки, отороченной по краю черной шелковой лентой, во все стороны торчат коротко обрезанные, с загнутыми вверх концами и выгоревшие на солнце волосы, открытые угольно-черные глаза спокойны и внимательны, во взгляде нет ни тревоги, ни настороженности, ни скрытой враждебности. Можно ли так ловко притворяться?

Боорчу выпрямился, натянул поводья, останавливая лошадь.

– Стоит ли нам держаться за след? В той стороне, куда он ведет, я слышал от отца, стоит чей-то курень. Других куреней поблизости нет. Лошадей угнали туда. Нам, может быть, плюнуть на след и скакать прямо к куреню? Быстро поедем, к концу дня будем там.

Ветер был несильный, он лишь слегка взъерошивал траву, но и этого было достаточно, чтобы потерять следы. Если Боорчу говорит правду, на распутывание следов нечего тратить время. Если правду. А если нет?

– Ты хорошо знаешь, где стоит курень?

– Он стоит в урочище Герге. В прошлом году мы там летовали. Нынче тоже хотели кочевать туда. Но раз туда прикочевал курень…

Поехали рысью. Местность была неровная. Мелкие ложбины чередовались с плавно закругленными буграми. Ветер раскачивал неровные, клочковатые травы, казалось, по степи бесконечной чередой бегут волны, исчезая в синей дали. Взгляду не на чем было задержаться – вокруг только зеленые волны и синее небо. Здесь ничего не стоило заплутать, потеряться. Но Боорчу уверенно держал путь на северо-восток. Тэмуджин скакал за ним, чуть приотстав, так, чтобы все время видеть своего спутника с затылка.

К вечеру неровности степи стали более заметны, бугры постепенно сменили сопки с выгоревшей травой на гладких склонах.

– Теперь близко, – сказал Боорчу.

Он поднялся на крутую сопку, оставив лошадь, пешком прошел к вершине, лег, подав знак Тэмуджину следовать за ним.

За сопкой была широкая долина, прорезанная вдоль извилистой речушкой. В ее излучине стоял небольшой курень. Рядом с юртами паслось десятка четыре коней, дальше видны были большой табун и пестрая отара овец.

– Твои лошади должны быть здесь, – почему-то шепотом сказал Боорчу.

– Да, они тут. Но незаметно их не угнать.

Боорчу посмотрел на заходящее солнце.

– Подождем немного.

В сумерках спустились с сопки, шагом поехали к куреню. Тэмуджин вынул из ножен меч, до боли в пальцах сжал рукоятку. Их, кажется, приняли за пастухов, никто не остановил, не окликнул.

Лошади Тэмуджина держались особняком, у них были спутаны передние ноги.

– Эти? – спросил Боорчу.

Тэмуджин кивнул, не спуская с него взгляда. Если Боорчу враг, сейчас подымет тревогу. Но Боорчу соскочил с коня, быстро перерезал путы.

– Гони. Тихо.

– Э-эй, вы что делаете? – закричал кто-то в курене.

Тэмуджин толкнул коня в бока пятками, налетел на освобожденных от пут коней. Боорчу уже скакал рядом, и плеть свистела над его головой. Бешеным галопом, не выбирая направления, лошади понеслись меж сопок. Тэмуджин оглянулся. Из куреня мчался всадник на белом коне. Он визжал и размахивал шестом урги с петлей на конце.

Сумерки быстро густели. Скоро урга в руке всадника стала неразличима, и сам он был плохо виден, белый конь облаком катился над темной степью – все ближе, ближе…

– Не отвяжется! – прокричал на ухо Боорчу. – Дай мне лук!

– Я сам. Гони!

Тэмуджин обернулся, не целясь послал свистящую стрелу навстречу всаднику, с яростью крикнул:

– Поворачивай! Убью!

Всадник отстал. Они сбавили ход, по бледным звездам определили, куда держать путь. Боорчу снял с головы шапку, сунул ее за пазуху.

– Фу, жарко стало! – Громко засмеялся. – Ловко мы, а?

Лошади перешли на шаг. Тэмуджин протянул руку, положил ее на плечо Боорчу:

– Ты хороший парень.

Он чувствовал себя виноватым перед Боорчу, стыдился своей недавней подозрительности. Ладно еще, что Небо вразумило его. Лежал бы сейчас Боорчу в степи со стрелой в спине. И никто бы не узнал, кем, за что, почему убит парень.

– У тебя хорошие духи-хранители, Боорчу. Чаще приноси им жертву.

– Может быть, и хорошие, – согласился Боорчу. – А твои разве хуже? Мои духи помогли твоим, и потому так легко и просто все удалось. Однако будет лучше, если поскорее уберемся из этих мест.

Скакали всю ночь без остановок. На рассвете сменили взмыленных лошадей, опорожнили бурдючок кумыса и помчались снова. В полдень пригнали лошадей к юрте отца Боорчу. Здесь неожиданно для себя Тэмуджин встретил шамана Теб-тэнгри. Обрадовался ему, словно брату родному.

– Ты как оказался тут?

– Где остановится конь, там мой дом. Разве не знаешь?

– Ты меня спас, Теб-тэнгри. Покуда жив, буду помнить об этом.

Теб-тэнгри мягко улыбнулся, кивнул головой, как бы говоря: «Помни, помни…» Сказал, глядя в глаза Тэмуджину:

– Недавно я отбил у лисы птенца. Думал, из него вырастет храбрый кречет…

– А вырос? – спросил, напрягаясь, Тэмуджин.

– Еще растет. Может быть, и кречет, а может быть, и пугливый селезень… Пока не видно. – Узкое, острое лицо шамана огорченно сморщилось.

Тэмуджин проглотил обиду.

– Где твой отец?

– Таргутай-Кирилтух заставил его жить в своем курене.

– Аучу-багатур, говорят, обещал вырвать тебе язык.

– Кто дерзнет поднять руку на священную особу служителя Неба? Такого не было никогда и не будет.

Подошел Боорчу. Посмеиваясь, сказал Тэмуджину:

– Отец чуть не побил меня. Они с матерью всю ночь не спали. Пойдем перекусим слегка и отдохнем. Потом отец зарежет для нас барашка.

Есть Тэмуджин не стал. Все тело гудело от усталости. Прилег на постель и сразу же заснул.

Разбудил его Боорчу вечером. Возле юрты горел огонь, на большом белом войлоке сидели Теб-тэнгри и Наху-Баян. Отец Боорчу был человек еще не старый, с продубленным солнцем и ветрами лицом и крепкими, жилистыми руками. Он усадил Тэмуджина рядом с собой, сказал то ли с удивлением, то ли с осуждением:

– Как ты решился, молодец, один пуститься в такой опасный путь?

– Беспомощные утки летают стаей, а орел всегда один.

Искоса посмотрел на Теб-тэнгри – понял ли? Шаман понял. В черных проницательных глазах скакнули веселые огоньки.

Наху-Баян подумал, словно бы взвешивая его слова, одобрительно хмыкнул.

– Отчаянный… Что же, так и надо. Иначе в наше время не проживешь. Худое время, ох и худое. Ни от воров-грабителей, ни от врагов-чужеплеменников никто простого человека защитить не хочет. Мало того – свои грабят своих, родич порабощает родича. Скажи, Теб-тэнгри, в других местах живут так же?

– И так же, и хуже…

– Ох и время пришло… – со вздохом сказал Наху-Баян. – Будь над всеми нами один хан, люди меньше страдали бы от воров, вражеских набегов. Но нойоны сговориться никак не могут. Разум покинул их.

Тэмуджину вспомнились нападки кузнеца Джарчиудая на нойонов. Каждый из них был для кузнеца нисколько не лучше угрюмого Таргутай-Кирилтуха. Наху-Баян тоже, видимо, недоволен нойонами… А по виду живет не худо, обут, одет, есть скакуны под седло, и дойные кобылицы, и овцы…

Мать Боорчу поставила на войлок деревянное корытце с передней – почетной – частью барана, разрезанной на крупные куски, подала чаши с супом – шулюном.

Из темноты, спасаясь от мошки, в круг света вышли на дым лошади, стали, мотая головами и махая хвостами. Откуда-то бесшумно прилетела сова, снизилась к огню, испуганно прянула в сторону, громко хлопнув крыльями.

– Дура птица, – сказал Боорчу.

– Это не птица, – возразил шаман. – Это дух зла в образе птицы. То видимый, то невидимый, он всегда вьется возле людей. Заметили, как испугалась? Это потому, что здесь оказался тот, кому доступны тайны Неба.

– Если бы тебя, Теб-тэнгри, так же боялись злые люди! – сказал Тэмуджин.

– Они будут меня бояться, – пообещал шаман.

Тэмуджин дочиста обгрыз лопатку барашка, ленивым от сытости взглядом посмотрел на сочные, жирные куски мяса и, хотя есть уже совсем не хотелось, не удержался, взял еще ребрышко.

– Наху-Баян, ты завел разговор о нойонах. Все винят их. Но щедрый нойон или скупой, злой или добрый, а племя без него жить не может. Не будет нойона, племя рассыплется…

– Я говорил, Тэмуджин, о другом, о том, что при ханах жилось бы лучше.

– Однако и хан может быть таким же, как Таргутай-Кирилтух!

– Конечно, конечно, – охотно согласился Наху-Баян. – Но несправедливость хана – несправедливость одного человека. Та же несправедливость нойонов умножается на их число.

Шаман давно наелся и теперь лежал на войлоке, ковыряя в зубах сухим стебельком травы.

– Каким бы ни был хан, – сказал он, – его власть сводит улусы разных племен в один большой улус. Исчезает вражда. Боятся нападать враги. Не льется зря кровь. Все это давно поняли в земле найманов, начали понимать кэрэиты, только у нас ума не хватает.

– Ума ли? – не согласился с ним Наху-Баян. – Вот у его отца, храброго Есугея, ума хватало. Но нойоны не хотели видеть его ханом.

Помолчали. Потом заговорили о другом. Но Тэмуджину не хотелось говорить о другом, и он спросил Наху-Баяна:

– Не боишься кочевать один?

– Побаиваюсь, – просто признался Наху-Баян. – Недобрые люди всегда могут, как у тебя, угнать скот. Или отобрать юрту, повозку. Или лишить жизни. Но кочевать с куренем мне тоже не с руки. Весь скот теснится возле куреня, быстро выбивает траву, тощает. В то же время поезжай в любую сторону – на много дней пути нетоптаные пастбища. Давно пора кочевать айлами в три-четыре юрты. Но пока враждуют племена, айлы – добыча лихих людей.

Многое, о чем раньше Тэмуджин лишь смутно догадывался, становилось понятнее, но успокоение не приходило, напротив, неясное чувство тревоги все росло, заставляло напрягать ум, возвращаться к старым своим думам, иначе смотреть на то, что недавно каза-

лось твердо установленным. Раньше только собственная судьба казалась трудной и превратной, а теперь он видел, что неустройство, неуверенность в будущем, тоска по безопасности и покою – удел многих, и не Таргутай-Кирилтух тому виной. Если на время отбросить свою ненависть к нойону, на все посмотреть как бы со стороны, окажется, как это ни горько признать, Таргутай-Кирилтух преследует его семью не из пустой злобы к нему, к братьям, к матери, не из мести за обиды, быть может причиненные отцом; он хотел утвердить надо всеми свою власть, возможно – даже стать ханом монголов, а раз так, не мог он оставить сильной, независимой семью Есугея, человека, не возведенного в ханское достоинство, но обладавшего властью хана; с этой стороны он видел постоянную угрозу своим устремлениям, корень будущих междоусобиц, причину гибельного кровопролития, обнищания племен, – словом, если быть честным до конца, Таргутай-Кирилтух все обдумал хорошо и правильно и старался он не для себя одного, для блага всех, но не сумел устранить несогласия, прекратить раздоры, его устремления никому ничего не принесли, если, конечно, не считать горя, страданий, обид, причиненных, скорее всего, не только их семье. Почему так получилось? Что помешало Таргутай-Кирилтуху? Что помешало отцу стать ханом, если он был сильнейшим среди равных ему?

– Тэмуджин, люди какого племени угнали твоих коней? – спросил Теб-тэнгри.

– Что?.. А-а… Не знаю. Нам некогда было разбираться, – рассеянно ответил Тэмуджин, возвращаясь к своим прерванным размышлениям.

Но думать ему не дали. Наху-Баян снова похвалил его за смелость, скосил глаза на сына, спросил:

– Мой Боорчу от страха ничего не наделал?

– Боорчу бесстрашный человек!

– Ха! – Наху-Баян вроде бы не поверил, но по лицу видно – доволен своим сыном.

И Тэмуджин решил воспользоваться его добрым расположением.

– Наху-Баян, мне надо ехать к хунгиратам. Дочь Дэй-сэчена – моя невеста. Мне пора обзаводиться своей юртой.

– Дэй-сэчена я знаю. Достойный и богатый человек.

– Наху-Баян, найду ли я себе в товарищи человека лучше, чем твой Боорчу?

Наху-Баян не торопился с ответом. Расколол кость, высосал мозг, сорвал клок травы, вытер им жирные губы и руки, Боорчу незаметно толкнул Тэмуджина, подмигнул, как бы говоря: «Проси, хорошо проси!»

– Наху-Баян, когда мы вдвоем с Боорчу, нам никто не страшен…

– Вот-вот, не страшен… Слишком уж ты отчаянный, Тэмуджин. Мало бит. Но ты и не безрассуден, как я посмотрю. Пусть сын едет с тобой. Вашей дружбе я не помеха. Мое солнце клонится к закату, ваше только всходит. Будете стоять друг за друга в беде и нужде, и никакие тучи не затмят вам света.

Все получилось хорошо. Даже слишком хорошо все получается в последнее время. Легко отбил коней, нашел нукера… Когда слишком много сразу хорошего – жди плохого. Что, если Дэй-сэчен все-таки не захочет отдать Борте? Как быть? Похитить, как предлагал Хасар? Искать невесту в другом курене? Все это не подходит. Может быть, попросить Наху-Баяна съездить к Дэй-сэчену, выведать, что он думает… Нет, нельзя просить об этом Наху-Баяна: кто много просит, тот мало получает. Может быть, Теб-тэнгри как-то сумеет помочь?..

Выждав, когда остались вдвоем с шаманом, сказал:

– Помоги мне еще раз, Теб-тэнгри. Поезжай к Дэй-сэчену. Тебе все равно куда ехать.

– Но кому помогать – мне не все равно. Я сделал все, чтобы вызволить тебя, я поеду к Дэй-сэчену. А почему?

– Твой отец друг моего отца…

– Это так. Но у твоего отца были и более близкие люди – родичи. Кто помог тебе?

Слабая, словно бы виноватая улыбка шамана не делала его слова мягче. Он прикоснулся к тому, что всегда причиняло Тэмуджину боль. Родичи оказались или трусливыми, или равнодушными, они вели и ведут себя постыдно. Мунлик в тысячу раз лучше единокровных дядей и двоюродных братьев. Но что за радость для шамана напоминать о том, что и без того не будет забыто? Сказал, сдерживая обиду:

– Родичи далеко. А ты здесь, рядом…

– Когда твою шею натирала колодка, не я, твои родичи жили рядом.

Шаман был неуступчив. Он, кажется, хотел, чтобы Тэмуджин вслух осудил своих родичей. Но он не мог этого сделать: они – родичи.

– Я тебя попросил. Если не хочешь, так и скажи.

– Уже сказал: поеду. И Борте будет твоей – слово шамана. Но ты пойми вот что. Жизнь наших отцов шла по одному кругу, наша пойдет по-другому. Я присматривался ко всем молодым сыновьям нойонов. Ты больше других заслуживаешь поддержки. Я, как мой отец и мои братья, связываю свои надежды с тобой. Ты должен всегда помнить об этом. Позабудешь – я найду другую опору.

– Что еще за опору ты ищешь?

– Нойон – опора шамана. Без такой опоры он бродяга, гадающий на костях за чашку мясного супа.

– Я не нойон, Теб-тэнгри. Я беднее, чем ты сам.

– Ты будешь нойоном. Я тебе помогу возвратить все, чем владел твой отец.

Тэмуджин не сдержал недоверчивой усмешки:

– Ты можешь сделать все?

– Не все, Тэмуджин, но многое. Ни один удалец с острым мечом не сделает того, что доступно мне. Я могу склонить на твою сторону тысячи людей…

– А зачем они мне? Я не собираюсь ни с кем воевать, даже с Таргутай-Кирилтухом. Пусть только он оставит меня в покое.

– Оставит он, не оставят другие. Сейчас время такое, что или покоряй других, или покоряйся сам. Что ты выберешь? Пришел срок решать – решай.

Тэмуджину все труднее становилось говорить с шаманом. Казалось, он медленно, но неослабно сдавливает руками его горло. Это ощущение было до того явственным, что Тэмуджин покрутил головой, рассердился:

– Не толкай меня туда, куда идти не хочу! Не ищи возле меня своих выгод.

– Выгода многих людей, Тэмуджин, находится в одном и том же месте. Хочешь не хочешь, а идти к ней надо рядом с другими. Я много езжу, много вижу и слышу, знаю, о чем думают, на что надеются люди. Поймешь, чего они хотят, – надежды людей станут твоей силой. Не поймешь – они растопчут тебя.

Шаман говорил уже без своей легкой улыбки. Был он строг и серьезен. Пламя отражалось в его непроницаемо-черных глазах, от этого узкое, остроносое лицо казалось отчужденно-суровым. Таким шамана Тэмуджин еще никогда не видел, и чувство робости перед ним тихо вползло в душу. Он бы не хотел, чтобы такой человек оказался в числе его врагов…

V

При перекочевке дед Каймиш всегда ставил свою юрту в стороне от куреня: не любил старик шума и многолюдия. Тайчу-Кури хотел было поселиться с ним рядом, но Аучу-багатур не позволил – место раба у порога господина. Свою юрту Тайчу-Кури поставил на самом краю куреня, отсюда было хорошо видно все, что происходит возле ветхого жилища деда Каймиш. Доволен остался и этим.

Старик вставал рано. В теплый день садился на обрубок бревна, подставлял солнцу лицо, а если было холодно или пасмурно, разводил огонь, грелся возле него, покашливая от дыма. Вскоре выходила из юрты и Каймиш. Тайчу-Кури поднимал над головой шапку, Каймиш в ответ приветливо махала рукой.

Так начинался день. И потому, что он начинался так, Тайчу-Кури легко было делать самую тяжелую работу. Аучу-багатур в последнее время держал его при себе, случалось, хвалил: «Ты ловкий и старательный». Нойон думал, что он старается для него. Но Тайчу-Кури старался все делать как можно скорее по другой причине. После работы он бежал к юрте старика, выстругивал стрелы, болтал с Каймиш о чем-то, что тут же забывалось, – не смысл разговора был важен, а звучание голоса девушки, ее смех, поблескивание ее глаз, улыбка белозубого щербатого рта – и не было в это время человека, довольного жизнью больше, чем Тайчу-Кури.

Старик чаще всего молчал. Слаб он стал. Работал медленно, быстро уставал. Аучу-багатур был сердит на него. Тайчу-Кури понемногу научился делать стрелы самостоятельно. Пока что они получались грубоватыми, не было у них той строгой красоты, которой так славились стрелы старика. Но они с Каймиш решили, что Аучу-багатур ничего не поймет, стали в пучки стрел старика для большего счета подсовывать стрелы Тайчу-Кури.

Аучу-багатура, однако, провести не удалось. Он подвернул как-то вечером к юрте, достал из колчана несколько стрел, бросил под ноги старику.

– Ты теперь за три дня не делаешь того, что делал раньше за день. Уважая твои седины, я молчал. А как ты понял мое молчание? Это не стрелы – едва оструганные палки. Их постыдится носить в своем колчане даже нищий харачу.

Старик поклонился, поднял стрелы, провел пальцем по древку. Усмотрел оперение.

– Мои руки к ним не прикасались.

– Вон как? Такому вот парню, – Аучу-багатур толкнул рукоятью плети в грудь Тайчу-Кури, – врать, может быть, и простительно. А у тебя седая голова!..

У старика дрогнули сухие, бледные губы.

– Я никогда не врал, Аучу-багатур!

– Это мои стрелы, – сказал Тайчу-Кури, внутренне весь сжимаясь в ожидании удара.

– Твои? Как посмел совать их мне?

– Я очень хотел, чтобы твои колчаны были набиты стрелами.

– Ну и дурак же ты, Тайчу-Кури! Ты собирай аргал, выделывай кожи и не лезь куда не следует.

– Но я хочу делать стрелы! Я уже говорил тебе, Аучу-багатур.

– А я хочу взять в жены дочь Алтан-хана китайского! – Аучу-багатур хохотнул. – Почему я не могу взять ее в жены? А, Тайчу-Кури?

– Если Алтан-хан позволит – возьмешь. А если ты позволишь, я буду делать стрелы.

Старик поклонился Аучу-багатуру:

– Я давно слышу зов своих предков. Скоро уйду к ним. Кто тогда будет делать для вас стрелы? Вот он, Тайчу-Кури. Почему же не даешь ему учиться? Собирать аргал могут и другие. Он прилежный парень.

– Прилежный – это верно. Ты скоро помрешь – тоже верно. Пусть будет так, как вы хотите. Учись, Тайчу-Кури. Но если стрелы будут не лучше, чем эти, я велю ломать их о твою спину.

Смеясь от нежданной радости, Тайчу-Кури сказал:

– Лучше о руки. Спина никогда не бывает виновата, а бьют по ней.

На другой день с утра Тайчу-Кури поехал резать палки. От куреня в степь тянулись стада и табуны. За ними ехали вооруженные всадники. В последнее время меркиты часто нападали на улус тайчиутов, и стада караулили воины. Тайчу-Кури во все горло распевал песню. Воины с удивлением оглядывались на него, а один даже погрозил копьем. Им непонятно, что на душе

у него большой праздник. Сбылось самое сокровенное желание. Теперь он с утра до вечера будет работать рядом с Каймиш. Хорошо. Ой как хорошо!

Низенькая лошадка с косматой, спутанной гривой трусила ленивой рысью. Из травы выглядывали солнечно-желтые маки, взлетали стайки быстрых бурульдуков, по лощине неуклюже бежал коротконогий толстый барсук. Тайчу Кури погнался за ним, но барсук спрятался в нору. Плохо, что у него нет лука. Было бы на ужин жареное мясо. Хотел покараулить у норы, но вспомнил, что барсук пасется только ночью, поехал дальше. Успокоил себя: мясо барсука слишком жирное, в такую жару его есть невозможно.

У гряды зарослей харганы слез с лошади, принялся срезать палки. Прежде чем срезать золотисто-зеленый ствол, осматривал его со всех сторон, вымерял толщину и длину. Очень хотелось, чтобы старик был доволен им. Хороший человек дед Каймиш. Надо скорее научиться делать стрелы не хуже, чем он, пусть тогда дед отдыхает, грея на солнышке свои кости. Любую работу он может делать за двоих, а такую, да рядом с Каймиш, – подавно.

В ветвях харганы сонно жужжали мухи. С гудением пролетела над головой земляная пчела, села на цветок мака, его тонкий опушенный стебелек дрогнул, упруго выгнулся. Пчела ползала в чаше лепестков, пачкаясь в желтой пыльце. Тайчу-Кури подождал, когда она взлетит, побежал за ней. Может быть, удастся отыскать гнездо – мед будет. Вкусная штука мед! Бежал, не спуская глаз со сверкающих на солнце крылышек пчелы, запнулся о камень, упал. Сел, растер ушибленное колено. Мед хорошая штука, но можно обойтись и без него. Прихрамывая, пошел обратно. Но тут другая пчела прожужжала чуть в стороне, и он резво бросился за ней. Должно быть, где-то тут гнездо!

Бегал за пчелами почти полдня. Лошадь, кусты харганы остались где-то за бугром. Но зато нашел-таки гнездо. Пчелы подлетали к плоскому, в буро-зеленых лишаях камню, садились на него, ползли вниз, исчезали из виду. Он нарезал дэрисуна, связал веник, поглубже надвинул на голову облезшую тарбаганью шапку, отвернул камень. Под ним была небольшая, пальца не просунуть, нора, из нее доносилось глухое, слабое гудение. Начал ножом разрывать неподатливую, оплетенную белыми корнями землю. Пчелы, прилетая, со злым жужжанием кружились над головой. Зажав в левой руке веник, он махал им, сшибая чрезмерно нахальных.

Неожиданно нож отвалил большой ком земли. За ним в пустоте между двумя камнями желтел восковой нарост величиной с кулак, по нему ползали пчелы. Тайчу-Кури быстро срезал нарост, побежал. Пчелы летели за ним, жалили в шею, в лицо, в руки.

– Ой, ой! – вскрикивал он.

Понемногу пчелы отстали. Тайчу-Кури перевел дух. Лицо, шея, руки ныли и горели, вспухая на глазах. Но это ничего, от этого не умирают. Сорвал лист щавеля, завернул в него мед, положил за пазуху.

Резать палки искусанными руками было трудно. Тайчу-Кури, облегчая боль, громко охал, а когда становилось вовсе невмочь, доставал мед, вдыхал его аромат безобразно вздувшимся носом.

В курене подвернул к своей юрте. Обрадовался, что матери нет дома. Она бы испугалась, увидев его распухшую рожу. Разрезал восковое гнездо на две равные части. На срезах в углублениях блестели капли густого прозрачного меда. Облизал нож, почмокал языком, отделил от той и другой половины по кусочку, помазал ими головы кукол-онгонов. После такого угощения они принесут ему много-много счастья.

Каймиш и ее дед, увидев Тайчу-Кури, подумали, что его снова кто-то избил. Но когда он рассказал, как все было, Каймиш смеялась до слез. Старик тоже улыбался.

– Надо было их дымом…

– У меня не было ни кремня, ни огнива. Каймиш, перестань! На́ вот, ешь. Еще столько же я оставил матери. Попробуешь и скажешь: за это стоило вытерпеть укусы пчел.

Каймиш взяла мед, ее белые зубы мягко вошли в воск.

– О, я никогда ничего такого вкусного не держала во рту! – Отрезала кусочек дедушке, кусочек Тайчу-Кури. – Попробуйте.

Тайчу-Кури отказался.

– Я свое от пчел получил, – засмеялся он.

– Ну нет! – Она чуть не силой впихнула ему в рот кусочек. – Жуй. Ты опять стал таким красивым! Что скажет твоя мать?

– А я домой не пойду. Переночую у вас. Сходи к ней, Каймиш. Пусть она меня не теряет.

К вечеру небо заволокло серыми облаками. Начал накрапывать мелкий теплый дождик. Старик развел огонь в юрте. Быстро наступила ночь. Дождь все усиливался. Крупные капли сыпались в дымовое отверстие, шипели на алых углях аргала. За дверью заскулил пес. Каймиш впустила его. Он облизал ее руки, встряхнулся и улегся на кошме у порога, задремал.

Вдруг в курене послышались крики. Пес выскочил, поводил острыми ушами, громко залаял. Тайчу-Кури вышел из юрты и услышал близкий топот копыт. Не успели его глаза привыкнуть к темноте, как волосяной аркан захлестнулся на шее. Он упал. Какие-то люди навалились на него, завернули руки за спину, связали, бросили поперек седла. Взвизгнула и затихла собака, пронзительно закричала Каймиш.

– Быстрей! Быстрей! – громко распоряжался кто-то. – Скачите к куреню, пусть отходят!

Лошадь под Тайчу-Кури пошла скоком. Кто-то ехал рядом, придерживая его за воротник. Мокрая ветка больно хлестнула по лицу. Тайчу-Кури догадался: всадники спустились к речке и едут среди тальников. Рванулся, слетел с лошади, вскочил, вдавился грудью в кусты, побежал. Через несколько шагов упал в какую-то яму, наполненную жидкой вонючей грязью, замер. Ломая кусты, всадники промчались рядом, но тут же возвратились к своим. Искать его было некогда: со стороны куреня накатывались крики разъяренных тайчиутов. Они опомнились от внезапного удара, валили следом беспорядочной толпой.

Тайчу-Кури пошел навстречу. Толпа окружила его. Кто-то зажег смолистую палку. В круг неровного, пляшущего света въехал Таргутай-Кирилтух, пыхтя от тесноты боевых доспехов, наклонился к нему.

– Много было меркитов?

– Кажется, много.

– А сколько увезли наших людей?

– Не видел. Темно.

– Развяжите ему руки, чего рты раскрыли? – Таргутай-Кирилтух подобрал поводья, выпрямился, бросил недобрый взгляд на Аучу-багатура. – Где твои караульные? Спали? Не хотели мокнуть под дождем? Вышиби дух из каждого! А сейчас собери всех, кто успел заседлать коней. Будем догонять…

В той стороне куреня, где стояла юрта Тайчу-Кури, бродили люди, освещая дорогу пылающими головнями. Сырую землю исковыряли копыта, несколько юрт было опрокинуто. У одной из них простоволосая седая женщина громко выла, воздев к небу костлявые руки, голый мальчонка лет трех-четырех жался к ее босым ногам, его мокрое тело дрожало от страха и холода. Тайчу-Кури подхватил мальчика на руки, толкнул в чью-то юрту, побежал к своей. Она стояла нетронутой, но матери в ней не было.

– Мама! – громко крикнул он.

Никто не отозвался. Он заметался среди людей, выкрикивая все громче, все отчаяннее:

– Мама! Мама!

Подошел Сорган-Шира. В руках он держал палку с привязанным к ней салом. Она ярко горела, распространяя запах жареного.

– Твою мать, кажется, увезли. Я слышал ее голос. Она звала тебя.

Голова Сорган-Шира была мокрой, жиденькие волосы прядями прилипли к лысине. Он зябко ежился, палка в его руке слегка подрагивала, на землю с шипением падали капли горя-

чего жира. Тайчу-Кури взял из его рук палку, пошел к юрте дедушки Каймиш. В ней было пусто. В открытый дверной проем захлестывались дождевые струи, кошма возле порога, там, где дремал недавно пес, была мокрой, а собака лежала в десяти шагах от юрты. Голова разрублена, зубы застыли в злобном оскале.

По всей юрте валялись нарезанные им палки. В очаге еле теплился огонь. Тайчу-Кури все осматривал торопливо, с лихорадочной поспешностью. Потом вдруг понял: спешить некуда. Совсем некуда. Ничего не осталось. Еще недавно у него было все, чего он желал, и вот – ничего. Зачем было бежать от меркитов, если у них – мать, Каймиш, ее дедушка?

Выбросил палку с огнем из юрты. Она упала в мокрую траву, угасла. И сразу стало темно. Огонь в очаге светился зловещим красным глазом. Тайчу-Кури стоял в юрте, сжимая и разжимая пальцы. Мокрая одежда прилипла к телу, по коже пробегал озноб, глухая боль теснила сердце. Надо было развести огонь, высушиться, но одному сидеть в юрте стало невыносимо, и он понуро потащился в курень. Зашел к Джарчиудаю. Ни кузнец, угрюмый больше, чем всегда, ни его сыновья не спали. В юрте было все перевернуто.

– И у вас были?

– Нет, до нас они не успели дойти. Мы уходим из этого проклятого куреня! – Кузнец выругался, грубо спросил: – Чего тебе?

– Ничего. Маму, Каймиш… – Тайчу-Кури не договорил, слова застряли в горле.

Джарчиудай крякнул, выругался еще злее, налил в чашу архи, сунул ее в руки Тайчу-Кури, приказал:

– Пей.

Он выпил. Озноб стал проходить.

– Сегодня хотите бежать?

– Когда же еще? Пока тут шум, крик и неразбериха, нас ловить не будут.

– А куда бежите?

– Все равно куда. Будем кочевать из куреня в курень. Хуже, чем тут, не будет. Когда меня избили за побег Тэмуджина, я им сказал: уйду. И вот я ухожу. – Джарчиудай налил архи себе, выпил. – Джэлмэ, седлай коня. Да поглядывай, не увидел бы кто. Субэдэй, положи эту чашку в суму… Ты, Тайчу-Кури, можешь идти с нами.

– Я буду ждать. Таргутай-Кирилтух отобьет наших.

– Может быть, отобьет. Но скорее всего, сделает другое. Нападет на какой-нибудь курень меркитов, похватает людей, приведет сюда. Больше ему ничего не нужно. Что для Кирилтуха твоя мать? Для нойонов черные люди что овцы – идут по счету.

Кузнец завернул в мягкую кожу молотки, клещи, крепко стянул сверток ремнями, подал младшему сыну:

– Ты понесешь.

– Тяжелый, – скривился Чаурхан-Субэдэй.

– Молчи! Кто не боится тяжестей, тот живет легко. И не кривись. Конь у нас один, половину груза придется нести на себе.

Вошел Джэлмэ. Вдвоем с отцом они вынесли узлы и сумы, привязали к седлу. Все остальное уложили в заплечные мешки. В юрте стало пусто. Джарчиудай стал на колени перед очагом, пошептал слова молитвы, дергая клочковатыми бровями. Поднялся и, ни на кого не глянув, шагнул за порог. Джэлмэ, Чаурхан-Субэдэй, горбатясь под тяжестью заплечных мешков, последовали за ним.

Тайчу-Кури проводил их за курень.

Шли молча. За спиной сопела лошадь. С неба тихо сыпался мелкий дождик. В курене все еще мелькали огни.

– Все-таки, может быть, пойдешь с нами? – спросил Джарчиудай. – Нет? Ну, как знаешь. Зайди в мою юрту. Там еще осталась архи. Забыл тебе сразу сказать.

– Ничего мне больше не надо.

Он распрощался, остановился. Джарчиудая, его сыновей, тяжело навьюченную лошадь сразу же поглотила тьма. Какое-то время еще слышал глухие шаги, но и эти звуки размыло тихое шуршание дождя. А он все стоял, прислушиваясь к шуршанию, к боли в своем сердце, ставшей вдруг пронзительно острой.

VI

– Разве дневки не будет?

Чиледу повернулся в седле. За ним с заводными конями в поводу рысили три нукера – молодые парни в плетенных из ремней куяках и остроконечных кожаных шлемах. Лица потемнели от усталости, обветренные губы потрескались. Парни были слишком молоды, не успели еще привыкнуть к изнурительным многодневным переходам. Сам он тоже устал. Полдня и целую ночь не слезали с коней. Солнце поднялось уже высоко, пора бы остановиться на отдых, к тому же и ехать днем здесь небезопасно, но кругом сухая степь с низкой сизой травой – ни озера, ни речушки.

– Потерпите, – сказал Чиледу нукерам.

Они возвращались из татарских кочевий. Тохто-беки и Тайр-Усун направили его к нойону Мэгуджину Сэулту с важным делом. Нужно было уговорить нойона выступить в одно время с меркитами против тайчиутов. Татары в последние годы все реже тревожили своих исконных врагов. Им было не до тайчиутов. Отношения с Алтан-ханом, когда-то сердечные, становились все хуже и хуже, и татары перед лицом возрастающей угрозы большой войны с могущественным соседом старались не озлоблять старых врагов, сберегали свои силы. Тохто-беки и Тайр-Усун говорили, что у них невелики надежды втянуть Сэулту в борьбу с тайчиутами. Дело Чиледу – выведать, какие думы и намерения у татар, если Мэгуджин Сэулту примет Чиледу, простого десятника, благосклонно, для окончательного уговора будет направлен кто-то из нойонов.

Ни Тохто-беки, ни Тайр-Усун не назвали еще одну причину, почему они посылали к Мэгуджину Сэулту не нойона, а его. Путь к татарам лежит через земли тайчиутов. С большой свитой пройти через них незаметно очень трудно, с маленькой – опасно, и не к лицу важному нойону ехать на переговоры в сопровождении трех-четырех всадников.

Чиледу снова оглянулся. Нукеры дремали на ходу. Бока лошадей были мокрыми от пота, на кромках войлочных чепраков белела мутная пена. Если бы их сейчас встретили тайчиуты… Он подумал об этом без страха, даже без тревоги. Он давно перестал бояться смерти, не уклонялся от нее, и она, словно зная это, обходила его стороной.

Лошади, трусившие с устало опущенными головами, неожиданно взбодрились, зафыркали, пошли веселее. Кажется, почуяли воду. Местность впереди полого поднималась, закрывая даль. Чиледу привстал на стременах, но ничего не увидел. Он рассчитывал выйти к Керулену на рассвете, но то ли уклонились в сторону, то ли слишком утомлены были лошади, и рассвет, и восход солнца застал их среди голой степи.

Перед вершиной возвышенности он остановил нукеров, поехал вперед один. Местность за ней снова полого снижалась, сизая трава сухой степи незаметно переходила в густую зелень сырых лугов. Вода Керулена голубела в низких, пологих берегах. Нигде не было видно ни табунов, ни юрт. Выше по течению сбились в тесную кучу кусты тальников или черемухи. На плоской равнине они казались очень высокими.

Махнув рукой нукерам, он рысью поехал в кусты. Место для дневки было подходящее. В кустах они скроются сами и спрячут лошадей. По чистому месту незамеченными к ним никто не сможет подойти, а на возвышенности можно оставить караульного.

Нукеры быстро расседлали коней и тут же повалились на землю. Он подошел к воде, смыл с лица сухую, въедливую пыль, напился и остался сидеть на берегу. Вода бежала тихо, без плеска, чуть покачивала травинки, свисающие с берега. Когда-то на берегу этой самой реки он, глупый от близости Оэлун, размышлял о будущей своей жизни, и она виделась ему ясной и радостной, как теплое весеннее утро.

Весь, до мелочей, вспомнился тот обед с Оэлун. И так явственно, что на мгновение даже показалось: не было ни рыжего Есугея, ни пустой, тягостной, никому не нужной жизни в эти годы, что все это лишь померещилось, вот обернется и увидит пару усталых быков, крытую повозку с перьями травы, приставшей к ободам колес, белый дым огня, за ним – Оэлун, раскладывающую еду на разостланной коже. И он невольно обернулся. Под кустами спали нукеры. Они так устали, что даже не сбросили обувь, не сняли тесных куяков. Он подошел к ним, ослабил ремни доспехов, стянул гутулы. Ни один не проснулся. Эх, воины! Наверное, таким же, как эти парни, был в ту пору и он. Подумать только – развел огонь, расселся, будто в своем курене! Сейчас бы этого не сделал. И рыжего Есугея так просто не отпустил бы. Надо было забрать у него коня. Пешком он не скоро бы добрался до своих. Они с Оэлун могли бы уйти. Не хватило храбрости, ума или еще чего-то, упустил одно мгновение и наказан на всю жизнь.

Он посмотрел на коротко остриженных, как и полагается незнатным, нукеров, по-детски посвистывающих носами, и подумал, что у него могли быть такие вот сыновья. В эту дальнюю и трудную дорогу он взял бы с собой своих ребят. А там, в курене меркитов, их ждала бы, тревожась, маленькая женщина – Оэлун.

А теперь спешить некуда и незачем. Так же беспечно, как эти парни, он может сейчас растянуться на траве, заснуть, не боясь попасть в руки тайчиутов. Но он не сделает этого. Не ради себя, ради нукеров. Их ждут отцы, матери, невесты. И они еще не знают, как опасно быть человеку беспечным. А может быть, и знают, но надеются на него. В такие годы легче верить в других, чем в себя. Но им бы следовало помнить, что счастливый приносит радость, а несчастный – горе. Зря они верят в него.

Чиледу поднялся на возвышенность, огляделся и, ничего не увидев, лег прямо на землю. Пусть парни поспят, а он побудет здесь, покараулит, потом, когда они отдохнут, выспится и сам. Так будет лучше. С тех пор как потерял Оэлун, он никому радости не принес, а горя – сколько хочешь. Года четыре назад привел в юрту жену. Она готовила ему пищу, шила одежду, была заботливой и доброй, но всегда оставалась для него чужой, лишней. Она хорошо понимала это, мучилась, сердилась, ее покорность и тихая доброта медленно сменилась злостью, раздражительностью, добросердечный человек на его глазах становился вредным, неуживчивым. Кончилось это тем, что однажды ночью она заседлала его коня и уехала из куреня неизвестно куда. Он слышал, как она собралась и поехала, но не поднялся, не побежал догонять.

Тайр-Усуна ее побег развеселил до смеха. «Чем же ты прогневил духов, Чиледу? Одну жену отобрали, другая ушла. Ты что, не мужчина?»

Солнце поднялось высоко, стало жарко. Мысли Чиледу сделались вялыми, тихо подкрадывалась дремота. Он поднялся, разулся, походил, приминая босыми ногами жесткую, колючую траву, постоял, вглядываясь в безжизненную степь, и внезапно понял: его промахом было не только то, что он отпустил Есугея на коне, все последующие годы жизни были одной сплошной ошибкой. Его сердце когда-то жгла ненависть к тайчиутам, он измышлял всякие способы расплатиться с ними, но Тайр-Усун не давал воли. Весть о преждевременной смерти Есугея он воспринял так, будто его обманули, будто помогли рыжему уйти от возмездия. Осталась надежда, что когда-нибудь меркиты осилят тайчиутов, разгромят их курень и он сможет доискаться, кто помог Есугею схватить Оэлун. Этим двум он не даст уйти от кары. Но умудренный жизнью Тохто-беки и его нойоны все чего-то выжидали, поддерживая видимость добрососедства, они лишь позволяли своим людям отгонять табуны и стада тайчиутов. Во время налетов,

случалось, захватывали и людей, но всегда незнатных воинов или пастухов, никто из них не мог ничего сказать ни о судьбе Оэлун, ни о тех двух.

Не нужно было надеяться на кого-то, а самому, в одиночку, снова и снова пытаться найти Оэлун. Пусть так он скорее, чем ее, нашел бы собственную смерть – что с того? Рано или поздно человек должен умереть. Страшно покидать эту землю тому, у кого много радостей или забот о своих близких. Ничего такого у него нет, даже ненависть с годами увяла, будто трава на сухом песке. Когда-то мудрый Бэрхэ-сэчен говорил ему, что ненависть не самый лучший спутник в жизни человека. Может быть, так оно и есть, но ему ненависть помогла жить, а что будет теперь, если опаленное ею сердце перестанет болеть и ждать часа расплаты? Он будто мертв, оставаясь в живых.

Один из нукеров проснулся, поднял голову, огляделся и, не увидев его, вскочил, растормошил товарищей. Схватив луки, они осмотрели кусты, вернулись, о чем-то стали разговаривать, настороженно озираясь. Глупые! Не догадались даже посчитать коней. Все кони на месте, значит и он где-то здесь – в степи человек без коня подобен птице с обрезанными крыльями… О чем они гадают, пустоголовые? Свистнул, спустился вниз.

– Выспались?

– Нет еще. Есть хочется.

Они не спросили, где он был, и это пришлось ему по душе. Плохо быть глупым, еще хуже – любопытным от своей глупости.

– Ну что ж, будем есть.

Достал из седельных сум котелок, зачерпнул воды, в воду насыпал мелких крошек хурута, размешал палочкой. Нукеры подставили свои чашки. Потом поочередно заглянули в пустой котелок.

– Больше ничего не дашь?

Он выпил болтушку, старательно облизал края чашки.

– Не дам. Вы в походе. Если воин захочет есть сколько вздумается, за каждым нужно гнать повозку, груженную едой.

– Мы ничего не ели почти сутки!

– Воин должен уметь обходиться без еды и сутки, и двое, и трое.

Недовольные, они легли в тень кустов, замолчали. Он пожалел их, еще развел водой крошки хурута, налил по неполной чашке, сам есть не стал: впереди много дней пути, может случиться всякое, пищу надо беречь. Приказал нукерам поочередно стоять на карауле и лег спать.

Во сне увидел Оэлун. Не растерянно-задумчивую, какой она была в последний день пути, а веселую, с любопытно-озорными искрами в глазах – такой она была в своем родном курене. Как и тогда, она напевала песни, рассказывала о своих сородичах – олхонутах, посмеивалась чему-то, разглядывая его. Слушая ее полузабытый голос, он до боли сжимал челюсти, потому что – странное дело – понимал: это не явь, а всего-навсего сон. И когда его разбудили нукеры, поднялся мрачный, с тупой болью в душе.

Кони уже были оседланы, стояли на привязи у кустов, отбиваясь хвостами от туч злой мошкары. Он туже затянул пояс с тяжелым мечом, привычно осмотрел место стоянки – не забыто ли что-нибудь? – поднялся в седло.

Огромное красное солнце коснулось края степи, лучи света скользили по земле, били прямо в лицо. Он закрыл глаза, положил поводья на луку седла, отдаваясь на волю коня, и поплыл в дальние дали на небыстрой волне своих дум. Еще одной его ошибкой было то, что не остался у хори-туматов. Все-таки надо было послушаться совета Бэрхэ-сэчена. Выслеживал бы могучих лосей, ходил с рогатиной и ножом на медведя, бил соболя и белку. Трудная, полная опасностей жизнь одинокого охотника, возможно, помогла бы забыть прошлое и обрести покой. Уехать, наверно, и сейчас не поздно. Плохо, что нет уже Бэрхэ-сэчена, своим

мудрым словом он излечил бы его больную душу. Во главе племени теперь его сын Дайдухул-Сохор – человек отважный и, кажется, умный. Тохто-беки и Тайр-Усун лукавством, хитроумием пробуют сейчас и его, как татар, втянуть в борьбу с тайчиутами, думают добиться того, чего не могли при жизни Бэрхэ-сэчена. Однако молодой вождь остается верным заветам своего отца: не искать брани, не размахивать мечом, угрожая соседям. Для него, Чиледу, было бы радостью увидеть здесь бесстрашных хори-туматов, но раз этого не хочет Дайдухул-Сохор, он не станет помогать Тайр-Усуну вовлекать своих далеких соплеменников в кровавую свалку племен. Он заплатит сполна тем двум тайчиутам и, если останется жив, уедет на родину своих предков.

– Мы что, так и будем тащиться шагом? – спросил кто-то из нукеров.

Он встряхнулся, тронул коня. Тишину ночи раздробил топот копыт.

В курень Тохто-беки приехали вечером. Чиледу хотел отоспаться, потом уж идти к нойонам. Но не успел расседлать коня, прибежал нукер с повелением: немедля явиться к Тохто-беки. Чиледу снял с себя оружие, доспехи, облегченно повел плечами, спросил:

– Какие тут новости?

– Хорошие новости. Пощипали курень самого Таргутай-Кирилтуха.

– Ну? Людей захватили?

– А как же, много! Но сюда довезли мало. Таргутай-Кирилтух насел на хвост. Всех, кто постарше, мы прикончили. Чик-чик – нету! – Нукер хохотнул. – А что, правильно. Старье куда годно? Только еду переводить.

Нукер был не молод. Из-под шапки на покатый морщинистый лоб налезали седеющие волосы, широкие зубы были желты, как у старой лошади. Чиледу со злым удовольствием сказал:

– Вот попадешь к тайчиутам или кэрэитам, тебя тоже прикончат дорогой.

– Хо! Сказал тоже! Я еще не старый.

– У тебя рот большой, жрать, должно быть, здоровый. Таких убивают в первую голову.

Разозлила Чиледу не хвастливость нукера и не то, что кому-то там убавили срок жизни, – так делали почти всегда: немощные, старые пленные – обуза, от них избавлялись не задумываясь, обидно было, что не участвовал в этом набеге, упустил еще один случай узнать что-нибудь.

Возле большой белой юрты Тохто-беки толпились разные люди, но дверная стража никого не пускала к нойону. В юрте, кроме Тохто-беки, были его старшие сыновья – Тогус-беки, Хуту, нойоны Тайр-Усун и Хаатай-Дармала. Чиледу начал было рассказывать, как и где прошли через кочевья тайчиутов, но Тохто-беки нетерпеливо дернул головой, навеки склоненной к правому плечу, приказал:

– Говори о татарах. О Мэгуджине Сэулту.

– Мэгуджин Сэулту сказал: «Кони мои сыты, колчаны полны стрел, мечи остро наточены…»

– Хвастун! – обронил Тайр-Усун, поморщившись.

– Ему есть чем хвастать, – возразил Тохто-беки. – Но подожди…

– «…однако, – сказал Мэгуджин Сэулту, – у наших мечей одно острие, и повернуто оно в сторону Алтан-хана». Тогда я, простите за дерзость, высокородные нойоны, сказал ему так: если охотник поворачивается спиной к рыси, сидящей на дереве, она падает на него и вонзает в шею клыки.

– Ты сказал ему правильно! – одобрил Тохто-беки. – Но все это, я думаю, он понимает и сам.

– Да, понимает. Он сказал, что, когда с одной стороны тебя подстерегает рысь, а с другой рычит тигр, безопаснее стать лицом к тигру. Рысь либо прыгнет, либо нет. Тогда я сказал ему: пока тигр рычит, готовясь к нападению, есть время отогнать рысь туда, где ее перехватит

второй охотник. После этого разговора Мэгуджин Сэулту собрал своих нойонов. Они долго думали, потом сказали мне: «Мы согласны помочь вам».

– Они думали при тебе? – спросил Тохто-беки.

– Нет, без меня. Но я подарил баурчи Мэгуджина Сэулту нож с рукояткой из белой кости, и он мне рассказал, что нойоны долго спорили. Мэгуджин Сэулту с большим трудом склонил их к единодумию… Но, на мой худой ум, некрепкое это единодумие может кончиться в любое время.

Хаатай-Дармала, грузный человек, с красным, прошитым синими прожилками лицом, многозначительно покашлял.

– Татары будут с нами. – Поднял толстый палец с кривым ногтем. – Я это говорил всегда.

Чиледу только сейчас заметил, что Хаатай-Дармала по ноздри налил себе архи и держится прямо с большим трудом. Сыновья Тохто-беки – оба невысокие, плотные, узкоглазые и быстрые в движениях, как отец, – едва Хаатай-Дармала открыл рот, с веселым ожиданием уставились на него, младший, Хуту, прыснул в широкий рукав шелкового халата. Тохто-беки сердито посмотрел на сыновей, на Хаатай-Дармалу:

– Помолчите! – Спросил у Чиледу: – Что еще?

– Все.

– Ты сделал много больше того, что я ожидал. Молодец! Но по твоему лицу вижу, что ты чем-то недоволен. Чем?

– Я всем доволен. – Чиледу подавил вздох.

Тайр-Усун наклонился к уху Тохто-беки, что-то сказал ему.

– Да, – сказал Тохто-беки, – он заслужил награду. Что бы ты хотел получить из моих рук? Быстрого скакуна? Седло? Юртовый войлок?

– У меня все есть.

– У него, верно, все есть, кроме жены. – Выпуклые глаза Тайр-Усуна весело блеснули. – Подари ему пленную девку. Ту, что все время орет.

– Веди ее сюда.

Тайр-Усун вскоре вернулся. Вслед за ним нукеры втолкнули в юрту девушку с растрепанными волосами и грязным, исцарапанным лицом. Халат на ней был рваный, в одну из дыр выглядывала округлая грудь с темной точкой соска. Взгляд мутных, одичалых глаз заметался по юрте, по лицам людей.

– Красавица! – Тайр-Усун откинул с ее лица волосы, потрепал по щеке.

Девушка вцепилась в его жилистую руку острыми ногтями. Он дернулся, вырвал руку и наотмашь ударил по лицу. Девушка завыла тонко, пронзительно.

– Не нужна мне эта женщина!

– От милости не отказываются, за милость благодарят, – строго сказал Тайр-Усун. – К лицу ли воину бояться женщины? Табунного коня объезжают, молодую жену приучают.

Девушка не переставала выть. Тохто-беки заткнул пальцами уши.

– Веди ее в свою юрту.

Чиледу шагнул к ней, взял за руки. Девушка рванулась, захлебываясь от крика, больно пнула его по ноге. Сердясь на своего нойона, на эту обезумевшую девушку, Чиледу подхватил ее на руки, вынес из юрты. Толпа сгрудилась возле него, посыпались крепкие шуточки и веселые советы.

– Расступись! – крикнул он.

На руках принес ее в свою юрту, бросил на постель, погрозил кулаком:

– Покричи еще! Стукну разок – навсегда замолчишь!

Но она его, должно быть, и не слышала, каталась по постели, сотрясаясь всем телом от рыданий. Вечерние сумерки втекали в юрту через дымовое отверстие. Очага разжигать он не стал, съел кусок старого, с прозеленью, сыра, лег спать у двери (еще убежит – себе на беду).

Но разве заснешь! Кричит и кричит, уж и обессилела, и охрипла, а замолчать не может. И Оэлун, наверно, так же выла от безысходного отчаяния, и не было кругом ни одного человека, который понял бы ее горе.

– Перестань, – попросил он ее. – Пожалуйста, перестань. Твой крик скрежещущим железом царапает душу. Ничего худого тебе не сделаю, слышишь? Ты мне совсем не нужна. Хочешь – уходи. Только куда ты пойдешь? Некуда тебе идти.

Его негромкий голос, кажется, немного успокоил ее. Рыдания стали тише. Он поднялся, подошел к ней, положил руку на вздрагивающее плечо. Девушка отпрянула, села, прижимаясь спиной к решетке юрты.

– Ты послушай меня… – Он снова протянул руку.

Девушка вцепилась в запястье острыми зубами. Он не отдернул руку, сказал с укором:

– Ну зачем это?

Ее зубы медленно разжались.

– Уйди!

– Не бойся ты меня, не бойся!

Ему очень хотелось, чтобы она успокоилась, поняла, что он и в самом деле желает ей лишь добра. Развел в очаге огонь, принес в котелке воды.

– Пей. Тебе будет легче. Смотри, что с моей рукой сделала.

На запястье два кровоточащих полумесяца – следы ее зубов.

Она сидела на том же самом месте, спиной к решетке, и всхлипывала, но взгляд опухших от слез глаз стал как будто яснее.

– Видишь кровь? Клянусь ею: ты для меня сестра. Понимаешь? Ну ничего, потом поймешь. Ложись спать.

Свет от пламени очага полоскался на сером войлоке потолка, искры стремительно уносились в дымовое отверстие, исчезали в черном небе. Девушка стянула у горла халат, прикрывая голую грудь. Он лег на свое место, отвернулся.

– Почему так убиваешься? Муж остался там?

– Н-нет.

– Мать? Отец? Дедушка?

– Они убили дедушку… И его мать убили.

– Мать твоего дедушки, что ли?

– Булган, мать моего жениха.

– А-а… Не изводи себя слезами. Смерть не самое страшное, девушка. Тебя как зовут?

– Каймиш.

– Кто твой жених, Каймиш? Воин? Нойон?

– Мой дедушка учил его делать стрелы. У меня теперь никого нет. И у него тоже нет родных.

– Я твой брат, Каймиш, – напомнил он.

– Ты вправду такой… ну, добрый? Не обманываешь меня? Лучше уж убей, чем обманывать.

– Не обманываю. Я на крови клялся. Не знаю только, зачем, для чего все это делаю. Для меня нет более заклятых врагов, чем твои тайчиуты.

– Я не из их племени. И жених тоже. Мы рабы – боголы – тайчиутов. Ты нойон?

– Не нойон и не раб, я воин. Служу нойону.

– Отец моего жениха тоже служил нойону. Но его убили. А жениха сделали черным рабом.

– Кто его убил?

– Люди Таргутай-Кирилтуха. После смерти Есугей-багатура.

– Что? – Он резко повернулся к ней.

– Он служил Есугей-багатуру. Потом его жене.

– Оэлун?

– Да, так ее, кажется, зовут. Сама я ни разу не видела ни Есугей-багатура, ни его жену. Но мой жених и его мать очень хвалили…

– Есугея?

– Госпожу Оэлун.

– Ты знаешь, где она сейчас?

– Этого я не знаю. Ее сын долго жил в нашем курене. Ходил с кангой на шее. Ему помогли убежать. Тайчу-Кури за это сильно били. А Тэмуджина искали – не нашли.

– Ты его видела, сына Оэлун?

– Много раз.

– Какой он из себя?

– Ну, какой… Высокий, рыжий.

– Рыжий?! – Что-то внутри у него оборвалось, заныло. – Рыжий?

Он сел к огню, сгорбился, опустил плечи, надолго замолчал, позабыв о Каймиш. Она смотрела на него с недоверчивым недоумением, не могла, видимо, понять, что это за человек, почему при упоминании имени Есугея он так резко переменился.

– Твой жених знает, где сейчас Оэлун?

– Этого никто в нашем курене не знает. Она тебе кто, Оэлун?

– Никто. – Он вздохнул. – Она могла стать матерью моих детей.

– Почему же не стала?

– Почему ты не в юрте своего жениха, а здесь? В этом проклятом мире человек подобен хамхулу[36]. Ветер гоняет по степи, пока не закатит в яму. Для чего мы живем, если жизнь – сплошная мука?

Он задал этот вопрос не ей – себе, но девушка подумала, что спрашивает ее.

– Не знаю… Дома мне жилось хорошо. Дедушка… – Она заплакала опять, вытирая кулаком слезы. – Они убили его на моих глазах.

– Ты только не кричи! – попросил он.

– Не буду. Сейчас мне уже лучше. Спасибо тебе. До этого было страшно. Хотелось кричать и кричать, чтобы сойти с ума. Ты мне поможешь вернуться к жениху?

– Это сделать не так просто, Каймиш. Он очень нужен тебе?

– Да. И я ему тоже.

– Это хорошо. Я постараюсь что-нибудь сделать… У сына Оэлун глаза светлые?

– Светлые.

Он кивнул:

– Как у Есугея.

– Ты знал его?

– Видел один раз. В другой раз свидеться не пришлось. Теперь встретимся только там. – Он показал пальцем в черную дыру неба, горько усмехнулся.

VII

Перед юртой горели два больших огня. У входа, спиной к юрте, слегка сутулясь, стоял Тэмуджин. Лицо, неровно освещенное пламенем, было хмурым и усталым, уголки губ обиженно опущены. Напротив, у огня, стояла Борте, чуть дальше теснились его родные и родные невесты, еще дальше, у крытой повозки, завершил приготовления к обряду шаман Теб-тэнгри. Тэмуджин нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Когда все это кончится?

---

[36] *Хамхул* – перекати-поле.

Борте, словно передразнивая его, тоже переступала с ноги на ногу. На ней была одежда замужних женщин: широченный номрог из блестящего шелка, бохтаг с тонкой серебряной спицей, увенчанной лазоревыми перьями неведомой птицы. Ее мать Цотан тоже была в шелковом номроге и бохтаге. Толстая, с гладким лицом, она стояла рядом с его матерью, что-то шептала ей и добродушно улыбалась. Оэлун в старом, много раз чиненном халате, в низкой вдовьей шапочке, маленькая, худенькая, с загрубелыми от работы руками, рядом с Цотан казалась служанкой, такой же, как Хоахчин. Обида росла и росла в нем, поднималась к горлу, перехватывала дыхание.

Обида родилась еще там, в курене хунгиратов. Отец Борте Дэй-сэчен, все его родичи были радушны и приветливы, но Тэмуджин все время чувствовал: он для них нищий наследник прославленного отца, достойный милости, но не уважения. Не видать бы ему Борте, как кроту неба, не будь с ним Теб-тэнгри. Ловкий шаман, великий искусник в спорах, повел дело так, что достойному Дэй-сэчену ничего не осталось, как отдать дочь или признать себя клятвоотступником. Но, не удерживая Борте, он неуловимо, неуличимо давал понять – это милость. И богатые дары, и эта белая юрта, и пышная одежда невесты, и то, что сам Дэй-сэчен не поехал провожать дочь, все, как сейчас понимает, было сделано для того, чтобы он мог в полной мере оценить свою бедность, свою неспособность ответить равным подарком. На пирах хурчины в своих песнях славили подвиги, которых он не совершал, величали владетелем улуса, которого он не имел… Они издевались над его незначительностью. Но там он этого до конца не понял. Там все заслоняла одна мысль – увезти Борте.

Но вот привез. Увидел свою мать, оборванных братьев, поставил рядом со своей юртой, дырявой и ветхой, юрту невесты, а в сердце ни капли радости – тоска и обида. Скорей бы все кончилось…

Он скосил глаза в сторону огней. Рядом тихо катил свои воды голубой Керулен. Противоположный, высокий берег был подмыт, от воды круто вверх поднимался глинистый яр, источенный норами стрижей. Острокрылые птицы стремительно носились над рекой, и прохладный вечерний воздух был заполнен их щебетом. Эх, если бы он мог прямо сейчас повернуться спиной ко всем, перебраться на ту сторону, сесть на край обрыва и в одиночестве смотреть на веселых стрижей, на крутые повороты реки… Нельзя. А что можно? Почему человек должен делать не то, что он хочет?

Подошел Теб-тэнгри, молча отодвинул его чуть в сторону, разостлал у входа в юрту войлок, на него положил онгонов, шепча молитву, обрызгал их архи. Движения шамана были неторопливы и полны достоинства. На просторном халате висели металлические изображения разных животных, на голове была шапка из плоских железных обручей, на макушке, где обручи скрещивались, торчали, будто рожки молодого дзерена, два медных прутика, изображающих лучи, на лоб, на виски свешивались треугольники подвесок, сзади была прикреплена цепь, оканчивающаяся целым набором побрякушек. При каждом шаге шамана подвески, изображения животных тихо позванивали.

Сумерки к этому времени сгустились. Огни стали словно бы ярче, их отсветы заплясали на черных волнах Керулена. Теб-тэнгри встал между огнями, поднял над головой бубен, резко, отрывисто ударил пальцами. Тугой звук пролетел над рекой, толкнулся в кручу яра и, рассыпаясь, покатился обратно. Шаман подождал, когда звук умрет, и нараспев заговорил:

Владетели этих просторов,
Покровители этой земли,
Отзываясь на эхо гор,
Наслаждаясь дыханьем ветров,
Одарите богато потомством,
Благословите скотом!

И снова несколько раз ударил в бубен. Звуки и эхо сшибались над рекой. Не ожидая тишины, шаман говорил духам, высоко подняв узкое лицо с реденькой бороденкой:

Владетели этих просторов,
Покровители этой земли,
Охраной идущие сзади,
Несущие вехи вперед,
Исполните наше прошенье!

Звуки голоса шамана, рокот бубна и эхо смятенно метались над рекой, катились в тихую степь. Внезапно, резко оборвав моление, шаман знаком указал Борте на войлок с онгонами. Она подошла к ним, трижды поклонилась, потом приблизилась к Оэлун, трижды поклонилась и ей, вернулась к огням, остановилась на прежнем месте, напротив Тэмуджина. На ее краснощеком лице, озаренном пламенем, он не заметил ни смущения, ни робости – смотри какая!

Он подал ей конец плети и, как того требовал обычай, потянул к себе меж огнями. Не потянул – дернул. Борте, не ожидавшая рывка, запнулась и чуть не упала. Толкнулась ему в грудь, больно ударив по носу спицей бохтага, резко отдернула голову. Прямо перед своим лицом он увидел ее сердитые глаза, услышал короткое, как удар по щеке:

– Бух![37]

От мгновенно вспыхнувшей, обжигающей злобы остановилось сердце, в ладонь впились ногти.

Боорчу встрепенулся, подался к нему:

– Э-э, что-то долго любуетесь друг другом! Потом…

Тэмуджин круто развернулся, слегка задев плечом Борте, и вслед за шаманом вошел в юрту. Теб-тэнгри разжег огонь, простер над ним руки.

– Госпожа очага Галахан-эхэ! Твоим соизволением рождено это пламя. Так пусть же будет оно защитой жилища от злых духов, оградой от людского коварства, пусть доброе согревает, не обжигая, а злое уничтожает, ничего не оставляя. Пусть тысячи лет не гаснет огонь! Благослови очаг, Галахан-мать!

Оэлун подала Борте три кусочка сала, и та один за другим бросила их в очаг. Вслед за этим мать подала ей три чашечки с маслом. И масло Борте вылила в огонь. Пламя зашкварчало, вспыхнуло, взлетело чуть не к дымовому отверстию, заставив всех отодвинуться от очага. Борте, прикрывая лицо ладонью, присела у огня, поправила палкой обугленные куски аргала.

Шаман снял с головы железную шапку, вытер ладонью лоб.

– Все. Отныне, Борте, ты жена Тэмуджина, полноправная хозяйка этого очага. А ты, Тэмуджин, – ее муж, хозяин этой юрты.

Тэмуджин обвел взглядом юрту с новенькими решетчатыми стенами, гладко выструганными жердинками – уни, поддерживающими свод, – дерево, войлок не успели потемнеть, были вызывающе белыми. Ее юрта. И толстый постельный войлок – ширдэг, и мягкое одеяло из шкур молодых барашков, и целая стопка стеганых войлоков – олбогов – для сидения – все ее. Ему тут принадлежат разве что серые плиты камней очага. Хозяин!

Оэлун пригласила всех в свою юрту. Родное жилище никогда не казалось Тэмуджину таким ветхим, как сейчас. Из-за решеток стен и жердинок – уни, черных от въевшейся копоти, вылезали клочья войлока, когда-то белого, но теперь, как и дерево, почерневшего от сажи.

Приветливо кланяясь, Хоахчин подавала молочное вино и вареное мясо. Вино мать приготовила сама. Жирного барана привез Боорчу, братья сумели поймать несколько отъевшихся

[37] *Бух* – бык.

тарбаганов. Хорошо хоть тут обошлось без милостей новых родичей! Бесхитростная толстуха Цотан, не ожидавшая такого угощения, не скрывая, удивлялась и безудержно хвалила умелую, рачительную хозяйку.

От вина, от пышных благопожеланий все повеселели. Младший братишка Тэмугэ-отчигин, не пробовавший до этого архи, сразу же опьянел, свалился на бок. Хасар и Хачиун усадили его на место. Но тело Отчигина было вялым, как бурдюк с водой, он валился то в одну, то в другую сторону, бессмысленно хлопал округлевшими, будто у совы, глазами. Борте взглянула на него, рассмеялась. Ее смех обидел Тэмуджина.

– Хасар! Уложи парня спать! – крикнул он.

Скрывая бешеный блеск глаз, наклонился над деревянным корытом с мясом. Сейчас ему было непонятно, как он мог мучить себя думами о Борте, ждать и желать этой встречи. Сейчас он ее почти ненавидел.

Было уже за полночь, когда братья один по одному, отяжелев от архи, улеглись спать. Боорчу, умученный свадьбой не меньше, чем он сам, тоже привалился к братьям и сладко захрапел. Тэмуджин вместе с матерью проводил жену и Цотан в новую юрту, возвратился. Хоахчин убирала остатки еды и посуду, Теб-тэнгри дремал.

Мать устало присела на край постели сыновей, попросила сесть рядом Тэмуджина.

– Что с тобой, сын?

Лицо матери было озабоченным, во взгляде тревога. Тэмуджин опустил голову. Ему казалось, что он сумел скрыть свою боль и злость. За ужином мать была обходительной с гостями, рассказывала Цотан о пережитом – без жалобы на тяготы и несчастья, все в ее рассказе выглядело забавным. Толстые щеки Цотан тряслись от смеха, узкие глаза блестели от веселых слез. На него мать как будто даже и не смотрела. А вот увидела все…

– Там что-нибудь случилось? – вновь спросила она.

– Нет, не случилось… Но Борте… И ее мать. Они тут как хозяева, а мы… Не замечаешь, что ли?

– Нет, сын, ничего такого я не заметила. Ты не прав. Но расскажи, что было там, в курене хунгиратов.

Он начал было говорить, но тут же замолчал, развел руками. Рассказывать было не о чем, все гладко, пристойно…

Мать немного подождала, с досадой сказала:

– Так чего же ты ходишь как туча, дождем отягощенная?

Теб-тэнгри пошевелился, протяжно зевнул:

– Матушка Оэлун, не будь строга с Тэмуджином. – Теб-тэнгри громко чихнул. – Его пожалеть, приласкать надо. Сосна от жары источает смолу, печень человека от обиды – желчь.

– Кто обидел Тэмуджина?

Теб-тэнгри чихнул еще громче.

– Духи зла щекочут мои ноздри – с чего бы это? Кто обидел Тэмуджина? Он думал, что его примут как багатура, как владетеля великого улуса…

– Я этого не думал, Теб-тэнгри!

– Но ты ждал почестей. Или нет? Ждал, Тэмуджин! А ты их заслужил?

– Высокий род моих детей достоин почестей, – строго сказала Оэлун. – И ты, сын лучшего из друзей Есугея, должен был напомнить хунгиратам об этом. Можно ли безучастно смотреть, как стая старых ворон заклевывает молодого орленка?

– Но его не заклевали. Чуть помяли перышки. Так это, матушка Оэлун, даже хорошо. Будет смелее, умнее, осмотрительнее! – Теб-тэнгри приветливо улыбался Тэмуджину.

И эта мягкая улыбка, и совсем не мягкие слова вывели Тэмуджина из себя. Крикнул:

– Молчи! Ты помог бежать от Кирилтуха – спасибо! Ты помог жениться – спасибо! Ты мог сделать так, чтобы хунгираты приняли меня как равного. Не захотел. Ладно, это твое дело. Но рассуждать, что для меня хорошо, что плохо, не смей!

– Почему, Тэмуджин? – Улыбка шамана стала виноватой, но в глазах замерцали огоньки. – Почему ты можешь мне говорить все, а я – только сладкую половину? Любишь мед – не морщись, когда жалят пчелы. Да, я мог оградить тебя от злословия хунгиратов. Да, я не сделал этого. А почему? Вы с матушкой думали найти в курене хунгиратов покровителей и заступников. Напрасные надежды. Я это понял сразу. Но я хотел, чтобы и ты это понял так же, как я. И ты теперь знаешь, что хунгираты примут тебя, однако не как нойона – как пастуха их стад.

Оэлун смутили слова шамана. Она глянула на сына, как бы спрашивая: так ли это? Тэмуджин отвернулся. Что тут скажешь, так все и было. Шаман ничего не прибавил, не убавил.

– Где же нам искать опоры и защиты? – с отчаянием сказала Оэлун. – Одинокое дерево и слабый ветер выворачивает с корнем.

– Разве вы одни разорены, унижены? Разве мой отец Мунлик, мои братья не разделили вашу участь? – Теб-тэнгри уже не улыбался, в голосе прорывалось раздражение. – Я поеду по куреням, буду говорить с теми, кто принадлежал вашему роду. Они возвратятся. Но ты, Тэмуджин, не уподобляйся линялой утке, прячущейся от ястреба в камышах. Взлети над степью кречетом. Я говорил – выбирай. Что ты выбрал, Тэмуджин?

Шаман замолчал, ожидая ответа. Тэмуджин отвернулся от его острого, вопрошающего взгляда. Было глупо надеяться, что Теб-тэнгри поможет ему обрести покровительство хунгиратов. Шаману он нужен тут, чтобы собрать улус Есугея. Его отец Мунлик и братья пасут стада Таргутай-Кирилтуха и будут пасти до скончания дней своих. Им некуда идти. Для них одна надежда – он, Тэмуджин. Если он возвратит улус отца, Мунлик и его сыновья снова будут жить, как жили в старину. А сколько таких, как Мунлик и его сыновья? Много. Может быть, сотни, может быть, тысячи. На них-то и надеется шаман. Ну а он может ли, должен ли все свои надежды возлагать на шамана? Не заметишь, как окажешься у него на коротком поводке, станешь думать его головой.

– Подождем…

Мать, тоже ждавшая ответа, одобрительно наклонила голову: она не хотела, чтобы решение сына было торопливым и легкомысленным.

А Теб-тэнгри насмешливо хмыкнул. Больше об этом не говорили. Утром, когда Тэмуджин проснулся, шамана уже не было – уехал.

Цотан гостила еще несколько дней. Перед отъездом она достала из своей повозки доху черного соболя, подбитую узорчатым шелком, с поклоном преподнесла Оэлун.

– Прими от меня… У тебя доброе сердце. Будь моей Борте матерью, такой же, какой была я. Оберегай ее.

Пухлым кулаком вытерла глаза, глянула на Тэмуджина, и он понял, что толстуха догадывается о его неприязни к ней и ее дочери, ко всем хунгиратам. А-а, пусть…

Вместе с Боорчу проводил ее до кочевий хунгиратов.

Обратно ехали молча. Тэмуджин угрюмо думал о будущем. Он так надеялся на Дэйсэчена, на хунгиратов. Не вышло. Может быть, поехать к Таргутай-Кирилтуху, покорно склонить голову – не губи, дозволь жить по собственной воле. Нет, не дозволит, снова наденет кангу. Неужели остается один путь, тот, на который его так настойчиво толкает шаман?.. Куда он уехал? Не покинул бы совсем… Что о нем ни думай, но пока только шаман и делит его заботы о будущем. Остается еще одна, последняя надежда – хан Тогорил. Но с ханом или без него, а за дело пора приниматься…

– Тэмуджин, – Боорчу положил руку на его плечо, – почему ты все время молчишь и по твоему лицу ходят тучи? Или мы не сделали того, что задумали?

– Сделали, Боорчу. Не знаю, чем и оплатить твои заботы, друг.

– Не ради награды я ездил с тобой, Тэмуджин.

– Ты возвратишься к отцу?

– Да. А что?

– Нужен ты мне, друг Боорчу.

– Хорошо, Тэмуджин. К отцу я поеду потом. Подождет.

– Ты мне нужен не на день или два. Туг моего отца бросили под копыта коней. Я вот думаю – не время ли поднять его?

– О! – удивленно округлил рот Боорчу. – Я готов повесить на пояс меч.

– Сейчас ты поезжай к отцу. Поговори с ним. Если отпустит, приезжай.

– Отпустит или нет – приеду. Мне ли, зевая от скуки, пасти овец и доить кобылиц? – Боорчу шутливо-молодецки подбоченился.

– Самовольно не приезжай, Боорчу. Твой отец должен остаться нашим другом. Нам нужно много друзей.

– Ладно, – пообещал Боорчу не очень охотно.

Попрощались и разъехались в разные стороны.

К своей стоянке Тэмуджин добрался на другой день поздно ночью. С низовьев Керулена дул сильный ветер, нес мелкую пыль, свистел в кустах тальника. Бросив повод на кол коновязи, Тэмуджин постоял, ожидая, что кто-нибудь выйдет из той или другой юрты. Тихо. Спят. Как можно! Всех повяжут когда-нибудь…

Идти к жене не хотелось. Но и в свою юрту не пойдешь: мать будет недовольна. Не хочет, чтобы он обижал Борте. Мать чуткая, а вот не поймет никак, что все наоборот. Это Борте обижает его своей кичливостью. Ну ничего, он ей укажет ее место. Пусть только попробует возвеличиваться перед ним.

Он решительно отбросил полог белой юрты, переступил порог. Темень – собственного носа не видно.

– Тэмуджин?

Зашуршала одежда. Рядом с собой он услышал дыхание Борте. Ее руки быстро-быстро ощупали плечи, голову, обвились вокруг шеи, теплая щека прижалась к его подбородку. Он отодвинул жену, внутренне напрягаясь, сказал:

– Иди расседлай коня.

Ждал отказа, заранее закипая от злости.

– Я сейчас, – просто сказала Борте, возясь у постели.

Он разгреб пепел в очаге, вывернул снизу горячие угольки, принялся разводить огонь. Готовность Борте подчиниться привела его в замешательство. Он ожидал другого. Подбрасывая в пламя крошки аргала, прислушивался к звукам за стеной юрты. Конь у него норовистый. Может и лягнуть, и укусить, особенно если почует, что человек перед ним робеет. Ничего не слышно, кроме шума ветра. Кажется, все обойдется.

Сгибаясь под тяжестью седла, Борте вошла в юрту. Следом ворвался ветер, громко хлопнул дверным пологом, закрутил, смял огонь в очаге. Борте поправила полог, поставила на огонь котел с супом – шулюном, налила в чашку кумыса, протянула ему. Круглое ее лицо с узким, приподнятым к вискам разрезом глаз было спокойным.

– Как спите! Уволокут всех – не проснетесь.

Получилось это у него не сердито, а ворчливо.

– Я не спала.

– Почему же не вышла?

– Тебе хотелось пойти в юрту матери. Зачем же мешать? – Она насмешливо посмотрела на него.

У Тэмуджина вдруг пропала охота спорить. Молча выпил кумыс, подал ей чашу:

– Налей еще… Борте, ты помнишь, как я жил у вас?

– Помню. – Она задумалась. – Ты боялся собак и чужих ребятишек. – Неожиданно улыбнулась – по-доброму, без насмешки.

– Ребятишек я не боялся!

– Ну-ну, рассказывай… – Поставила перед ним суп. – Ешь. Устал? – Провела ладонью по его голове, поправила косичку.

И это прикосновение было, как все ее движения, уверенное, не застенчивое, но и мягкое, ласковое одновременно. Сейчас он вспомнил, что и в детстве Борте была такой же. Тогда разница в возрасте и то, что он жил у них, как бы уравнивали ее с ним.

– Почему твои сородичи не любят меня? Раньше все было иначе.

– Они не хотят ссориться с тайчиутами. У каждого свои заботы, Тэмуджин.

– А какие заботы были у тебя?

– Я ждала тебя, Тэмуджин. С тех пор, как ты уехал от нас…

– Ждала? – Он недоверчиво глянул на нее. – Ничего себе ждала! Приехал – не подступись.

– Я сердилась не на тебя. На своих родичей. Они хотели отдать меня другому. А потом я рассердилась и на тебя. Даже больше, чем на родичей.

– Хо! Я-то при чем?

– Ты был похож на молодого быка, которому только бы бодаться!

– Это меня бодали твои родичи – то в живот, то под ребро. Мне нужно было терпение крепче воловьей кожи, чтобы выдержать все это.

– Но я-то не виновата!

– Ты, гордая, своенравная, богатая, была не лучше других.

– Ладно, Тэмуджин. Все то – прошлое. А что сейчас? Приближаясь к тебе, я натыкаюсь на те же бычьи рога. Всегда так будет?

– Не знаю. – Он вздохнул. – Я думал, ты за эти годы сильно поглупела.

– То же самое я думала о тебе. Еще я думала: Тэмуджин ли это?

Этот разговор, прямой, без недосказанностей, свалил с его души камень.

– Поди сюда, Борте.

Она придвинулась к нему. Тэмуджин обнял ее за плечи, притянул к себе. Сквозь тонкий шелк легкого халата руки ощутили упругое и горячее тело, и кровь толчком ударила в виски. Борте осторожно убрала руки, ушла к постели. Он остался сидеть у огня. Совсем не к месту подумал о вечном страхе перед тайчиутами, о бедах, которые могут обрушиться на эту юрту, на Борте. Она ничего не знает, думает, что будет жить спокойно, как в курене осторожных, не охочих до драк хунгиратов.

Он сказал ей об этом. Но мысли Борте были далеко от того, о чем он говорил, – не поняла.

– Одинокие и неприкаянные, скитаемся мы по степи – понимаешь? Нельзя так жить дальше. Но еще опаснее жить иначе. Ты должна быть готова ко всему, Борте.

– Дело мужчины – выбирать дорогу. Дело женщины – следовать за ним. О чем тут говорить?

– Сегодня мы должны поговорить обо всем. Я начинаю новую жизнь. Мне надо ехать к хану Тогорилу. Ты не обидишься, если я увезу ему вашу соболью доху?

– Доха принадлежит твоей матери, Тэмуджин.

– Мать отдаст ее. Она моя мать.

– А я – твоя жена, Тэмуджин. А это почти одно и то же. Но зачем тебе задабривать Тогорила, если он анда твоего отца?

– Раньше я сказал бы так же. Но сейчас… Важен, Борте, не сам подарок. Тряхну перед светлым лицом хана собольей дохой, и всякому понятно будет: если я могу делать такое подношение, я, выросший без отца, обворованный и гонимый, значит гожусь на что-то и другое.

– А ты хитрый, – тихо засмеялась Борте.

– Поживешь, как жил я, тоже будешь хитрой… Стало быть, доху я отдаю?

– Все мое, Тэмуджин, и твое тоже. Отдавай доху, юрту – все, что хочешь. Только меня не отдавай никому. Меня бери сам. – Опять засмеялась, глаза лукаво блеснули. – Хватит разговоров. Иди сюда, Тэмуджин.

Они не спали остаток ночи. В дымовое отверстие начал вливаться рассвет, когда Тэмуджин, обессиленный, успокоенный, заснул на мягкой руке Борте.

Проснулся в полдень. Борте в юрте уже не было. Дверной полог откинут, виден берег реки с высокой измятой травой, бурая метелка щавеля, желтеющий кустик ивы. Близится осень… Все реже жаркие дни и все холоднее утренняя роса, рыжеют, засыхая, травы и осыпают на землю семена, табунятся на озерах перелетные птицы, грузные от ожирения тарбаганы не уходят далеко от своих нор. Наступает пора самой добычливой охоты. Хорошо бы сейчас поехать на озера стрелять гусей и уток. Или в глухих лесах темной ночью подманивать берестяной трубой рогача изюбра. Хорошо бы… Но все это надо выкинуть из головы. Сначала съездить к Тогорилу…

За юртой послышались голоса. Борте кого-то не пускала к нему.

– Большой человек стал Тэмуджин, спит до обеда, и разбудить нельзя, – ворчливо проговорил знакомый голос.

Тэмуджин вскочил, быстро оделся. В дверной проем просунулась голова в мягкой войлочной шапке – Джарчиудай! За его спиной стояли сыновья кузнеца – Джэлмэ и Чаурхан-Субэдэй.

– Заходите!

Кузнец и его сыновья вошли в юрту. Джарчиудай пробурчал:

– Когда есть такая жена, собаки не надо.

Разостлав войлок у почетной, противоположной входу стены юрты, Тэмуджин пригласил гостей сесть.

– Здоров ли скот, множатся ли стада? – спросил кузнец, оглядев юрту. – Вижу, твои дела поправились, рыжий разбойник!

– Небо милостиво ко мне.

Джарчиудай нисколько не изменился. Все так же сурово смотрели из-под клочковатых бровей глаза, все таким же скрипучим был его голос, и халат на нем, старый, во многих местах прожженный, был, пожалуй, тот же самый. А Джэлмэ окреп, раздался в плечах, настоящий мужчина! Чаурхан-Субэдэй тоже подрос, стал даже выше старшего брата, но, тощий, длиннорукий, он сильно смахивал на новорожденного теленка.

Братья смотрели на Тэмуджина улыбаясь: они были рады встрече. Джарчиудай кряхтел, сопел, ворчливо спрашивал о том о сем. Тэмуджин коротко отвечал, пытаясь угадать, что привело сюда въедливого урянхайца.

– Теб-тэнгри говорит: Небо предопределило тебе высокий путь. Скоро, говорит, ты отберешь саадак у самого Таргутай-Кирилтуха. Так ли это?

Тэмуджин с радостью отметил про себя: не покинул его шаман!

– Теб-тэнгри лучше знать волю Неба. А саадак Таргутай-Кирилтуха мне не нужен. Я хочу одного – покоя.

– Все хотят этого. Но покоя нет.

– Вы где теперь живете?

– В курене родного урянхайского племени.

– Урянхайцы отложились от тайчиутов? – удивился Тэмуджин.

– Да нет, – с досадой махнул рукой Джарчиудай, – племя, как и прежде, в воле Таргутай-Кирилтуха. Но нас не выдают, укрывают. После нойонов и шаманов главные среди людей мы, кузнецы. В этом наша радость, в этом и горе. Нойоны, грабя друг друга, в первую очередь хватают умельцев, потом резвых коней, потом красивых девушек. Красивых девушек берут в жены, коней берегут, а из нас вытягивают жилы.

Вспомнив прежние свои споры с кузнецом, Тэмуджин притворно посочувствовал Джарчиудаю:

– Теперь я понимаю, почему ты не любишь нойонов.

– Может ли вол любить повозку, которую везет? – Угрюмый взгляд Джарчиудая уперся в лицо Тэмуджина, и тот пожалел о сказанном.

– Но при чем здесь тот, кому Небо предопределило править повозкой? Не он ли смазывает салом оси, чтобы легче был ход колес, не он ли ищет для вола сочные травы и чистую воду? Не он ли бережет вола от волчьих стай? – Почувствовав, что он вроде бы оправдывается перед кузнецом, Тэмуджин начал горячиться.

– Слишком уж многие норовят сесть в повозку, и всем хочется править. И рвут вола всяк к себе, и летят с него клочья шерсти и кожи. Тебя столкнули с повозки, и ты готов пустить кровь любому, чтобы снова залезть на нее.

– Не сяду в повозку – колеса раздавят меня.

– Так лезь на нее сам, один. Не мутите вместе с честолюбцем-шаманом разум людей. На повозку ты влезешь по спинам павших, искалеченных. Ты будешь благоденствовать. А кто накормит, обогреет, защитит сирот?

Тяжкий взгляд кузнеца словно бы притиснул Тэмуджина к решетчатой стене юрты. Избавляясь от власти его взгляда, он резко распрямился и резко, почти срываясь на крик, сказал:

– Зачем так плохо думаешь! Будет у меня сила, избавлю людей улуса моего отца от того, что пережил сам, – от страха, голода, унижений и беззакония. Я знаю, что нужно людям – мне, тебе, твоим детям.

В суровом взгляде Джарчиудая что-то дрогнуло. Он опустил голову. Шевельнулись на лбу морщинки, столкнулись у переносья и обвисли брови, похожие на потрепанные ветрами крылья птицы. Кузнец долго молчал, растирая темные, в черных крапинках въевшейся окалины руки.

– Да, ты понимаешь больше, чем другие, – глухо проговорил он. – Но понимаешь ли все? Не забудешь ли то, что сказал сейчас?

– Я – забуду? – Тэмуджин раздернул халат, обнажив белую, не тронутую загаром шею с неровными красными пятнами – следами канги. – Это что? Разве это позволит мне забыть пережитое?

Джэлмэ все время порывался что-то сказать, но отец словно не замечал его. Джэлмэ кашлянул, спросил у отца:

– Можно мне?

– Молчи! Твой ум пока что жидок, как молоко, с которого собрали сливки. Молчи! Тэмуджин, я пожил немало. Я вижу, как по степи, закручивая пыль, бегут вихри. Они сшибаются, разрастаются. Зреет буря. Стар и млад понимают: надо жить иначе. Или мы найдем новую дорогу, или погубим друг друга. Хватит ли у тебя мудрости, чтобы выбрать верную дорогу, хватит ли смелости идти по ней до конца?

– Хватит! – запальчиво сказал Тэмуджин, но тут же покрутил головой, застегнул халат. – Не знаю… Что может сказать о дороге человек, если не топтал ее ногами или копытами своего коня?

Он чувствовал, что кузнецу надо говорить правду, слукавишь – уйдет отсюда с презрительной усмешкой на твердых губах.

– Ладно, – с натугой сказал кузнец. – Ищущий – отыщет. Собрался в путь – иди. Если ты дурак, пришибут, как муху, мешающую послеобеденному сну. А если умный…

В юрту вошли мать и Борте. Мать низко поклонилась Джарчиудаю:

– Теб-тэнгри говорил мне: ты спас моего сына…

Джарчиудай поморщился:

– Я спас свою совесть, что мне твой сын!

Мать удивленно раскрыла глаза, но ничего не ответила. Пригласила всех обедать.

За обедом кузнец продолжал расспрашивать Тэмуджина о его замыслах. И когда тот сказал, что собирается ехать к Тогорилу, одобрительно кивнул головой:

– Ты начинаешь правильно.

Тэмуджин повеселел. Кузнец, кажется, склоняется на его сторону. Будет, конечно, ворчать – такой уж это человек, – но поддержит. Однако вместе с радостью внутри родилось и смутное беспокойство. Слишком много хотят от него люди. Сначала шаман, теперь Джарчиудай. У него такое ощущение, какое, наверное, бывает у табунной лошади, на которую впервые надели седло, – и жмет, и трет, и стременами бьет, и не избавишься…

После обеда Джарчиудай остался в юрте матери, а Тэмуджин, Борте, братья, сыновья кузнеца вышли на берег реки. Хасар дернул его за рукав.

– Меня возьмешь к Тогорилу?

– А чем ты лучше других?

– После тебя я самый старший! – напомнил Хасар.

– Мне нужен не самый старший, а самый сильный и ловкий. Боритесь. Кто победит, тот поедет.

– Хорошо! – сказал Хасар, сбрасывая с себя халат.

– Мне и Джэлмэ бороться не нужно. – Долговязый Субэдэй нахмурился и сразу стал похож на отца. – Кто же нас отпустит с тобой?

– Боритесь. С вашим отцом я поговорю, – сказал Тэмуджин и ласково потрепал по плечу Субэдэя.

Младшие братья, Хачиун, Тэмугэ-отчигин, а с ними и нескладный Субэдэй, не устояли уже в первом круге. Победителями вышли Хасар, Бэлгутэй и Джэлмэ. Бросили жребий. Выпало – бороться Хасару и Джэлмэ. Прошли круг, размахивая руками и угрожающе хлопая себя по бедрам, остановились, сгорбившись, друг перед другом. Смуглое, почти черное тело Хасара напряглось, замерло. Джэлмэ елозил подошвами гутул по траве, отыскивая опору получше, настороженно следил за Хасаром. Как ни следил – проморгал. Черной молнией метнулись руки Хасара. Рывок. Джэлмэ потерял опору, рухнул на бок, взметнув гутулами легкую пыль.

Хасар пошел по кругу, издав торжественный клекот и воздев к небу руки.

Бэлгутэй поддернул штаны, вытер ладонью широкий нос. Приземистый, грудастый, с широко растопыренными короткими руками, в скосопяченных, рваных гутулах, он вперевалку пошел на Хасара. Тот поджидал его, облизывая сухие губы. Смуглая спина блестела от пота, казалась смазанной маслом. Узкие глаза – лезвие ножа.

– Хоп! – крикнул Тэмуджин и хлопнул в ладоши.

Хасар метнулся вперед, схватил Бэлгутэя за левую руку, дернул вниз, на себя. Бэлгутэй не сдвинулся с места. Правой рукой он поймал за шею брата, уперся ногами в землю, засопел, Хасар попробовал вырваться. Не вышло. Бэлгутэй обхватил его руками за поясницу, приподнял и резко опустил на землю. Хасар вскочил, разъяренный, как рысь, сунул кулаком в живот Бэлгутэя.

Тэмуджин шагнул к нему, влепил оплеуху.

– Ты чего? Борьба была честная. Не смей драться!

– Честная! – дрожал от ярости Хасар. – Он меня не силой свалил – сопением. Сопит прямо в ухо, верблюд сопливый!

Подошел Джарчиудай, сказал с осуждением:

– Строптивый у тебя братец.

– Это он так, шутит. Ты шутишь, Хасар, верно?

Брат поднял с земли халат, бросил на плечо, пошел, ни на кого не глядя. Тэмуджин догнал его, взял за локоть, стиснул пальцы, тихо проговорил:

– Иди утрись и со светлым лицом встань рядом с Бэлгутэем. Слышишь? Не встанешь – я при всех изобью тебя!

Рука Хасара отвердела, кожа на скулах натянулась.

– Уйди! А то как дам!..

Тэмуджин опустил его руку.

– Помни, что я тебе сказал.

Брат возвратился, стал рядом с Бэлгутэем, опустив голову и ни на кого не глядя.

Кузнец сидел на траве, смотрел на братьев, щурился.

VIII

Подседланные кони, косматые, разномастные, с разбитыми копытами, смирно стояли у коновязи. Мать и Борте увязывали седельные сумы, братья раскладывали в колчаны стрелы. Тэмуджин с кузнецом и его сыновьями сидели в юрте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.